

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 2 • Том 66 • 2025 • МАРТ–АПРЕЛЬ

Издательство Московского университета
Lomonosov History Journal

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Акимов Ю.Г. Создание Компании Гудзонова залива и английская экспансия на канадском Севере в последней трети XVII — начале XVIII века	3
Шпирко С.В. Моделирование динамики численности русского сельского населения по данным ревизий XVIII — середины XIX века (на примере одной вотчины Костромской губернии).	23
Андреев А.Ю., Григорьева Е.А. Гимназия в составе Московского университета: проблемы исторической памяти и создания музея (к 270-летию со дня основания).	40
Селезнев Ф.А., Князев М.А. Дипломат Н.Н. Шебеко о взаимоотношениях России с Австро-Венгрией и Германией в конце XIX — начале XX века	55
Парфирьев Д.С. «Новый край» и «Червонная Русь»: опыт издания русской частной газеты во Львове в 1915 г.	74
Суслопарова Е.А. Трагедия «Изумрудного острова» глазами современников: лейбористские комиссии в Ирландии в 1920 г.	91
Цыпкина А.Г. История одного неосуществленного проекта академика В.А. Стеклова	113
Жукова Ю.А., Подейко В.А., Гаджиламаммаев А.Г., Солопов А.П. Изменения в миграционном законодательстве Российской Федерации 2024 г.	138
Столярова Е.К. Технология изготовления перегородчатых эмалей: письменные и археологические источники	155
Холев Р.Р. «Три гиганта» на площади Синьории во Флоренции: республиканские и монархические символы на службе герцога Козимо I Медичи	170

CONTENTS

Akimov Yu.G. The Establishment of the Hudson's Bay Company and English Expansion in the Canadian North in the Last Third of the 17th and the Early 18th centuries	3
Shpirko S.V. Modeling the Dynamics of the Russian Rural Population Based on Revision Data from the 18th through the Mid-19th Century (The Case of a Single Estate in Kostroma Province)	23
Andreev A.Yu., Grigor'eva E.A. The Gymnasium Attached to Moscow University: Issues of Historical Memory and Museum-making (on the 270th Anniversary of its Founding)	40
Seleznev F.A., Knyazev M.A. Diplomat N.N. Shebeko on Russia's Relations with Austria-Hungary and Germany in the Late 19th and Early 20th Centuries	55
Parfir'ev D.S. <i>Novyy Kray</i> and <i>Chervonnaya Rus'</i> : A Case Study in Russian Private Newspaper Publishing in Lvov, 1915	74
Susloparova E.A. The "Emerald Isle's" Tragedy through Contemporary Eyes: Labour Party Commissions to Ireland, 1920	91
Tsyapkina A.G. The History of an Unrealized Project by Academician V.A. Steklov	113
Zhukova Yu.A., Podeiko V.A., Gadzhilammaev A.G., Solopov A.P. Changes in the Migration Legislation of the Russian Federation in 2024.	138
Stolyarova E.K. Technology of Cloisonné Enamel Production: Written and Archaeological Evidence.	155
Kholev R.R. The Three Giants in the Piazza della Signoria in Florence: Republican and Monarchical Symbols in the Service of Duke Cosimo I de' Medici	170

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-3-22

Ю.Г. Акимов

СОЗДАНИЕ КОМПАНИИ ГУДЗОНОВА ЗАЛИВА И АНГЛИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НА КАНАДСКОМ СЕВЕРЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Yu.G. Akimov

THE ESTABLISHMENT OF THE HUDSON'S BAY COMPANY AND ENGLISH EXPANSION IN THE CANADIAN NORTH IN THE LAST THIRD OF THE 17th AND THE EARLY 18th CENTURIES

Аннотация. В статье рассматривается английская колониальная и торговая экспансия на канадском Севере, в регионе Гудзонова залива, в период с конца 1660-х гг. до подписания Утрехтского мира в 1713 г. Основным инструментом этой экспансии была Компания Гудзонова залива (КГЗ), которая по условиям королевской хартии от 1670 г. номинально получила огромные территории (примерно треть современной Канады). Однако в рассматриваемый период компания занималась почти исключительно скупкой пушнины у индейцев в факториях, расположенных на берегу Гудзонова залива в устьях крупнейших рек, которые служили основными коммуникациями для аборигенов, живших во внутренних районах Североамериканского континента. С самого начала КГЗ обладала большими связями не только в торговых, но и в правительственных кругах и пользовалась значительной поддержкой при дворе. В рассматриваемый период побережье Гудзонова залива являлось ареной ожесточенного соперничества англичан с французами, которые также стремились к эксплуатации его пушных богатств. В статье вскрывается роль и место региона в англо-французском соперничестве того времени, показывается особенности развития событий на побережье залива в период войны Аугсбургской лиги и Войны за испанское наследство. Подробно рассматриваются англо-

Акимов Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Akimov Yuriy Germanovich, Doctor in History, Professor, Department of American Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University

y.akimov@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-2989-8868

французские переговоры различного уровня, в ходе которых обсуждались в том числе вопросы, касавшиеся Гудзонова залива. Отмечается, что незначительные масштабы столкновений представителей двух колониальных держав на побережье залива резко контрастировали с напряженностью дискуссий, происходивших по этому поводу в Европе между английскими и французскими дипломатами. При этом исход стычек и сражений в регионе практически не влиял на исход переговоров. Судьба побережья Гудзонова залива зависела от той обстановки, которая складывалась на ключевых театрах военных действий и от перипетий большой европейской политики. В то же время важную роль играли возможности и связи КГЗ, активно защищавшей и продвигавшей свои интересы.

Ключевые слова: Гудзонов залив, англо-французское колониальное соперничество, Рисвикский мир, Утрехтский мир, Пьер Эспри Радиссон, Медар Шуар де Грозей

Abstract. The article examines English colonial and commercial expansion in the Canadian North, in the Hudson Bay region, from the late 1660s to the conclusion of the Treaty of Utrecht in 1713. The principal instrument of this expansion was the Hudson's Bay Company (HBC), which nominally acquired vast territories (approximately one third of present-day Canada) under the terms of its royal charter of 1670. However, the HBC, during the period under consideration, devoted itself almost exclusively to the fur trade with Indigenous peoples at trading posts on the shores of Hudson Bay, situated at the mouths of major rivers that served as the principal communication routes for the inhabitants of the interior of the North American continent. From the outset the company enjoyed extensive connections not only in mercantile circles but also in government, and received substantial support from both the crown and the court. During this period the shores of Hudson Bay became a theater of intense rivalry between the English and the French, who likewise sought to exploit the region's fur resources. The study elucidates the role and place of the region in contemporary Anglo-French competition and traces the specific dynamics of events on the bay's coastline during the War of the League of Augsburg and the War of the Spanish Succession. Particular attention is devoted to Anglo-French negotiations at various levels, where issues concerning Hudson Bay were repeatedly raised. The article notes that the relatively small scale of clashes between representatives of the two colonial powers on the shores of the bay stood in sharp contrast to the intensity of the debates that these conflicts provoked in Europe between English and French diplomats. At the same time, the outcome of skirmishes and engagements in the region had little direct impact on the course of the diplomatic negotiations. The fate of the Hudson Bay littoral depended instead on developments in the principal theaters of war and on the broader vicissitudes of European high politics. At the same time, the resources and connections of the HBC, which vigorously defended, promoted, and foregrounded its own interests, played a significant role.

Keywords: Hudson Bay, Anglo-French colonial rivalry, Treaty of Ryswick, Treaty of Utrecht, Pierre-Esprit Radisson, Médard Chouart des Groseilliers

Канадский Север впервые попал в орбиту колониальной экспансии Туманного Альбиона в елизаветинскую эпоху. Тогда, в последние десятилетия XVI в., английские мореплаватели, движимые стремлением отыскать в еще неизвестной части земного шара золото и другие ценности, а также проложить новые пути к богатым странам Востока, начали исследование Канадского арктического архипелага. Экспедициям Мартина Фробишера (1576, 1577 и 1578 гг.) и Джона Дэвиса (1585, 1586 и 1587 гг.) не удалось найти северо-западный проход в Тихий океан. Драгоценных металлов и камней на обнаруженных ими островах и участках побережья северной части Североамериканского континента также не нашлось. Зато они открыли Баффинуву землю, а также пролив между ней и северной частью Лабрадора¹. В начале XVII в. состоялось еще несколько английских плаваний в этот регион. Самым значимым из них была последняя экспедиция Генри Гудзона (1610–1611 гг.). Для самого мореплавателя она закончилась весьма печально, однако именно в ходе нее был открыт залив, впоследствии названный Гудзоновым².

Исследование обширного Гудзонава залива и прилегающих к нему районов продолжили Томас Баттон (1612–1613 гг.), Роберт Байлот и Уильям Баффин (1615 и 1616 гг.), Томас Джеймс (1631–1632 гг.), Люк Фокс (1631 г.). С точки зрения накопления географических знаний результаты их плаваний были очень значительны³, в то же время каких-либо попыток закрепиться в открытых ими местах на протяжении еще как минимум трех десятилетий англичане не предпринимали⁴.

Ситуация изменилась в конце 1660-х гг., когда стали разворачиваться события, приведшие в итоге к созданию Компании Гудзонава залива (КГЗ), которая затем на протяжении двух веков была главным действующим лицом в процессе освоения англичанами северной части Североамериканского континента.

В чем заключалась специфика английской экспансии в канадской Арктике и Субарктике? Какие цели она преследовала? Какую роль в ней играла КГЗ? Как эта компания влияла на колониальную политику Лондона? В настоящей статье мы попытаемся ответить на эти вопросы применительно к периоду с конца 1660-х гг., т.е. с мо-

¹ См., например: *Morison S.E. European Discovery of America: The Northern Voyages, A.D. 500–1600. New York & Oxford, 1993. P. 500–510, 516–550, 583–605.*

² См.: *Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5 т. Т. II. М., 1983. С. 328–329.*

³ Там же. С. 329–333.

⁴ См.: *Акимов Ю.Г. Очерки ранней истории Канады. СПб., 1999. С. 65–69.*

мента возникновения КГЗ, до 1713 г., когда по условиям Утрехтского мира англичане окончательно закрепили за собой район Гудзонова залива.

Компания Гудзонова залива получила королевскую хартию 2 мая 1670 г. Этот день официально считается днем ее рождения. Однако фактически компания возникла на три года раньше — в 1667 г., когда в Англии готовилась новая экспедиция в Гудзонов залив. По иронии судьбы ее инициаторами были французы — путешественники, мехоторговцы и искатели приключений из Новой Франции (Канады) Пьер Эспри Радиссон и его шурина⁵ Медар Шуар де Грозейе, не поладившие с французскими колониальными властями и переметнувшиеся на сторону англичан⁶. Хорошо владея тонкостями пушного промысла и зная о том, что наиболее ценные и качественные меха можно получить на канадском Севере, они смогли заинтересовать перспективами его эксплуатации не только английских купцов и судовладельцев, но и представителей высшей аристократии. В финансировании экспедиции приняли участие брат короля герцог Йоркский (будущий король Яков II), королевский кузен принц Руперт (Рупрехт Пфальцский), сэр Джордж Картерет, герцог Албемарл, граф Крейвен, граф Арлингтон, граф Шефтсбери и другие. Ключевую роль в ее организации сыграл сэр Джеймс Хейс — секретарь принца Руперта.

В 1668 г. один из двух снаряженных ими кораблей — «Нонсач» под командованием Закария Гиллама, на борту которого находился Грозейе⁷, — добрался до Гудзонова залива, где в устье реки Руперт был основан форт Чарльз. В 1669 г. через Бостон он вернулся

⁵ Грозейе вторым браком был женат на сводной сестре Райерсона (дочери его матери от первого брака) урожденной Маргарите Эйе (Hayet).

⁶ В 1650–1660-е гг. Радиссон и Грозейе вместе и порознь совершили несколько разведывательных и торговых путешествий по северо-востоку континента, совершив при этом ряд важных географических открытий. Они были хорошо знакомы с обычаями и языками многих индейских племен (в свое время Радиссон почти два года прожил среди ирокезов). Когда в конце 1650-х гг. Новая Франция оказалась в кризисном состоянии из-за крупномасштабной войны с ирокезами и пушная торговля, составлявшая основу ее экономики, была нарушена, именно Радиссон и Грозейе, наладившие контакты с чипева и сиу, спасли ее от краха. Об их путешествиях этого периода см.: Pierre-Esprit Radisson: The Collected Writings. Vol. 1. The Voyages / Ed. by G. Warkentin. Montreal & Kingston, 2012. P. 113–308; Nute G.L. Caesars of the Wilderness: Médard Chouart, sieur des Groseillers and Pierre Esprit Radisson, 1618–1710. Saint Paul, 1978. P. 27–104.

⁷ В английских документах он часто фигурировал как «господин Крыжовник» (Mr. Gooseberry), что было результатом не совсем правильного перевода его фамилии. *Groseillers* по-французски буквально означает *кусты красной смородины* — таково было название фермы его родителей (крыжовник по-французски *groseille à maquereau*).

в Лондон с большим грузом пушнины. Второй корабль «Иглит» не смог достичь цели и повернул назад, едва избежав кораблекрушения. Находившийся на этом корабле Радиссон, оказавшись зимой 1668–1669 гг. не у дел, написал книгу о своих прошлых путешествиях и приключениях, преследуя в том числе цель поддержать внимание к своей персоне и раздобыть средства на новую экспедицию в район залива.

Успешное плавание «Нонсача» вкупе с увлекательными и весьма убедительными рассказами Радиссона подтолкнули его организаторов к тому, чтобы добиваться юридического закрепления за ними района Гудзонова залива вместе с монопольными правами на торговлю в этих местах. Благодаря усилиям принца Руперта от Карла II была получена вышеупомянутая королевская хартия. В ней говорилось, что «губернатору и компании предпринимателей [adventurers] из Англии, торгующих в Гудзоновом заливе», (всего 18 человек) жалуются наследственные монопольные права на торговлю, рыбную ловлю и добычу полезных ископаемых в бассейнах всех рек, впадающих в Гудзонов залив, за исключением тех мест, которыми в настоящее время владеет «один из наших подданных» или «подданный какого-либо другого христианского монарха или государства». Они также получили право «владеть и пользоваться» вышеозначенной территорией, которая провозглашалась короной «одной из наших колоний в Америке» и получала название «Земля Руперта»⁸. Это название было дано в честь принца Руперта — одного из инициаторов создания компании, ставшего первым губернатором ее владений (1670–1682 гг.), вице-губернатором стал Хейс.

Если соотнести положения хартии с картой Североамериканского континента, то мы увидим, что владением компании стала территория площадью более 3,8 млн кв. км, включающая примерно треть современной Канады и отдельные районы США. На большую часть этой территории нога европейца тогда еще не ступала. Впрочем, очевидно, что в тот момент истинных размеров и границ «Земли Руперта» никто не представлял и не собирался их выяснять и/или устанавливать. Первой задачей новообразованной компании стала организация ежегодной отправки судов в Гудзонов залив и строительство на его берегах факторий для торговли с индейцами.

К началу 1680-х гг. КГЗ было построено пять факторий — все они располагались на побережье залива, в устьях больших рек, являвшихся основными путями вглубь континента. Это были Руперт-

⁸ Royal Charter of the Hudson's Bay Company. — URL: <http://hbcheritage.ca/hb-heritage/collections/archival/charter/charter> (дата обращения 11.02.2025).

Хаус (на реке Руперт), фактория Мус (на реке Мус), форт Олбани (на реке Олбани), Нью-Северн (на реке Северн) и фактория Йорк. Последняя, расположенная в устье реки Хейс, от которого сравнительно недалеко находится устье реки Нельсон, была наиболее ценной, так как в ней сходились несколько торговых маршрутов.

Летом, когда залив освобождался ото льда, обычно в конце июля или в начале августа в фактории приходили корабли компании. К этому моменту в их окрестностях уже собирались индейцы из внутренних областей (в том числе весьма отдаленных от побережья). Они приносили свою зимнюю охотничью добычу — шкуры лосей, медведей, лис, волков, куниц и, конечно, бобров. Последние на два столетия стали своего рода стандартом товарообмена — все цены КГЗ указывались в *made beaver*, *mb* (так обозначалась «стоимость» одной шкурки взрослого бобра-самца, заготовленной в зимний период). Существовал официальный курс, по которому другие меха пересчитывались на *mb* (например, одна медвежья шкура стоила 2 *mb*, лисья — половину *mb*, а куницы — четверть *mb*). В обмен на пушнину индейцам предлагались европейские товары. Наибольшим спросом пользовались шерстяные одеяла, на долю которых к 1700 г. приходилось 60% товарооборота. Также «продавались» — а точнее, обменивались — ружья, порох, свинец, топоры, котлы, ткани, бусы, краски и спиртное⁹.

Конечно, говорить о какой-либо эквивалентности товарообмена не приходится: очевидно, что на европейском рынке стоимость мехов многократно превышала стоимость тех предметов, которые получали индейцы. Однако со временем они смогли добиться некоторого повышения «цен» (в том числе используя в своих интересах конкуренцию скупщиков). Через месяц «торг» заканчивался, и нагруженный мехами корабль отправлялся в обратный путь, чтобы успеть покинуть Гудзонов залив до начала сезона штормов и ледостава.

Англичане из КГЗ были не одиноки в своем стремлении к обогащению за счет эксплуатации пушных богатств канадского Севера. На побережье Гудзонова залива претендовали французы, которые еще в 1650–1660-х гг. пытались достичь его «сухим путем» из долины реки Святого Лаврентия, но безуспешно. В самом начале 1670-х гг. французские колониальные власти в Квебеке получили от индейцев информацию о том, что в «море на Севере» появились белые люди. Встревоженный этим, интендант Новой Франции Жан Талон пору-

⁹ *Carlos A.M., Lewis F.D. Commerce by a Frozen Sea: Native Americans and the European Fur Trade. Philadelphia; Oxford, 2011. P. 52.*

чил иезуиту Шарлю Альбанелю, имевшему большой опыт общения с аборигенами, отправиться к побережью Гудзонова залива. В 1672 г. Альбанель с несколькими спутниками совершил переход по суше из Квебека до устья реки Руперт, где обнаружил построенный англичанами Руперт-хаус (в котором в тот момент никого не было). В 1674 г. он повторил свой маршрут и на сей раз встретился со служащими КГЗ, среди которых был Грозейе. Альбанель был задержан и отправлен в Лондон. На одном корабле с ним находился Грозейе, с которым иезуит смог завязать доверительные отношения. В Англии Альбанель встретился с Радиссоном, который тогда занимался делами КГЗ в метрополии. К этому времени у Радиссона и Грозейе накопилось достаточно много претензий к руководству компании, созданной во многом благодаря их усилиям. Особенно напряженными были их отношения с лордом Шефтсбери, стремившимся взять КГЗ под свой контроль. В 1675 г. Радиссон и Грозейе прибыли во Францию, где были освобождены от всех ранее выдвигавшихся против них обвинений. В скором времени оба они вернулись в Канаду.

В 1682 г. по указу Ж.-Б. Кольбера (в ведении которого, помимо прочего, находились флот и колонии) была создана альтернативная французская компания Гудзонова залива (обычно во избежание путаницы ее называют Северной компанией), которую возглавил влиятельный и энергичный предприниматель из Новой Франции Обер де Ля Шенэ. Ключевую роль в ней играли всё те же Радиссон и Грозейе. В том же году они отправились — теперь уже под французским флагом — на хорошо известное им побережье Гудзонова залива. В устье реки Нельсон (неподалеку от фактории Йорк) они неожиданно столкнулись сразу с двумя конкурирующими группами англичан. Первая состояла из служащих КГЗ во главе с Джоном Бидгаром, которому было получено основать там торговый пост, а вторая — из жителей Новой Англии, во главе с Бенджамином Гилламом (сыном вышеупомянутого капитана Закарии Гиллама), действовавших в нарушение монопольных прав КГЗ.

Зимой 1682–1683 гг. между англичанами и французами происходили конфликты и стычки, и в итоге Радиссон и Грозейе взяли верх. В середине 1683 г. с грузом мехов и несколькими пленниками (среди которых был Бидгар) они вернулись в Новую Францию, оставив на реке Нельсон несколько человек во главе с сыном Грозейе — Жаном-Батистом. Однако в г. Квебеке у своевольных и знающих себе цену авантюристов произошел очередной конфликт с колониальными властями (прежде всего из-за дележа добычи), и им пришлось отправиться в метрополию отстаивать свои права. Однако там Радис-

сона и Грозейе ждало разочарование. Они узнали о смерти Кольбера, покровительствовавшего Северной компании, о жалобах КГЗ на нарушение ее прав и захват ее людей и имущества в мирное время, а также о том, что их действия не вызывают одобрения властей.

Здесь следует отметить, что после смерти принца Руперта (1682 г.) КГЗ возглавил герцог Йоркский — наследник английского престола, известный своими абсолютистскими устремлениями и приверженностью католицизму. Отношения с ним были чрезвычайно важны для французского правительства, которое видело в нем потенциального союзника и поэтому было готово удовлетворить все требования управляемой герцогом компании. В итоге Радиссон и Грозейе остались ни с чем. В свою очередь КГЗ была не прочь снова воспользоваться их услугами (очевидно, осознав всю ценность их опыта). В мае 1684 г. в Лондоне Радиссон заключил очередное (и весьма выгодное для себя) соглашение с директорами компании. Вскоре после этого он снова отправился в Гудзонов залив на борту корабля, который весьма символично назывался «Хэппи ритёрн» (*Happy Return* — «Счастлиное возвращение», *англ.*). Грозейе на сей раз не последовал за ним и во второй половине того же года вернулся в Новую Францию.

Летом 1684 г. Радиссон прибыл к устью реки Нельсон, где убедил оставшихся там французов перейти на службу КГЗ. Таким образом, у компании появился шестой торговый пост на Гудзоновом заливе, управляющим в котором стал Радиссон.

Очевидно, в это время дела КГЗ шли неплохо, поскольку в том же 1684 г. она впервые выплатила своим пайщикам дивиденды, составлявшие 50% от суммы первоначальных взносов. В дальнейшем аналогичные выплаты осуществлялись раз в несколько лет (в 1690 г. это было сделано в двойном размере). Компания также делала финансовые подношения Его Величеству (хотя по условиям Хартии она должна была ежегодно давать королю только две лосиные и две бобровые шкуры) и выплачивала бонусы своим наиболее значимым и ценным членам и сотрудникам. Впрочем, последних могли поощрять не только деньгами. В архиве компании сохранилась запись о покупке из ее средств «для господина Радиссона бочонка кларета, такого, какой ему понравится»¹⁰.

В целом КГЗ обладала весьма существенным «административным ресурсом». Она пользовалась поддержкой короны, в ее составе

¹⁰ *Bryce G. The Remarkable History of the Hudson's Bay Company: Including that of the French Traders of North-Western Canada and of the North-West, XY, and Astor Fur Companies. Toronto, 1900. P. 38.*

было немало знатных и влиятельных персон (после восшествия на престол Якова II губернатором стал лорд Джон Черчилль — будущий граф, затем герцог Мальборо). Данное обстоятельство сыграло немаловажную роль в конце XVII — начале XVIII в., когда побережье Гудзонова залива вместе со всем Североамериканским континентом стало одним из театров боевых действий во время больших общеевропейских войн — войны Аугсбургской лиги (1688–1697 гг.) и Войны за испанское наследство (1701–1714 гг.), в которых Англия и Франция были противниками.

Впрочем, серьезные столкновения в интересующем нас регионе начались еще тогда, когда в Европе между англичанами и французами сохранялся мир. В марте 1686 г. губернатор Новой Франции маркиз Денонвиль поручил капитану Пьеру де Труа отправиться к Гудзонову заливу с отрядом солдат и канадских ополченцев и изгнать оттуда англичан и сотрудничавших с ними французов (в первую очередь, конечно, изменника Радиссона). В организации похода, как нетрудно догадаться, самую активную роль играла Северная компания, стремившаяся наверстать упущенное. Летом де Труа достиг побережья, где им были захвачены три фактории КГЗ: Мус, Руперт-хаус и форт Олбани (до реки Нельсон, где находился Радиссон, французы не добрались). Осенью большая часть отряда вернулась в Квебек, оставив в Олбани (переименованном в Сент-Анн) небольшой гарнизон под командованием Пьера Ле Муана д'Ибервиля, будущего героя Новой Франции.

Вышеописанные столкновения происходили в тот самый момент, когда в Европе английские и французские дипломаты вели переговоры о заключении особого «Договора об американском нейтралитете», который в итоге был подписан 6/16 ноября 1686 г. Этот договор провозглашал «мир, добрососедство и нейтралитет» между подданными двух держав в Америке, а также предусматривал четкое разграничение «колониальной» и «европейской» сфер в отношениях Англии и Франции (конфликт в колониях не должен был рассматриваться как *casus belli* в Европе, а в случае войны между метрополиями она не должна была распространяться на их заморские владения). В то же время этот договор явно может рассматриваться как свидетельство того, что Североамериканский континент (подавляющее большинство статей договора относилось к нему) стал значимым фактором в англо-французских отношениях¹¹.

¹¹ Подробнее см.: Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII — начале XVIII в. СПб., 2005. С. 221–224.

Поскольку факт подписания договора сам по себе не снимал множества противоречий, накопившихся между двумя колониальными державами, было принято решение организовать в 1687 г. в Лондоне встречу специальных уполномоченных для обсуждения спорных вопросов. Одним из них был вопрос о принадлежности Гудзонова залива. Естественно, КГЗ была осведомлена об этом и всячески стремилась максимально защитить и продвинуть свои интересы. 13 мая 1687 г., когда комиссия еще только готовилась начать работу, компания направила английским уполномоченным — графу Сандерленду, графу Мидлтоу и лорду Годолфину — письмо, где выражалась уверенность в том, что они добьются возвращения всех ее факторий, захваченных французами. В письме также говорилось, что КГЗ собирается отправить в залив свои суда не позднее 25 мая, поскольку не хочет терять благоприятное время и пропускать торговый сезон¹² — очевидно, руководство компании было уверено в том, что все интересующие ее проблемы будут урегулированы очень быстро.

На первом заседании комиссии, состоявшемся 18 мая, английской стороной была представлена петиция, поданная КГЗ королю, где подчеркивалось, что «порты и все места в пределах Гудзонова залива были впервые открыты английскими подданными» и что компания ведет там торговлю более двадцати лет. Далее шли жалобы на действия французов и просьбы гарантировать «защиту и содействие в обеспечении <...> удовлетворения, и чтобы французского короля попросили решительно запретить любые дальнейшие нападения на нашу территорию»¹³.

Однако уже первое заседание показало, что французские уполномоченные — посол Поль Барийон д'Амонкур и представитель морского министерства маркиз Дюссон де Бонрепо — не собирались легко отказываться от притязаний на район Гудзонова (или, как тогда его называли во Франции, Северного) залива. Это заставило компанию подготовить специальный меморандум «относительно прав короля Англии на Гудзонов залив». В нем перечислялись английские плавания и открытия в Северной Америке начиная с Себастьяна Кабота (в то время открытия Джона Кабота часто ошибочно приписывали его сыну) и подчеркивалось, что англичане были первыми, кто проник в Гудзонов залив и заявил о своем вступлении во владение им, что, соответственно, являлось основанием для всех последующих притязаний¹⁴.

¹² Calendar of State Papers. Colonial Series. Vol. XII. America and West Indies, 1685–1688. London, 1899. N 1246 (далее — CSP).

¹³ Ibid. N 1257.

¹⁴ Ibid. N 1258.

Эти сведения не слишком впечатлили французскую сторону, которая продолжала настаивать на своем. Французы — так же, как и англичане, — весьма широко трактовали право первого открытия и спекулятивные положения колониальных хартий¹⁵. Обмен аргументами и контраргументами, напоминавший диалог глухих, продолжался несколько месяцев, после чего стороны постепенно осознали необходимость поиска какого-либо взаимоприемлемого компромисса. Таковым мог стать только раздел побережья залива. В августе, учитывая, что «оба короля полны решимости не уступить один другому исключительного владения заливом», Бонрепо предложил взаимно отказаться от удерживаемых фортов и провести границу по линии приблизительно соответствующей 55–56-й параллели, чтобы южная часть залива отошла к англичанам, а северная (с фортом в устье реки Нельсон) — к французам.

КГЗ решительно отвергла саму идею раздела, заявив, что поскольку английской короне и так принадлежат все права на Гудзонов залив, «кажется странным и неприемлемым со всех точек зрения, что французские уполномоченные предлагают компании [вернуть] ее же собственность, которую они взяли силой, в обмен на другую часть ее собственности, на которую французы никогда не имели никаких прав»¹⁶. Что же касается вышеприведенного утверждения о «решимости обоих королей», то, по мнению КГЗ, оно «кажется попыткой французов получить с помощью договора то, что они не могут получить по праву». Компания торжественно заявляла, что «если французам удастся добиться раздела Гудзонова залива, [то она] будет вынуждена прекратить свое существование»¹⁷.

Бонрепо не сдавался и предложил еще несколько вариантов разграничения. КГЗ продолжала стоять на своем, хотя английские уполномоченные в итоге все-таки получили разрешение правительства обсудить вопрос о границе¹⁸.

В конце 1687 г. стороны приняли решение приостановить работу уполномоченных на год с небольшим (до января 1689 г.) для того, чтобы собрать дополнительную информацию по всем спорным вопросам (в обсуждении других колониальных проблем прогресса

¹⁵ См. ответы французских уполномоченных на меморандум КГЗ: Ibid. N 1324, 1369.

¹⁶ Mémoires des Commissaires de Sa Majesté Très-Chrétienne et de ceux de Sa Majesté Britannique sur les possessions et les droits respectifs des deux Couronnes en Amérique. En 3 t. T. II. Amsterdam, 1755. P. 70.

¹⁷ CSP. Vol. XII. N 1419.

¹⁸ Savelle M. The Forth-Ninth Degree of North Latitude as an International Boundary, 1719. The Origin of an Idea // Canadian Historical Review. 1957. Vol. 38. N 3 (September). P. 184.

также достичь не удалось). Единственным документом, который был согласован, стала подписанная 1/11 декабря совместная декларация (Instrument for Preventing Acts of Hostility in America), где стороны призывали подданных двух держав в Америке воздерживаться от враждебных действий по отношению друг к другу¹⁹.

Однако работа комиссии не была возобновлена. В 1688 г. в Англии произошла Славная революция, в ходе которой Яков II лишился престола. 10/17 мая 1689 г. правительство Вильгельма III и Марии II объявило войну Франции, вступив, таким образом, в войну Аугсбургской лиги. За две недели до этого КГЗ подала королю очередную петицию, где перечислялся «ущерб, нанесенный [ей] французами, особенно в 1686 году, когда французы разрушили форты компании», говорилось об «уловках французской компании», предпринятых для того, чтобы не удовлетворять претензии КГЗ, а также о «наглости французов» и их угрозах «в скором времени захватить Нью-Йорк и Новую Англию»²⁰. Очевидно, эта петиция была использована английским правительством при составлении декларации об объявлении войны, где в списке причин, послуживших *casus belli*, фигурировали в том числе «враждебные действия» французов на Гудзоновом заливе, захват фортов, а также уничтожение и/или присвоение имущества англичан²¹.

На всем протяжении войны побережье Гудзонова залива являлось одним из театров боевых действий между англичанами и французами. Хотя масштаб столкновений был невелик (учитывая, что силы противников редко превышали несколько десятков человек), они были весьма ожесточенными. Многие фактории по нескольку раз переходили из рук в руки. Так, ключевая фактория Йорк в 1694 г. была захвачена французами и переименована в форт Бурбон. В 1696 г. она была отбита англичанами. В 1697 г., после знаменитой победы Ибервиля над эскадрой Джона Флетчера, она снова оказалась в руках французов²². При этом вопросы, связанные с соблюдением/несоблюдением условий капитуляции, в течение долгого времени оставались предметом дискуссий²³.

¹⁹ Полный текст см.: Documents Relative to the Colonial History of the State of New York / Ed. by E.B. O'Callaghan and B. Fernow. In 15 vols. Albany, 1853–1887. Vol. III (1853). P. 505.

²⁰ CSP. Vol. XIII. N 89.

²¹ The London Gazette. N 2452. 1689. From Thursday May 9 to Sunday May. 13. P. 1.

²² Подробное описание военных кампаний в этом регионе см.: Акимов Ю.Г. От межколонизальных конфликтов к битве империй... С. 292–296.

²³ Англичане обвиняли французов в несоблюдении условий капитуляции 1694 г. и незаконном присвоении их товаров, а те, в свою очередь, жаловались на поведение капитана Аллена, который нарушил «почетные» условия капитуляции

Естественно, что военные действия самым негативным образом сказывались на бизнесе КГЗ. Секретарь компании Уильям Портер в январе 1697 г. дал официальные показания, в которых утверждал, что к этому моменту общий ущерб, нанесенный КГЗ французами, превышал 200 000 фунтов стерлингов²⁴.

В этой ситуации руководство компании постоянно обращалось в различные правительственные инстанции, стремясь привлечь внимание властей к своей деятельности и получить от них поддержку (от выделения военных кораблей для конвоирования судов компании до обращений к французскому правительству с требованием соблюдения условий капитуляций). Эффективность этих обращений была довольно высока, поскольку, как уже отмечалось, КГЗ была тесно связана с политическими и финансовыми верхами Англии. В 1692–1696 и 1700–1712 гг. ее губернатором был крупный банкир сэр Стивен Эванс, а в 1696–1700 гг. — Уильям Трамбл, видный дипломат и вигский политик, одно время входивший в правительство.

7 января 1697 г. КГЗ направила в Совет по торговле пространственный мемориал, где доказывала «полезность своей торговли для королевства», утверждая, что «если она будет уничтожена, французы станут единственными хозяевами пушной торговли в Америке, а это, помимо потери экспорта английских мануфактур, приведет к повышению цен на меха в четыре раза»²⁵.

К тому моменту, когда в мае 1697 г. в голландском Рейсвейке (Рисвике) начались мирные переговоры, на Гудзоновом заливе французы удерживали форт Бурбон, а англичане — форт Олбани (остальные фактории КГЗ были уничтожены и/или покинуты). Дипломатами изначально обсуждалась возможность заключения мира на условиях восстановления *status quo ante bellum* как в Европе, так и в колониях (на эту тему велись как общие дискуссии, так и отдельные англо-французские переговоры). Это категорически не устраивало КГЗ, оперативно получавшую информацию о происходившем в Рейсвейке, ведь на момент объявления войны половина ее факторий была уже захвачена французами и, значит, должна была быть возвращена им. Компания направила в Голландию свою депутацию, по настоянию которой в английский проект мирного договора была добавлена оговорка о том, что положение о взаимном возвращении

1696 г. и не доставил, как было изначально оговорено, французских солдат с их имуществом, оружием и пушками на Ньюфаундленд (во французский форт Плеланс), а разоружил их и увез в Англию, где они содержались как военнопленные. См.: CSP. Vol. XV. N 397.

²⁴ Ibid. Vol. XIII. N 560 V.

²⁵ Ibid. N 569.

территорий, захваченных во время войны, не распространяется на те места, которые принадлежали англичанам и «которые французы захватили во время мира, непосредственно предшествовавшего настоящей войне», а также пункт о возмещении понесенных в результате этого убытков²⁶. Однако французская сторона не согласилась с такой формулировкой, предложив, в свою очередь, добавить в текст договора статью о том, что вопрос о принадлежности Гудзонова залива должен быть рассмотрен после заключения мира специальной комиссией. Английские дипломаты были вынуждены согласиться с этим.

В итоге статья VII Рисвикского договора, подписанного 20 сентября 1697 г., предусматривала, что англичане и французы должны вернуть друг другу «все страны, острова, крепости и колонии, в каких бы частях света они ни находились», которыми они владели до объявления войны. В то же время, согласно статье VIII, сторонами должны были быть назначены «уполномоченные для изучения и оценки обоюдных прав и притязаний», относящихся к Гудзонову заливу. Назначение уполномоченных должно было произойти сразу после ратификации договора, а их работу планировалось начать не позднее, чем через три месяца. В этой же статье говорилось о том, что условия капитуляции форта Бурбон 1696 г. должны быть безоговорочно выполнены, упомянутое там имущество возвращено, а пленные отпущены²⁷.

С точки зрения КГЗ, эти статьи ущемляли ее интересы, поскольку в них косвенно признавалось, что французы могут претендовать на часть побережья Гудзонова залива, которое она целиком считала своим. В то же время они вселяли надежду на то, что компания сможет хотя бы частично возместить свои убытки.

После длительных проволочек в начале 1699 г. в Лондоне, наконец, снова собралась англо-французская комиссия, которая должна была урегулировать спорные вопросы, относившиеся к колониям обеих держав (стороны договорились, что будет обсуждаться более широкий круг вопросов, а не только Гудзонов залив). Не позднее 1 марта руководство КГЗ во главе с губернатором Трамблом направило королю петицию, где «смиренно умоляло» Его Величество защитить ее права и имущество, а также повелеть его представителям, «готовым ныне к встрече с французскими уполномоченными, не поступаться <...> ни суверенными правами на Гудзонов залив, принад-

²⁶ European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependenc-
cies. In 4 vols / Ed. by F.G. Davenport. Vol. II. Washington, 1929. P. 356–357.

²⁷ Ibid. P. 360–365.

лежащими <...> Имперской Короне, ни правами и имуществом [его] подданных»²⁸. В мае компания направила английским уполномоченным (официально их было четверо, но ключевую роль играли члены Совета по торговле граф Бриджуотер и граф Танкервилл) подробное описание ущерба, нанесенного ей французами, общая сумма которого, по ее мнению, составила 118 014 фунтов за период 1682–1688 гг. и еще 99 500 фунтов — за время войны Аугсбургской лиги²⁹.

Работа комиссии очень напоминала работу ее предшественницы, происходившую двенадцатью годами ранее. Сначала стороны декларировали свои притязания. КГЗ, как и в прошлый раз, подготовила записку для «господ уполномоченных» с подробным изложением своей позиции. Там опять говорилось о том, что права англичан на северную часть Североамериканского континента законны и справедливы, так как базируются на открытиях, которые были совершены ими задолго до того, как там появились французы. Следует отметить, что список первооткрывателей теперь начинался с Джона Кабота и его плавания 1497 г., однако с оговоркой, что можно было бы углубиться дальше в прошлое «и показать, что бритты за много сотен лет до создания союза Англии и Уэльса совершали путешествия в эти северные страны». Также подчеркивались отсутствие какой-либо связи между побережьем Гудзонова залива и французскими колониями в Канаде и право индейцев свободно торговать с теми европейцами, с кем они хотят³⁰.

Со своей стороны, французские уполномоченные³¹, как и в прошлый раз, утверждали, что ранние английские плавания сами по себе не могут служить обоснованием для притязаний Лондона на Гудзонов залив, поскольку за ними не последовало ни основания постоянных поселений, ни хотя бы налаживания устойчивых торговых связей. Они также заявляли, что баски и нормандцы ходили на промысел к берегам Северной Америки задолго до появления там первых английских экспедиций. Кроме того, французы опять ссылались на свои колониальные хартии (в особенности на хартию Компании ста участников 1627 г.³²), где говорилось, что границы

²⁸ CSP. Vol. XVII. N 136. P. 82.

²⁹ Ibid. N 436. P. 241.

³⁰ European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies. Vol. II. P. 271–273.

³¹ Формально главным среди них был французский посол в Лондоне граф Таллар, но фактически ключевую роль в работе комиссии с французской стороны играл интендант Морского министерства Антуан-Франсуа Фелипо д'Эрбо, представитель клана Фелипо Поншартренов.

³² Текст хартии см.: Édits, Ordonnances royaux, déclarations et arrêts du Conseil d'État du Roi, concernant le Canada. En 3 t. Québec, 1854–1856. T. I (1854). P. 7–8.

Новой Франции на севере простираются «до полярного круга», и подчеркивали, что по условиям мирного договора в Сен-Жермен-ан-Лэ (1632 г.) англичане вернули им «все земли, занятые <...> [ими] в Новой Франции, Акадии и Канаде»³³, признав таким образом их границы и не упомянув ничего о Гудзоновом заливе, о котором они тогда ничего не знали или, по крайней мере, на который они в то время не претендовали³⁴.

Затем от деклараций стороны перешли к реалиям и начали обсуждать варианты раздела побережья Гудзонова залива между двумя державами. Французы выдвинули предложение, напомилавшее их проект 1687 г., — проведение границы по линии параллели, проходящей через мыс Генриэтта-Мария (мыс на западном берегу залива, под 55°8′ северной широты, сейчас провинция Онтарио). При этом они были готовы предоставить англичанам право выбрать «свою» часть — северную или южную. Английские уполномоченные были склонны принять этот вариант, однако КГЗ опять была против. Ее руководство стало настаивать на том, чтобы основная часть побережья залива была закреплена за англичанами, а французы получили бы лишь небольшой участок у его южной оконечности (в заливе Джеймс), между реками Олбани и Руперт или, в крайнем случае, между реками Олбани и Кеньюз (сейчас река Истмейн, провинция Квебек). Однако весьма показательно, что в тот момент компания в принципе была готова согласиться с разделом и поступиться частью своей территории, пусть и совсем небольшой.

Неизвестно, чем закончились бы переговоры уполномоченных (есть основания предполагать, что достижение компромисса было вполне реальной перспективой), однако в 1700 г. скончался испанский король Карл II, и в Европе разразился очередной кризис, следствием которого стала новая большая война, затронувшая английские и французские владения в Северной Америке.

В отличие от войны Аугсбургской лиги, во время Войны за испанское наследство на побережье Гудзонова залива боевых действий практически не происходило. Французы продолжали удерживать форт Бурбон, а англичане — Олбани. В 1709 г. небольшой отряд ополченцев из Квебека под командованием Николая д'Айбу де Мانتэ попытался выбить их оттуда, но потерпел неудачу. Это была единственная стычка на побережье Гудзонова залива за все годы войны.

³³ Текст договора см.: European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies. Vol. I. Washington, 1917. P. 315–323.

³⁴ CSP. Vol. XVII. N 370.

Можно предположить, что руководство КГЗ сделало определенные выводы из событий предшествовавших десятилетий и осознало, что судьба колоний решается не столько на поле боя, сколько за столом переговоров. Атаки и контратаки, предпринимавшиеся на канадском Севере в ходе войны Аугсбургской лиги, не принесли компании ничего, кроме колоссальных убытков. В конце 1690-х гг. КГЗ привозила в Европу в пять раз меньше мехов, чем в середине — второй половине 1680-х гг.³⁵ Поэтому неудивительно, что ее руководство стало делать всё возможное, чтобы ее интересы были максимально учтены в процессе подготовки мирного договора.

В 1709 г., когда основными противниками (Францией, с одной стороны, Англией, Австрией и Голландией — с другой) была принята первая серьезная попытка подготовить проект предварительного общего мирного соглашения («Гаагские прелиминарии»), руководители КГЗ направили королеве Анне пространную петицию. В ней они в очередной раз перечисляли убытки и потери предшествовавших десятилетий, сетовали на сокращение объемов торговли пушиной и заявляли, что если компания полностью восстановит все свои позиции, то легко сможет доставлять в метрополию до 100 тыс. шкурок в год.

В петиции также говорилось, что район Гудзонова залива «изобилует некоторыми другими товарами», в частности, китовым жиром и китовым усом, которые в настоящее время англичанам приходится закупать в Голландии и Германии. «Если французы, когда-нибудь полностью овладеют Гудзоновым заливом, они, несомненно, заведут в этих местах, китобойный промысел, что будет в значительной степени способствовать развитию их мореплавания и росту численности опытных моряков». Подчеркивалось, что для снабжения факторий компании и для торговли с индейцами используются только английские товары, что способствует развитию производства в метрополии (особенно шерстяных тканей). В заключение авторы петиции просили королеву при подготовке мирного договора добиться того, «чтобы французский король был обязан <...> отказаться от всех прав или притязаний на Гудзонов залив и пролив, покинуть и сдать все форты и поселения, возведенные французами, или те, которые в настоящее время находятся в их владении, а также [обязаться] не плавать ни на военных кораблях, ни на торговых судах в пределах, [определенных] уставом компании, и возместить [ущерб в размере] 108 514 фунтов 19 шиллингов и 8 пенсов»³⁶.

³⁵ Bryce G. Op. cit. P. 44–45.

³⁶ CSP. Vol. XXIV. N 522.

В ходе подготовки «Гаагских прелиминариев» английская сторона настаивала на том, чтобы пункт о «возвращении» Гудзонова залива был обязательно внесен в их текст. Правда, в итоге это сделано не было — в прелиминариях говорились (уже вполне традиционно) лишь о создании после заключения мира отдельной комиссии для рассмотрения данного вопроса. Впрочем, войну тогда завершить не удалось. В ходе следующего раунда контактов — конференции в Гертрёйденберге (1710 г.) — англичане продолжали требовать для себя всё побережье Гудзонова залива. Однако этот раунд также закончился ничем, хотя именно тогда французы, находившиеся в очень сложном положении, были готовы пойти на максимальные уступки своим противникам.

В 1711 г. между Англией и Францией начались сепаратные переговоры, в ходе которых англичане снова заговорили о заливе. Со своей стороны, французы, понимая, что ради скорейшего заключения мира с одним из ключевых противников придется пойти на определенные жертвы, были готовы уступить, в том числе в вопросе о Гудзоновом заливе. Пункт о его передаче англичанам был внесен в прелиминарный договор, подписанный 27 сентября / 8 октября 1711 г.

Однако при этом оставался открытым вопрос о границе между Новой Францией и владениями КГЗ. Совет по торговле и колониям запросил на сей счет мнение компании, и уже в феврале 1712 г. ее руководство представило записку, где «во избежание всех споров, которые могут возникнуть между компанией и французами, обосновавшимися в Канаде», предлагало провести границу по линии, идущей от мыса Пердрик или острова Гриммингтон (последний расположен под 57°51′ северной широты) на восточном побережье Лабрадора на юго-запад до озера Мистассини и далее в этом же направлении³⁷. К записке была приложена карта, переданная затем английским дипломатам в Утрехте.

Если бы граница была проведена таким образом, то владения КГЗ стали бы существенно больше, чем было предусмотрено Хартией 1670 г.: она получила бы дополнительно северную часть огромного полуострова Лабрадор. Французы в 1712 г. предоставили свои контрпредложения, суть которых сводилась к тому, чтобы отодвинуть границу, проходившую через полуостров Лабрадор, дальше к северу и провести ее по линии мыс Аншантэ — озеро Немиско³⁸. Однако в итоге этот вопрос был отложен.

³⁷ CSP. Vol. XXVI. N 300.

³⁸ *Savelle M.* Op. cit. P. 188–189.

Еще одним спорным моментом были термины, которые предполагалось внести в текст мирного договора. Английская сторона настаивала на том, что Гудзонов залив ей «возвращается» (*restitution*), а французская — что она его «уступает» (*cession*)³⁹. Очевидно, что и те и другие хотели таким образом лишний раз подтвердить свои «исконные» и «законные» права на Гудзонов залив. При этом англичане стремились обезопасить себя от возможных посягательств на свои владения в дальнейшем, а французы — наоборот, сохранить шанс на возвращение «уступленного» (или хотя бы его части).

В итоге в англо-французский мирный договор — один из пяти, подписанных 31 марта / 11 апреля 1713 г. в Утрехте, — были включены две статьи, непосредственно касавшиеся Гудзонова залива и претензий КГЗ. В статье X говорилось, что Англии будут «возвращены» (!) Гудзонов залив и Гудзонов пролив полностью, включая те места, «которыми в настоящий момент владеют французы» со всеми фортами и строениями, а также с артиллерией и боеприпасами. На эвакуацию оттуда французов с их личным имуществом отводилось шесть месяцев. По поводу границ возвращаемых территорий в этой же статье говорилось, что «обе стороны назначат своих уполномоченных, которые определяют их в течение одного года». Статья XI предусматривала, что КГЗ получит компенсацию за те убытки, которые она понесла от враждебных действий французов в мирное время (размеры этой компенсации также должны были определить уполномоченные)⁴⁰.

Таким образом, была подведена черта под почти полувековым периодом англо-французского соперничества на канадском Севере. КГЗ получила возможность беспрепятственно вести свой бизнес, не беспокоясь (до определенного предела) об иностранной конкуренции. Как мы видели, компания обладала широчайшими связями среди самой верхушки английского правящего класса и имела возможность влиять на процесс принятия политических решений, затрагивавших ее интересы. Это объясняет ту — на первый взгляд парадоксальную — ситуацию, когда малоисследованной территории, где постоянно находилось от силы несколько десятков англичан, часто уделялось существенно больше внимания, чем другим заморским владениям Лондона, в том числе гораздо более развитым и

³⁹ Подробнее см.: *Акимов Ю.Г.* От межколониальных конфликтов к битве империй... С. 488–492.

⁴⁰ *European Treaties Bearing on the History of the United States and Its Dependencies.* Vol. III. Washington, 1934. P. 211–212.

густонаселенным⁴¹. В последующие полтора с лишним столетия КГЗ определяла характер британской политики на севере Североамериканского континента, внося таким образом свой вклад в историческое развитие Канады.

References

Akimov Yu.G. *Ocherki ranney istorii Kanady* [Essays on the Early History of Canada]. Saint Petersburg: VIRI, 1999. 336 p.

Akimov Yu.G. *Ot mezhhkolonial'nykh konfliktov k bitve imperii: anglo-frantsuzskoye sopernichestvo v Severnoy Amerike v XVII — nachale XVIII v.* [From Intercolonial Conflicts to the Battle of Empires: Anglo-French Rivalry in North America in the 17th and Early 18th Centuries]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2005. 567 p.

Bryce G. *The Remarkable History of the Hudson's Bay Company: Including that of the French Traders of North-Western Canada and of the North-West, XY, and Astor Fur Companies.* Toronto: William Briggs, 1900. XXII, 504 p.

Carlos A.M., Lewis F.D. *Commerce by a Frozen Sea: Native Americans and the European Fur Trade.* Philadelphia; Oxford: University of Pennsylvania Press, 2011. 272 p.

Gough B.M. *The "Adventurers of England Trading into Hudson's Bay": A Study of the Founding Members of the Hudson's Bay Company, 1665–1670 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies.* 1970. Vol. 2. N 1. P. 35–47.

Magidovich I.P., Magidovich V.I. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy* [Essays on the History of Geographical Discoveries]. In 5 vols. Moscow: Prosveshcheniye, 1983, 1984. Vol. II. 400 p.; Vol. III. 320 p.

Morison S.E. *European Discovery of America: The Northern Voyages, A.D. 500–1600.* New York & Oxford: Oxford University Press, 1993. 712 p.

Nute G.L. *Caesars of the Wilderness: Médard Chouart, sieur des Groseillers and Pierre Esprit Radisson, 1618–1710.* Saint Paul: Minnesota Historical Society, 1978. 386 p.

Savelle M. *The Forth-Ninth Degree of North Latitude as an International Boundary, 1719. The Origin of an Idea // Canadian Historical Review.* 1957. Vol. 38. N 3 (September). P. 183–201.

Поступила в редакцию
16 февраля 2025 г.

⁴¹ Это вызывало определенную ревность со стороны других английских колоний. Когда в 1712 г. обсуждался вопрос о границе Новой Франции и владений КГЗ, Френсис Никольсон — один из наиболее опытных колониальных администраторов (он занимал губернаторские посты в Нью-Йорке, Мэриленде, Вирджинии и Новой Шотландии) и активный сторонник экспансии — обратился к Совету по торговле с радикальным предложением. Суть его заключалась в том, чтобы отдать французам весь канадский север (включая Гудзонов залив), но за это потребовать от них установить южную границу по линии параллели, проходящей на 20 миль южнее Монреаля. Таким образом, для атлантических колоний была бы открыта возможность дальнейшего расширения границ на западе. См.: CSP. Vol. XXVI. N 385.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-23-39

С.В. Шпирко

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ
РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ
РЕВИЗИЙ XVIII — СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ОДНОЙ ВОТЧИНЫ
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

S.V. Shpirko

**MODELING THE DYNAMICS OF THE RUSSIAN RURAL
POPULATION BASED ON REVISION DATA FROM
THE 18th THROUGH THE MID-19th CENTURY
(THE CASE OF A SINGLE ESTATE IN KOSTROMA
PROVINCE)**

Аннотация. Автором статьи осуществлено моделирование исторической динамики численности сельского русского населения XVIII — середины XIX в. на примере одной вотчины Костромской губернии. Данная, относительно небольшая, вотчина была выделена из обширных владений вдовы боярина Ф.И. Мстиславского во второй четверти XVII в. и просуществовала в практически неизменных границах вплоть до отмены крепостного права в 1861 г. Вотчина сменила нескольких владельцев, включая представителей высшей русской аристократии (Львовых, Ромодановских, Лопухиных) в XVII — первой половине XVIII в. В Российском государственном архиве древних актов и Государственном архиве Костромской области сохранился комплекс архивных документов, включающий материалы писцовых и переписных книг восьми ревизий, позволяющий проследить жизнь данной вотчины на протяжении всего указанного периода. Важно отметить, что данная вотчина не знала массовых опустошений, эпидемий и переселений,

Шпирко Сергей Валерьевич, кандидат физико-математических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Shpirko Sergey Valer'evich, PhD Candidate in Physics and Mathematics, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies, Faculty of Archival Studies and Records Management, Historical-Archival Institute, Russian State University for the Humanities

shpirkos@mail.ru

ORCID: 0009-0006-7018-3692

что позволяет рассматривать ее в целом как замкнутую систему. Таким образом, она является ценной площадкой для применения и отлаживания количественных формализованных подходов на таком микроуровне. В настоящей работе автором развивается подход, основанный на привлечении математического аппарата одного из направлений математической статистики — теории ветвящихся процессов, что является новизной. Предложенная автором методика позволяет оценить величину коэффициента естественного прироста в следующем поколении даже в случае частичной неполноты исходных данных по ревизиям, приближенно рассчитать численность поколений, не отраженных в переписях. Причем это касается не только мужской, но и женской его части, что особенно актуально для всего XVII в. и первой половины XVIII в., когда женщины не учитывались. Кроме того, автор получает приближительную оценку утайки населения вотчины в ходе проведения первой ревизии 1719–1722 гг. Ее размер оказывается значительным, но не таким огромным, как это можно встретить в работах ряда ведущих отечественных исследователей.

Ключевые слова: историческая демография, моделирование, математическая статистика, ветвящиеся процессы, вотчина, численность населения.

Abstract. The author carried out the modeling of the historical dynamics in Russian rural population size from the 18th to the mid-19th century, examined through the case of a single estate in Kostroma province. This relatively small estate was separated from the extensive holdings of the widow of boyar F.I. Mstislavskii in the second quarter of the 17th century and existed within virtually unchanged boundaries up to the abolition of serfdom in 1861. The estate passed through the hands of several owners, including members of the highest Russian aristocracy (the Lvovs, Romodanovskiis, and Lopukhins) in the 17th and first half of the 18th centuries. A corpus of archival documents has been preserved in the Russian State Archive of Ancient Acts and the State Archive of Kostroma Region, including land survey materials and census books from eight revisions, which enables reconstruction of the estate's history over the entire period. The estate never experienced large-scale devastation, epidemics, or resettlements and can therefore be regarded as a closed system. It thus provides a valuable testing ground for quantitative, formalized approaches at the micro-level. The article develops an approach based on the mathematical apparatus of the theory of branching processes, a branch of mathematical statistics, which constitutes the main innovation of the study. The proposed methodology makes it possible to estimate the value of the natural increase coefficient in the next generation even in cases where the revision data are partially incomplete, to approximate the size of each generation not recorded in the censuses, which is of considerable relevance. This applies not only to the male but also to the female population. This is especially important for the 17th century and the first half of the 18th, when women were not enumerated. Besides, the author obtains an approximate estimate of underregistration of the estate's population during the first revision of 1719–1722, which proves to be substantial, though not as large as mentioned in some leading Russian works.

Keywords: historical demography, modeling, mathematical statistics, branching processes, estate, revision census.

Введение. Архангельская вотчина

Занимаясь собственными генеалогическими изысканиями, автор в какой-то момент осознал, что является обладателем замечательного материала, состоящего из всевозможных выписок из переписей, ревизий, метрик, исповедной ведомости, которые отражают в некоторых аспектах не только судьбу его персонального рода, но и целой общины начиная со Смутного времени XVII в. и вплоть до революции XX в.

Речь идет о крестьянском населении одной достаточно крупной вотчины в Галичском уезде, образовавшейся в 1629 г. при разделе владений вдовы боярина князя Федора Ивановича Мстиславского, игравшего в конце XVI — начале XVII в. одну из главных ролей в судьбах Московского государства. Удивительным образом эта вотчина, меняя на протяжении столетий несколько раз своих хозяев (Львовы, Ромодановские, Лопухины, Барши, Суворовы, Кандалинцевы, Ефремовы), практически не изменялась территориально.

Население при этом, насчитывая, согласно отдельной книге 1629 г., 300 совершеннолетних душ мужского пола, на момент последней, десятой, ревизии 1858 г. достигло около двух с половиной тысяч душ обою пола. Первые деревни, состоявшие из 2–3 дворов, разрастались, выделяя из себя в лесную глушь на берега речек новые поселения (починки), превращавшиеся после следующей переписи в деревни. Некоторые из них, в свою очередь, отпочковывали со временем от себя новые починки.

Центральным поселением вотчины являлась деревня Михайловское («Черкасское тож»), в которой при первом ее владельце — кн. Львове — была построена церковь во имя Михаила Архангела. В связи с этим событием деревня Михайловское стала со временем называться селом Архангельским, а вся вотчина — Архангельской. Вплоть до предпоследнего помещика Кандалинцева владельцы Архангельской вотчины ни разу в ней не показывались, предпочитая управлять из Москвы и, позднее, Санкт-Петербурга через своих приказчиков.

Внутренняя жизнь вотчины регулировалась крестьянским миром через своих выборных вплоть до отдачи девиц и вдов в жены своим крестьянам. Главной целью всей этой деятельности, если отвлечься от духовной стороны, являлось поддержание порядка в общине и исправное отправление тягла государству и помещику.

Основным занятием населения являлось пашенное земледелие, рыболовство (в большой реке Ветлуга), охота. Важнейшей статьей

дохода, позволявшей выплачивать денежный оброк (барской запашки в вотчине никогда не было), была выделка липового лыка и продажа сделанной из него рогожи за пределы вотчины.

Эпидемии, случавшиеся в России (в частности, чума 1654 г.), обходили стороной этот лесной дальний угол. Не знали эти места со времени после Смуты массовых опустошений и войн (за исключением отголоска разинского восстания в 1671 г.).

Особняком стоит период первой четверти XVIII в., отразившийся на материалах первой подушной переписи в виде большого числа пропусков и неразберихи в учете податного населения. К середине того же века наступает стабилизация: перемещение населения вотчины жестко управляется и тщательно фиксируется. Причем перемещения за пределы вотчины составляют ничтожную часть по сравнению с перемещениями внутренними. Внешние перемещения заключались в подавляющем большинстве в отдаче крестьянам в жены девок из других вотчин, уравнивающейся обратным процессом — выдачей собственных девок за чужих крестьян.

Не имеет никакого смысла и даже методологически ошибочно рассматривать по отдельности населенные пункты, входившие в вотчину. Все они представляли собой элементы, формировавшие совместно единый целостный организм во всех аспектах, будь то хозяйственный, биологический, политический или духовный, что позволяет рассматривать вотчину как замкнутую систему на протяжении всего времени ее существования.

Более того, если учесть церковные запреты на заключение браков между родственниками, можно рассматривать как мужскую половину населения вотчины, так и отдельно женскую ее половину практически не взаимодействовавшими внутри себя (в плане воспроизводства).

Всё это позволяет считать перспективной идею привлечения к моделированию численности населения вотчины подходов и математического аппарата теории ветвящихся процессов.

Элементы теории ветвящихся процессов

Данный вероятностный подход был применен еще в 1870-х гг. Гальтоном и Ватсоном при анализе вырождения аристократических фамилий, и с тех пор он использовался во многих областях естественных и общественных наук. В 1930-е гг. Лотка обращался к нему при изучении вопроса о вырождении потомства мужских линий в США. В своем изложении материала мы будем отталкиваться от классической обзорной работы Харриса¹.

¹ Харрис Т. Теория ветвящихся случайных процессов. М., 1966.

Представим себе частицы, которые могут производить другие частицы того же вида: например, это могут быть люди. В данной работе мы будем интересоваться исключительно численностью последовательных поколений, не придавая значения времени рождения отдельных частиц и их «родственным» связям. Обозначим через $X_0, X_1, X_2 \dots$ число частиц нулевого, первого, второго и т.д. поколений. По умолчанию считаем, что нулевое поколение состоит из единственной частицы — первопретка ($X_0 = 1$).

Работа уже упоминавшегося Лотка, как и все ее продолжения, исходит из детерминистской модели, которая означает, что случайность действует только на индивидуальном уровне (частицы), а поколения развиваются в точном соответствии со значением математического ожидания. Напомним, что в теории вероятностей под математическим ожиданием понимается среднее (взвешенное по вероятностям возможных значений) значение случайной величины, в данном случае — средняя величина k -го поколения — $\varepsilon X_k, k = 1, 2 \dots$

Сделаем два следующих предположения.

Первое. Если численность k -го поколения известна, то вероятностный закон, управляющий следующими поколениями, не зависит от численностей поколений, предшествующих k -му. Таким образом, последовательность величин $X_0, X_1, X_2 \dots$ образуют цепь Маркова. Также дополнительно полагаем, что переходные вероятности данной цепи не меняются со временем.

Второе. Различные частицы не взаимодействуют друг с другом. Число «детей», порожденных отдельной частицей, не зависит от того, сколько частиц существует в данный момент.

Понятно, что в реальной жизни оба данных предположения могут нарушаться. Относительно нарушения второго предположения мы, как было указано выше, «подстраховались», рассматривая отдельно последовательные поколения, состоящие из мужчин и женщин. Нарушение первого предположения может быть в случае, например, когда отец, имеющий мало братьев, предпочитает иметь также мало и сыновей. Всеми этими случаями мы пренебрегаем, что позволит применять наработанный аппарат данной математической теории.

Обозначим ожидаемое (среднее) число частиц в первом поколении через m , то есть $\varepsilon X_1 = m$. С учетом сделанных предположений каждая частица в среднем порождает m «детей», а тогда все m -частицы первого поколения — m^2 «детей». Итак, можем ожидать, что величина X_2 второго поколения составляет около m^2 . Рассуждая аналогичным образом, получаем, что ожидаемая величина X_3 третьего поколения будет m^3 , k -го поколения — m^k и так далее.

Понятно, что если частица в среднем порождает больше одного потомка ($m > 1$), то данная геометрическая прогрессия m^k будет расти бесконечно (в этом случае демографы говорят о мальтузианской модели роста численности населения), а если меньше единицы ($m < 1$), то численность поколений будет со временем падать, пока не обратится в ноль. В контексте данной работы нас будет интересовать лишь первый случай.

Оказывается, наши интуитивные соображения относительно тенденций развития подкрепляются строго математически. Опуская детали и перефразируя язык формул, с ростом k величина k -го поколения X_k становится все ближе к m^k , причем чем больше m , тем быстрее будет происходить данный процесс.

Отметим также весьма примечательный факт. Вероятность вырождения s -процесса остается ненулевой при сколь угодно большом значении m . Это можно объяснить тем, что численность поколений, являющаяся случайной величиной, может быть подвержена различным флуктуациям, которые могут сыграть на начальной стадии и фатальную роль (когда число частиц относительно невелико). Зная переходные вероятности цепи Маркова, эту вероятность вырождения можно точно рассчитать.

Величину m так же, как и вероятность вырождения, можно оценить. В отличие от последней, для оценивания величины m не нужно находить переходные вероятности цепи Маркова, а достаточно знать численность поколений: $X_0, X_1, X_2, \dots, X_{k-1}, X_k$. Оказывается, что отношение величины $X_1 + X_2 + \dots + X_k$ к величине $X_0 + X_1 + \dots + X_{k-1}$ является оценкой наибольшего правдоподобия для m . И чем больше k , тем точнее будет данная оценка², что символически можно записать в виде следующей формулы:

$$\frac{X_1 + X_2 + \dots + X_k}{X_0 + X_1 + \dots + X_{k-1}} \xrightarrow{\text{по вероятности}} m \text{ при } k \rightarrow \infty \quad (1)$$

(значок « \rightarrow » означает в математике предел, а « ∞ » — бесконечность).

Постановка задачи

Объектом исследования в статье являются данные подушных переписей Архангельской вотчины, отложившиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) (I, II ревизии) и Государственном архиве Костромской области (ГАКО) (все остальные ревизии, с III по X). Все они имеют однотипную форму, однородное

² Харрис Т. Указ. соч. С. 55.

содержание и однородность обстоятельств происхождения, что позволяет рассматривать ревизии как массовый источник³.

Некоторые листы IV и V ревизий содержат следы воздействия огня, воды и грибов, на части из них довольно сильно выцвели чернила. Впрочем, наличие итогов после сведений по каждому населенному пункту позволяет восполнять недостающую информацию. Данные VI и VII ревизий (по крайней мере, в цифровом формате) по вотчине отсутствуют, создавая временной пробел между V (1795 г.) и VIII (1834 г.) ревизиями в 41 год. Между IX (1850 г.) и X (1858 г.) ревизиями наоборот временной промежуток слишком малый — всего 8 лет. Поэтому в целях синхронизации временных интервалов (35–41 год) данные предпоследней IX ревизии в дальнейший расчет брать не будем.

Напомним, что, согласно второму предположению, мы рассматриваем мужские и женские выборки раздельно. Обозначим через Z_k число лиц одного пола (например, мужского). Наше дополнительное — третье — предположение будет заключаться в следующем: в каждой k -й ревизии ($k = 1, 2 \dots 10$) содержатся данные трех последовательных поколений. Тогда сумма ряда $Z_1 + Z_2 + \dots + Z_9$ есть утренняя сумма ряда $X_0 + X_1 + \dots + X_{10}$:

$$Z_1 + Z_2 + \dots + Z_9 = 3 \times X_0 + 3 \times X_1 + \dots + 3 \times X_{10} = 3 \times (X_0 + X_1 + \dots + X_{10})$$

Тогда, в приведенной выше формуле для оценки ожидаемого (среднего) числа t множитель в числителе и знаменателе сокращается. Другими словами, вместо численности поколений в данной формуле можно подставить численность мужского населения (и женского, конечно).

**Численность податного населения мужского и женского пола
Архангельской вотчины Заводской волости Ветлужского уезда
Костромской губернии по данным ревизий**

Номера ревизий	I Z_1	II Z_2	III Z_3	IV Z_4	V Z_5	VI Z_6	VII Z_7	VIII Z_8	IX Z_9	X Z_{10}
годы проведения	1719– 1722	1744	1763	1782	1795	1811	1818	1834	1850	1858
душ м.п.	433	460	594	707	693	–	–	1084	1235	1225
душ ж.п.	–	–	578	719	715	–	–	1205	1292	1314

Источник: РГАДА. Ф. 350. Ландратская подворная ревизия. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1457; Оп. 2. Ч. 2. Д. 3706; ГАКО. Ф. 200. Костромская казенная палата. Оп. 18. Д. 1046; Оп. 16. Д. 39; Оп. 15. Д. 44; Оп. 20. Д. 24; Оп. 14. Д. 33; Оп. 13. Д. 48.

³ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации: XIX — начало XX вв. М., 1979. С. 7.

В таблице как раз и приводится данная численность отдельно по обоим полам для каждой из 10 ревизий.

Возвращаясь к формуле, отметим, что в знаменателе ее дроби фигурирует сумма первых k членов ряда X_0, X_1, \dots, X_{k-1} , а в числителе сумма членов того же ряда, смещенных на единицу: X_1, X_2, \dots, X_k . Поскольку более или менее достоверные цифры даются лишь со второй ревизии (более подробно раскроем данный тезис ниже), сделаем ее начальной точкой отсчета. Другими словами, будем считать в формуле величину Z_2 за X_0 , Z_3 за X_1 , Z_4 за X_2, \dots, Z_{10} за X_8 .

Отсюда формула для расчета величины m для мужского пола переписишется в виде:

$$\frac{Z_3 + Z_4 + Z_5 + Z_8 + Z_{10}}{Z_2 + Z_3 + Z_4 + Z_5 + Z_8} \approx m_{\text{м.п.}}$$

А для женского пола (член Z_2 исключается из рассмотрения, поскольку женское население не учитывалось как в первой, так и во второй ревизиях):

$$\frac{Z_4 + Z_5 + Z_8 + Z_{10}}{Z_3 + Z_4 + Z_5 + Z_8} \approx m_{\text{ж.п.}}$$

Подставляя сюда конкретные значения из таблицы, получаем для обеих расчетных величин практически одинаковые значения:

$$m_{\text{м.п.}} \approx 1,219, \quad m_{\text{ж.п.}} \approx 1,222.$$

Таким образом, численность следующего поколения (как мужчин, так и женщин) увеличивается примерно на 22%. Например, если в текущем поколении общее число мужчин и женщин составляет 1000 человек, то в следующем поколении их будет около 1220 человек. А в третьем поколении это число составит приблизительно 1488, в четвертом — 1815 человек и так далее (население растет со скоростью геометрической прогрессии).

Заострим внимание на том, что данные цифры имеют исключительно характер первого приближения. Оставляя в стороне вопрос математической корректности третьего предположения (использовать данные второй ревизии за начальные для первой формулы), более строгим было бы вычленение на основе тщательной проверки и перекрестной сверки всех живших поколений и в полном объеме. Но составление подобных поколенных росписей является задачей на порядок более сложной, требующей несоизмеримых с поставленной целью временных затрат и ресурсов.

Сделав это важное замечание, перейдем теперь к задаче практического применения результатов предложенного моделирования. Например, к задаче реконструкции данных ближайшей — первой — ревизии.

Первая ревизия и ее отражение в данных по Архангельской вотчине

В своем изложении некоторых общих сведений будем следовать результатам В.М. Кабузана⁴. Как известно, подворная перепись 1710 г. зафиксировала убыль дворов на 19,5% по сравнению с переписью 1678 г. Ландратская перепись 1716–1717 гг. также выявила скученность дворов.

Собственно, недовольство правительством результатами данных переписей и недоверие им послужило основанием для проведения новой, уже подушной, переписи, инициированной указом Правительствующего Сената от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взыскании за утайку душ». В тексте указа, в частности, говорилось: «Великий государь указал, по именному своему великого государя указу, ради расположения полков армейских на крестьян всего государства, брать во всех губерниях сказки с таким определением о дворцовых и прочих государевых, патриарших, архиерейских, монастырских и церковных, помещиковых и вотчинниковых селах и деревнях, також однодворцам, татарам и ясачным <...> без всякой утайки, невзирая ни на какие старые и новые о дворовом числе и поголовные переписки, но учиняя самим переписки правдивые, сколько, где, в которой волости, в селе или в деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей по именам есть мужские полы, всех, не обходя от старого до самого последнего младенца, с летами их, и подавать те сказки в губерниях <...>. Помещикам всем, как многопоместным, так и малопоместным, которые живут в своих деревнях, тем самым, а которые обретаются в службах, и в отлучении от своих деревень, то потому же прикащикам их и старостам с выборными людьми...».

Далее последовал еще ряд указов. Указ от 5 января 1720 г. включил в перепись «дворовых людей и церковных причетников, кроме попов и дьяконов, которую особую роспись также подавать надлежит». Указ от 5 июля 1721 г. исключил из числа ревизских душ дворян, отставных солдат и драгун, которые были включены в первоначальную перепись.

Итак, само население должно было подавать на себя ревизские сказки, в частности, о помещичьих крестьянах это должны были делать помещики или приказчики. Сказки о крестьянах, однодворцах и ясачных иноверцах подавались с 22 января 1719 г. по январь 1720 г.

⁴ Кабузан В.М. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII — первой половины XIX века, 1719–1858 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1959.

Сведения о духовенстве и дворовых людях собирались с 5 января по 2 июля 1720 г., а сказки о разночинцах и посадских людях — с 28 февраля по 1 января 1722 г.

При этом указ от 5 июля 1721 г. потребовал «души, которые в сказках были написаны, а после того померли <...> из переписи не выключать <...> а место того младенцев, которые после переписи 1719 и 1720 годов родились, в наличное число не класть». Все лица, которые не были переписаны в указанные выше сроки, считались уже прописными и, в случае обнаружения, переписывались на установленные законом сроки, даже если они умерли непереписанными.

Однако на этом ревизия еще не завершилась. С 1722 г. правительство начинает специальную поверку правильности поданных населением ревизских сказок. На места были посланы офицеры, на которых возлагалось ее проведение. Духовенству с 1722 г. было предписано официально вести книги об исповедовавшихся и не явившихся на исповедь прихожанах и «метрические книги для записи рождающихся, браком сочетавшихся и умирающих».

Итак, собственно перепись охватывала период 1719–1721 гг. Уже с 1720 г. началась предварительная поверка, которая учла к 1722 г. 430 084 души мужского пола прописного населения (разумеется, в пределах всего государства). Основная поверка, длившаяся с 1722 по 1724 г., дала еще 773 141 душу мужского пола. Кое-где поверка продолжалась до осени 1727 г. и учла еще 162 402 души мужского пола. Затем поверка прекращается, а с ней завершается и обнаружение новых душ, не охваченных ревизией. Лишь при проведении очередной — второй — ревизии ревизоры, уточнявшие результаты первой ревизии, опять обнаружили значительное число прописных.

Атмосферу проведения первой ревизии передает документ «Подлинное дело о переписке мужеска полу душ и об отсылке сказок к бригадиру Зотову 1719, 1720 и 1721 годы», хранящийся в РГАДА (Ф. 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов). Оп. 15. Д. 659), фрагмент из которого приводит В.М. Кабузан: «Помещики объявили, что прикащики и старосты их утаили в деревнях 8769 душ. При розыске было обнаружено 127 душ, в том числе пытано 51. При этом пытаные сказали, что утайка производится:

- 1) с общего совета мирских людей для легкости податей;
- 2) прописывали беспамятством без помыслу от одного до десяти душ;
- 3) про утайку ведали, а не известили, а про помещиков своих говорили, что они им подтверждали, дабы писали без утайки»⁵.

⁵ Там же.

Касаясь вопроса внутренней достоверности переписи, то есть проблемы полноты учета ими населения, подлежащего регистрации, можно констатировать отсутствие у историков единого мнения. Соответствующие оценки приводит ученик В.М. Кабузана — Я.И. Водарский⁶. Ю.В. Готье, опираясь на данные первой ревизии по шести губерниям, указывает, что «в первой четверти XVIII в. население, всячески уклоняясь, сумело <...> утаить более 30% из своей среды». Основываясь на тех же данных, что и Ю.В. Готье, Б.Ц. Урланис дает более высокую оценку: «Первая ревизия наглядно показала, что первоначальные собранные данные нужно было увеличить на 60%, чтобы получить более или менее полные цифры». Я.И. Водарский не соглашается с данными оценками, считая их завышенными. Как он указывает, Ю.В. Готье и Б.Ц. Урланис ввиду отсутствия специальных работ о ревизиях вынуждены были брать данные у П.Н. Милюкова. Последний же использовал данные по шести губерниям с 1719 г. по 5 ноября 1721 г. В действительности же подача сказок, то есть подушная перепись, продолжалась до конца 1721 г., а часть населения (посадское, например) переписывалось даже в 1722 г., когда и началась проверка (ревизия) переписи. Далее Я.И. Водарский приводит расчеты В.М. Кабузана, согласно которым доля уклонившихся от переписи и обнаруженных к 1724 г. составила 21,6% от общего итога переписи. Новые проверки, продолжавшиеся до 1747 г., увеличили ее до 24,7%.

Единая форма ревизских сказок для первой ревизии отсутствовала, а по своему содержанию они напоминали старые челобитные. В.М. Кабузан выделяет формально в ревизской сказке три части: вступление, текст самой сказки и заключение.

Вступление. В этой части почти всегда объясняется причина подачи сказок (узнав об указе царя о сборе сказок, такие-то без утайки спешат дать их о себе, всех детях мужского пола, «свойственников» и «работных людях»).

Текст самой сказки (выдержанный в форме старых челобитных), где собираются все необходимые данные о лицах мужского пола (фамилия, имя, отчество, сословная принадлежность, место жительства, возраст, иногда место рождения и род занятий).

Заключительная часть, где подтверждается правильность поданной сказки и выражается согласие понести суровую кару за утайку («смертная казнь» и др.).

Все ревизские сказки по I (1719–1722 гг.) и II (1744–1748 гг.) ревизиям дают одни и те же сведения. Они освещают:

⁶ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 50–51.

- 1) сословную принадлежность подающих сказки;
- 2) возраст, фамилию, имя, отчество и место рождения, указанные в сказках;
- 3) место жительства в момент подачи сказок;
- 4) число детей мужского пола, родственников («свойственников») и работных людей с указанием их фамилий, имен, отчеств, возраста и сословной принадлежности;
- 5) размеры податей, уплачиваемых казне по времени ревизии;
- 6) имущественное положение подающих сказки («в своем дворе живет» и т.д.).

Данные, приводимые в приложении, позволяют выявить некоторые нюансы в проведении первой ревизии по Архангельской вотчине. Из заголовка формуляра мы узнаем, что на момент составления документа (1723 г.) данная вотчина уже была передана («которая ныне явилась») во владение Федору Авраамовичу Лопухину, сыну казненного по приказу царя в 1718 г. Авраама Федоровича Лопухина. Самому Аврааму Лопухину эта вотчина досталась по отказной грамоте от 25 марта 1693 г.⁷ в качестве приданного его жены от тестя, князя Федора Юрьевича Ромодановского. Последний же получил вотчину по отказной от 23 декабря 1673 г.⁸ тоже в качестве приданного, на этот раз за дочь вдовы прежнего владельца, князя Василия Петровича Львова. Сам Львов получил ее по отдельной грамоте 1628/1629 г.⁹ при разделе владений вдовы первого владельца вотчины, уже упоминавшегося князя Федора Мстиславского. Последний же получил ее по жалованной государевой грамоте в 1618/1619 г. за «московское сиденье в королевичев приход». До 1618 г. это были черные государевы земли в составе Воздвиженского стана Галичского уезда, платившие оброк.

Отвлекаясь еще несколько от главной темы, заметим, что эти грамоты XVII в. позволяют установить и неизвестные ранее (или подтвердить версии) об именах жен и дочерей упомянутых выше лиц. Так, из этих грамот мы узнаем, что вдову боярина князя Федора Мстиславского звали Ирина Михайловна, вдову окольного Василия Львова — Мария, а ее дочь, выданная замуж за Федора Ромодановского, носила имя Анна.

Возвращаясь к формуляру первой ревизии, отметим его фактическое отсутствие. Он включал в себя 3 графы, из которых ис-

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7364. Отказные книги. № 74. Л. 344 об.–359.

⁸ Там же. № 2. Л. 10–24 об.

⁹ Там же. Д. 7228: «...6) Писцовая («прибылая») и отдельная книга вотчин кн. Ирины Михайловны Мстиславской в Ветлужской волости Галичского уезда писца В. Копнина 1629 г. Подлинник». Л. 1171–1524.

пользовались только две (в первой, очевидно, проставлялся номер вотчины по порядку перечисления): в третьей проставлялся возраст ревизской души, а вторая содержала всю остальную информацию (имя, отчество, степень родства к домохозяину, социальный статус). Перечисление ревизского населения вотчины велось по населенным пунктам начиная с главного — села Архангельского. Количество ревизских душ подсчитывалось по каждому населенному пункту и выводилось итоговой цифрой. Отметим, что общий итог по всей вотчине не указывался, что несколько затрудняет общий подсчет (всего на 1723 г. учтено 433 ревизские души мужского пола).

Как видим из приложения, ревизия — по крайней мере, в первый 1719 г. — велась по ревизским сказкам, то есть ревизоры в вотчину не являлись. В следующий 1720 г. ревизские сказки не подавались. Полученные цифры были подвергнуты в последующие два года проверке, что отразилось в составлении доношений. Первое из них было составлено в 1721 г. и дало большое число еще не учтенных ревизских душ. В 1722 г. доношений не подавалось. Все ревизские души, не учтенные в данные 4 года, автоматически считались прописными («пропущенными»), что и было отражено в генеральном свидетельстве 1723 г. Из них собственно прописных выявилось 29 душ, из бегов явившихся — 13 душ, перешедших из рекрут в крестьянство — 1 душа, приписанных крестьян от соседней церкви — 3 души. Таким образом, число выявленных прописных составило около 11% от общего числа ревизских душ.

Также отметим, что только генеральное свидетельство оставило информацию о дворовом числе. Среди категорий дворов указаны помещичьи, крестьянские, бобыльские, вдовьи, солдатские и скотные.

Численные эксперименты

Полученные в данной работе результаты позволяют оценить и масштабы утайки населения в ходе проведения первой ревизии 1719–1722 гг. Как отмечалось выше, В.М. Кабузан и Я.И. Водарский оценивают ее в пределах 21–25%. С учетом полученных нами ранее коэффициентов $m_{м.п.}$ и $m_{ж.п.}$ численность мужского и женского населения на данный период времени оценивается в 487 и 387 душ соответственно. Напомним, что по данным переписи численность ревизского населения составила 433 человека, что дает 12,5% утайки. Сравнивая его с данными В.М. Кабузана и Я.И. Водарского, можно заключить, что результаты моделирования дают в два раза меньший процент утайки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Данные I ревизии по селу Архангельскому

Источник: РГАДА. Ф. 350. Ландратская подворная ревизия. Оп. 2. Ч. 1. Ландратские книги и ревизские сказки (коллекция). Д. 1457. 1723 год. Книга переписная помещичьих и монастырских крестьян Воскресенского, Троицкого, Богородского, Воздвиженского станов <...> положенных в подушной оклад на расположение полков в Нижегородской губ (Л. 1–583).

нуме- ра	Воздвиженского	лета	нуме- ра	стану	лета
125	Вотчины Его императорского Величества которая ныне явилась за Федором Аврамовым сыном Лопухиным			А при свидетельстве явился Михей Трефил Дементей Макаров Михайло Леонтьев Василей Прохоров у него брат родной Елфим у него сын Ларион Петр Назаров у него сын Савелей Итого 10 душ	4 21 25 50 33 9 28 8
	В селе Архангельском по сказке 719 году дворового числа не показано			В 720-м году о том селе скаски не подавано	
	По генеральному свидетельству 723 году Помещиков — 1 Крестьянския — 7 Бобыльския — 3 Вдовия — 1 двор В тех дворах мужеска полу душ по скаске 719 году крестьян		43	По доношению 721 году того ж села Архангельского крестьян Аника Тимофеев брат у него Михей Леонтей у Аники сын Ефим	20 12 8 1
	Данило Созонов у него дети Михайло	56 23			

Данные I ревизии по селу Архангельскому (продолжение)

нуме- ра	Воздвиженского	лета	нуме- ра	стану	лета
	Наум Михайлов	1?		Клим Прохоров	70
	у него братья			У него сын Емельян	23
	Семен	5		Иван Гурьев	60
	Софрон	полугод		У него сын Осип	3
	Влад	5		Дорофей Естифеев	13
	Аника	3		Иван Филипов	15
	Елфимовы дети			Николай	6
	Андрей Назаров	30		Анофрей	4
	Никита Петров	5		Спиридон	2
	Иван Петров	30		Ивановы	
	у него братья Лука			Клим Никифоров	10
	Прокофей	8		Итого 41 душ	
	Мирон	5			
	Тимофей Григорьев	2		В 722 м году февраля по	
	Мамонтей Григорьев	3		1е число о той деревни	
	А они Тимофей	1		доношения не подавано	
	и Мамонт при			По генеральному свиде-	
	свидетельстве явились			тельству 723 году марта	
	Петровы,			4 дня	
	Григорий Леонтьев	50		Прописной	
	у него детей Панфил	10		Иван Михайлов	60
	Архип	8		Всего в селе	
	Григорий Иванов	25		Архангельском	
	Калистрат Иванов	20		52 души	
	у Григорья сын Семен	2			
	Тимофей Прокофьев	20			
	детей у него Аксен	5			
	Степан	3			
	Захар	1			
	у него племянник Петр				
	Федоров	10			
	Арефей Федоров	30			
	У него сын Аксен	2			
	Да у него ж племянник				
	Андрей Алексеев	4			

References

Harris Th. *Teoriya vetyashchikhsya sluchaynykh protsessov* [The Theory of Branching Stochastic Processes]. Moscow: Mir, 1966. 356 p.

Kabuzan V.M. *Materialy reviziy kak istochnik po istorii naseleniya Rossii XVIII — pervoy poloviny XIX veka, 1719–1858 gg. Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Revision Materials as a Source for the History of the Population of Russia in the 18th and the First Half of the 19th Centuries, 1719–1858. PhD Candidate Dissertation in History]. Moscow: Institut Istorii AN SSSR, 1959. 337 p. + App. 60 p.

Litvak B.G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoy dokumentatsii: XIX — nachalo XX vv.* [Essays in the Source Study of Mass Documentation: The 19th and Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka, 1979. 294 p.

Vodarskiy Ya.E. *Naseleniye Rossii v kontse XVII — nachale XVIII veka (chislennost', soslovno-klassovyy sostav, razmeshcheniye)* [Population of Russia in the Late 17th and Early 18th Centuries (Size, Estate-Class Structure, Distribution)]. Moscow: Nauka, 1977. 265 p.

Поступила в редакцию
16 января 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-40-54

А.Ю. Андреев, Е.А. Григорьева

**ГИМНАЗИЯ В СОСТАВЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СОЗДАНИЯ
МУЗЕЯ (К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ)**

A.Yu. Andreev, E.A. Grigor'eva

**THE GYMNASIUM ATTACHED TO MOSCOW UNIVERSITY:
ISSUES OF HISTORICAL MEMORY AND MUSEUM-MAKING
(ON THE 270th ANNIVERSARY OF ITS FOUNDING)**

Аннотация. 25 января 2025 г. отмечалось 270 лет со дня основания не только Московского университета, но и гимназии в его составе (позже получившей наименование Академической). Она была создана в рамках первоначального «Проекта об учреждении Московского университета», и ее открытие состоялось даже раньше, чем было налажено регулярное чтение лекций для студентов. В течение XVIII в. и в начале XIX в. именно гимназия (в силу многочисленности своих учеников) во многом опреде-

Андреев Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета

Andreev Andrei Yurievich, Doctor in History, Professor, Department of the History of Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow, Laboratory of Social and Anthropological Research, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University

andrv@hist.msu.ru

ORCID: 0000-0001-7075-6637

Григорьева Екатерина Александровна, младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; старший методист Университетской гимназии (школы-интерната) МГУ имени М.В. Ломоносова

Grigor'eva Ekaterina Aleksandrovna, Junior Research Fellow, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Senior Methodologist, University Gymnasium (boarding school), Lomonosov Moscow State University

yreewda@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0313-3437

ляла характер взаимодействия университета и общества. Гимназия существовала в 1755–1812 гг. Она занимала значительную часть Главного здания Московского университета, но была закрыта после пожара Москвы 1812 г., поскольку лишилась своего помещения. В 2016 г. гимназия была воссоздана в структуре современного Московского государственного университета. Это событие ставит вопросы о преемственности традиций и исторической памяти как внутри университета, так и памяти о старейшей средней школе в России вообще. На обсуждение этих вопросов нацелено данное исследование. В нем рассмотрены основные вехи истории Академической гимназии, особенности ее учебного процесса, финансирования и социального состава учащихся. Показано, каким образом опыт существования университетской гимназии был востребован в современной истории МГУ. Раскрыты основные задачи, заложенные в современный учебный процесс, параметры учебы, особенности проектной деятельности учащихся, отмечены их сходства и отличия с историческими прототипами. В контексте создания в гимназии экспозиции молодежного музея, которая будет посвящена истории этого учебного заведения, представлены некоторые традиции, передававшиеся через поколения и возрожденные вновь. Отмечается вклад гимназии в изучение истории университета на современном этапе. Сделан вывод о значимости исторической памяти о гимназии как для самих ее учащихся, так и в контексте развития общей историографии среднего и высшего образования в России.

Ключевые слова: Московский университет, Академическая гимназия, историческая память, молодежный музей, учебный процесс, проектная деятельность учащихся.

Abstract. On 25 January 2025 the 270th anniversary was marked not only of the founding of Moscow University, but also of the gymnasium attached to it (later known as the Academic Gymnasium). The gymnasium was created as part of the original “Project for the Establishment of Moscow University”, and its opening in fact preceded the regular delivery of lectures for university students. Throughout the 18th century and the early 19th, it was precisely the gymnasium — by virtue of the size of its student body — that in many respects shaped the ways of the university interacting with society. The gymnasium existed from 1755 to 1812. It occupied a substantial portion of the Main Building of Moscow University, but it was closed after the Moscow fire of 1812, having lost its premises. In 2016 the gymnasium was re-established within the structure of the contemporary Moscow University. This event raises questions of continuity of

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/> и Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-17 «Разработка основ создания, функционирования и развития комплексного научно-просветительского университетского молодежного музея на примере МГУ имени М.В. Ломоносова».

This work was done with the support of Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/> and MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-17 “Development of the Foundations for the Creation, Functioning, and Development of a Comprehensive Scientific and Educational University Youth Museum, Using the Example of Lomonosov Moscow State University”.

traditions and of historical memory, both within the university and with regard to the memory of the oldest secondary school in Russia more generally. The present study is directed toward a discussion of these issues. The article examines the principal milestones in the history of the Academic Gymnasium, including the distinctive features of its curriculum, its financing, and the social composition of its pupils. It shows how the experience of the university gymnasium has been drawn upon in the recent history of Moscow State University. The study sets out the main aims embedded in the modern educational process, the parameters of study, and the specific character of students' project work, and it notes both parallels and divergences between these and their historical prototypes. In the context of creating a youth museum exhibition in the gymnasium devoted to the history of this educational institution, the article presents certain traditions transmitted across generations and newly revived. It also highlights the contribution of the gymnasium to the contemporary history of the university. The conclusion underscores the significance of the historical memory of the gymnasium both for its pupils and for the broader development of the historiography of secondary and higher education in Russia.

Keywords: Moscow University, Academic gymnasium, historical memory, youth museum, educational process, students' project work.

* * *

В 2025 г. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова отпраздновал юбилейную дату: 270 лет со дня своего возникновения. Однако можно заметить, что этот юбилей — двойной, ибо одновременно с университетом была основана также и его гимназия (которая впоследствии получила название Академической). Эта гимназия была возрождена и существует в составе Московского университета и сегодня: таким образом, она может претендовать на звание старейшего среднего учебного заведения в современной Российской Федерации. Утверждение такого юбилея и его научный анализ является важным событием в исторической памяти как университета, так и страны в целом.

Мысль об основании гимназии впервые высказал Михаил Васильевич Ломоносов в известном письме к Ивану Ивановичу Шувалову, написанном в мае 1754 г. в ходе обсуждения проекта об организации университета в Москве: «При университете необходимо должна быть гимназия, без которой университет как пашня без семян»¹. Гимназия не только была включена в качестве составной части в первоначальный «Проект об учреждении Московского университета», подписанный императрицей Елизаветой Петровной 12 января 1755 г. (в день Святой Татианы). Следует подчеркнуть, что

¹ *Белявский М. Т.* М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. С. 275.

и само открытие занятий Московского университета — его «торжественная инаугурация», произошедшая 26 апреля 1755 г., — было, по сути, началом именно гимназических занятий: на нем присутствовали учителя и уже принятые в гимназию ученики, студентов же и профессоров пока не было. И в последующие годы именно гимназия долгое время определяла облик Московского университета в глазах общества: так, например, в июле 1757 г. 16 гимназистов (вместе с двумя студентами) были лично представлены на куртаге императрице Елизавете Петровне и были «удостоены ее беседы»². В целом же число воспитанников гимназии в XVIII столетии в несколько раз превосходило число студентов, а возможность отдать детей на обучение в гимназию первоначально привлекала родителей куда более, нежели зачисление своих отпрысков в студенты. Тем самым гимназия не только выполняла свою основную цель — подготовку юношества к слушанию университетских лекций, — но и являлась общедоступной московской средней школой, пользовавшейся огромной популярностью.

Обучение в гимназии было рассчитано на 4–5 лет и делилось на пять школ: русского, немецкого, французского, латинского языков, а также начальных оснований наук (математики, истории, географии, философии, натуральной истории и др.). Каждая из школ состояла из нескольких классов, которые были организованы от низших к высшим ступеням обучения: так, например, обучение русскому языку делилось на четыре класса — чтения и письма, грамматики, синтаксиса, красноречия. Время обучения в одном классе ограничено не было, и многие ученики проводили в каждом по несколько лет, к тому же продвижение вперед по одной из школ никак не влияло на обучение в остальных. Учитель высшего класса латинской школы имел звание ректора гимназии, должность профессора и входил в университетскую Конференцию (орган управления Московским университетом в XVIII в.), по сути, являясь профессором древних языков еще до возникновения соответствующей кафедры. Эту должность в разные годы занимали профессора И.М. Шаден (1756–1772), Х.Ф. Маттеи (1772–1784), И.В. Мельманн (1786–1795), П.А. Сохацкий (1796–1804). При гимназии в 1757–1760 гг. существовали художественные классы, давшие начало Санкт-Петербургской Академии художеств.

Согласно «Проекту об учреждении Московского университета», гимназия делилась на две половины — дворянскую и разно-

² Шевырев С.П. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему юбилею. 1755–1855. М., 1855. С. 17, 48.

чинскую³. Различия между ними, однако, имели лишь формальный характер, касаясь раздельного формирования классов для дворян и разночинцев (вскоре фактически отмененного) и некоторых деталей быта. Например, за обедом ученики-дворяне ели серебряными ложками, а разночинцы — оловянными. 100 учеников гимназии (по 50 дворян и разночинцев) находились на казенном содержании, жили в помещении университета, получая от него бесплатную одежду, питание, учебники. С увеличением числа желающих университет ввел дополнительную категорию «сверхкомплектных учеников» (до 100 человек), получавших содержание за счет сборов от университетской типографии и прочих доходов. Часть учеников гимназии, плату за содержание которых вносили родители, именовалась пансионерами.

В 1779 г. всех дворян-пансионеров перевели в отдельный двухэтажный дом во внутреннем дворе университета, что положило начало основанию Благородного пансиона при Императорском Московском университете — знаменитого российского общеобразовательного заведения, воспитанниками которого были А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, многие декабристы, государственные и общественные деятели⁴. Таким образом, историческая память о Благородном пансионе также генеалогически должна быть связана с университетской гимназией.

После полного отделения пансиона от гимназии в 1790-е гг. при последней был учрежден новый пансион под руководством эконома И.П. Крупенникова (он назывался «сторублевым» по размеру первоначальной платы за год). Общие расходы на гимназию по штату 1755 г. составляли около половины университетского бюджета и впоследствии, в связи с увеличением числа учеников, еще выросли, но при этом и поступления от пансионеров играли заметную роль среди доходов университета. Число учеников в 1760 г. составляло 380 человек, в 1787 г. — 1010, а в начале XIX в. превышало три тысячи человек, учившихся в 22 классах (и это при том, что в то же самое время в университете числилось лишь около 60 студентов)⁵.

Казенные ученики размещались непосредственно в основном помещении университета — Аптекарском доме на Красной площади, а позднее — в Главном корпусе на Моховой, законченном в

³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 14. № 10346.

⁴ Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Университетский Благородный пансион: 1779–1830. М., 2006.

⁵ Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета: 1755–1855. М., 2001. С. 116.

1793 г. Они проживали там вместе с казеннокоштными студентами (по одному студенту на ученическую комнату), которым вменялось в обязанность следить за порядком и тишиной в комнатах, разъяснять материал, пройденный на уроках. За провинности учеников студенты имели право давать наказания. Учебный день начинался в 6 утра с повторения уроков, молитвы и завтрака, с 8 до 12 часов шли утренние уроки, затем обед, и с 2 до 6 — вечерние уроки, а после ужина и вечерней молитвы в 9 часов ученики ложились спать⁶.

Главное наблюдение за учебным процессом и поведением учеников возлагалось на инспектора гимназии, должность которого в XVIII в. занимали профессор Ф.Г. Дильтей (1756–1758, 1759–1761), Н.Н. Поповский (1758–1759), И.Г. Фроманн (1761–1763), И.Х. Керштенс (1763–1764), А.А. Барсов (1764–1771), Д.С. Аничков (1771–1779), И.Г. Шварц (1779–1782), Х.А. Чеботарев (1782–1787), П.И. Страхов (1787–1804). В середине 1780-х гг. из-за увеличения числа учеников были введены должности помощников инспектора — эфоров (профессора А.М. Брянцев, В.К. Аршеневский, М.Г. Гаврилов).

Среди учеников Академической гимназии в XVIII в. были видные государственные деятели — Г.А. Потемкин, П.В. Лопухин, А.И. Морков, Я.И. Булгаков, М.Н. Муравьев, писатели-просветители Д.И. Фонвизин и М.Н. Муравьев, архитекторы В.И. Баженов и И.Е. Старов. Множество будущих профессоров Московского университета закончили гимназию, а также преподавали там, прежде чем взойти на университетскую кафедру.

Тем не менее, в результате университетских реформ начала XIX в. и введения в действие университетского Устава 1804 г. Академическая гимназия оказалась за штатом и могла финансироваться только из так называемых хозяйственных сумм университета. Пансион Крупеникова был закрыт, казенные и сверхкомплектные ученики распущены, общее число учеников резко сокращено (до 150 человек). Оказавшуюся на грани исчезновения гимназию удалось сохранить благодаря усилиям избранного в 1805 г. ректором профессора Петра Ивановича Страхова, который выделил для этого средства за счет возросших доходов университетской типографии. 28 октября 1806 г. было утверждено новое «Постановление об Академической гимназии при Московском университете», по которому на нее по-прежнему возлагалась задача подготовки казеннокошт-

⁶ *Страхов П.Ил.* Краткая история Академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете. М., 1855. С. 33–34.

ных студентов для университета⁷. В гимназии полагались 60 казенных учеников, из которых не менее 15 должны были ежегодно производиться в студенты. В число этих учеников могли зачисляться лучшие ученики губернских гимназий, неспособные учиться за собственный счет. Кроме того, в гимназию допускались и сторонние ученики, но в таком количестве, чтобы «не слишком обременять учителей». Общее число учеников в 1808–1812 гг. составляло около 150 человек.

Московский пожар 1812 г. стал тяжелым испытанием для всего университета, и в особенности для его Академической гимназии. В августе она вынуждена была прекратить свои занятия, ученики разъехались по домам, а те из них, кто находился на попечении университета, были эвакуированы 1 сентября 1812 г. в Нижний Новгород (эти драматические события происходили перед самым вступлением французов в Москву). Все помещения гимназии затем были уничтожены пожаром вместе с оставленным там имуществом. После возвращения университета в Москву в 1813 г. найти в сторевшем городе новые помещения для организации учебы нескольких десятков гимназистов было чрезвычайно трудно. Поэтому деятельность гимназии остановилась сама собой, без какого-либо дополнительного решения на этот счет, и уже больше не возобновлялась.

Однако память о гимназии сохранялась внутри университета. Это демонстрируют и корпус мемуаристики, который начал формироваться в первой половине XIX в. (многие университетские выпускники в воспоминаниях подробно описывали свое обучение в гимназии, предшествовавшее поступлению в студенты), и первые научные работы по истории Московского университета. Первопроходцем здесь выступил профессор по кафедре русской словесности и декан историко-филологического факультета Степан Петрович Шевырев: его «История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею» (1855 г.) послужила отправной точкой для историографии университетского образования, причем не только для нашей *alma mater*, но и в масштабах всей России. Значительное внимание при освещении ранней истории Московского университета в XVIII — начале XIX в. Шевырев уделил Академической гимназии. Он первым собрал материалы, посвященные ее учебному плану и составу учителей, ее питомцам, торжественным актам в гимназии и проч.

⁷ Андреев А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 190.

Одновременно с фундаментальным трудом С.П. Шевырева в 1855 г. вышла и небольшая брошюра, озаглавленная «Краткая история Академической гимназии, бывшей при Императорском Московском университете». Ее автор, профессор Петр Илларионович Страхов (племянник П.И. Страхова), также ввел в научный оборот некоторое количество новых материалов, почерпнутых им из источников, таких, как относившиеся к XVIII — началу XIX в. газетные статьи и ежегодно выходившие «Объявления о публичных учениях в Московском университете»⁸. Также Страхов, основываясь на собственных воспоминаниях и рассказах современников, подробно описал быт гимназистов, организацию их учебного дня, праздники и досуг.

К сожалению, дальнейшее специальное изучение истории Академической гимназии в рамках юбилейных трудов более не проводилось. Как известно, празднование 150-летия Московского университета, совпавшее с началом революции в январе 1905 г., было отменено, и никаких новых работ, углублявших историческую традицию и память о гимназии, не последовало. В советской историографии гимназия при Московском университете оценивалась вскользь и скорее даже отрицательно, поскольку всегда подчеркивалось существовавшие в ней «феодальное» разделение учеников по сословиям, т.е. их принципиальное неравенство и «угнетение» со стороны господствующего класса.

Современная историография за последние 30 лет также пока еще не имеет монографических исследований по истории Академической гимназии. Между тем прямой повод к этому возник уже в 2016 г., когда гимназия была воссоздана в структуре МГУ имени М.В. Ломоносова. Ректор МГУ имени М.В. Ломоносова академик В.А. Садовничий еще в конце 1980-х гг. заявлял о необходимости создания школы-интерната для одаренных детей в структуре Московского университета, главным образом с целью поиска и воспитания талантливой молодежи⁹. Эта инициатива была поддержана на государственном уровне постановлением Правительства РФ № 883 от 3 ноября 2011 г. «Об осуществлении строительства зданий школы-интерната для одаренных детей и общежития для студентов федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования “Московский государственный

⁸ Объявления о публичных учениях в Императорском Московском университете и обеих гимназиях оного. М., 1755–1812 (экземпляры находятся в Отделе редких книг Научной Библиотеки МГУ).

⁹ Садовничий В.А. Слово о Московском университете. Избранные доклады, выступления, статьи, интервью. Т. 2. М., 2009. С. 197.

университет имени М.В. Ломоносова»¹⁰. 29 мая 2014 г. мэр Москвы С.С. Собянин и академик В.А. Садовничий заложили в фундамент строящегося здания капсулу с посланием будущим поколениям. Приказом МГУ № 901 от 11 августа 2016 г. для школы-интерната было утверждено название «Университетская гимназия (школа-интернат)»¹¹, а уже 1 сентября 2016 г. в гимназии начались первые занятия. «При Ломоносове была создана университетская гимназия, и она много значила для нашей страны. Надеюсь, эта школа сыграет такую же роль в жизни страны, страна очень нуждается в таких ребятах»¹², — заявил перед открытием современной приемницы Академической гимназии В.А. Садовничий.

Возведенный по проекту архитекторов Ю.П. Григорьева, Э.Ф. Мавлютова и С.И. Беляева на новой территории МГУ имени М.В. Ломоносова образовательный комплекс гимназии занимает площадь 28 400 квадратных метров¹³. Этот объект, построенный группой компаний «ИНТЕКО» в рамках ее многолетней работы на новых территориях Московского университета, был отмечен на конкурсе «Лучший реализованный проект в области строительства», став в 2017 г. победителем в номинации «Строительство объектов учебно-образовательного и учебно-воспитательного назначения»¹⁴. Архитектурно-градостроительное решение современного здания гимназии выполнено в стилистике Главного здания МГУ и включает пять соединенных между собой стилобатом корпусов: общественный, спортивный, учебный и два жилых. В учебном корпусе расположены не только современные школьные классы, но и специализированные лаборатории по информатике, химии, физике, лингафонные кабинеты, а также мастерские — гончарная, художественная, инженерная, текстильная. Спортивный корпус включает бассейн, спортивный и тренажерные залы. Таким образом, современные гимназисты имеют возможность совершать все основные

¹⁰ Постановление Правительства РФ № 883. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/postanovlenie_pravitelstva_rf_nbsp_883.html (дата обращения 15.10.2024).

¹¹ Университетская гимназия (школа-интернат). — URL: <https://letopis.msu.ru/content/es-nt-ug> (дата обращения 15.10.2024).

¹² Репортаж из Университетской гимназии. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/reportazh-iz-universitetskoj-gimnazii.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 15.10.2024).

¹³ Школа-интернат имени А.Н. Колмогорова на новой территории МГУ имени М.В. Ломоносова. — URL: https://genplanmos.ru/project/shkola_internat_kolmogorova_na_novoy_territorii_mgu/ (дата обращения 11.10.2024).

¹⁴ Университетская гимназия МГУ, построенная компанией Гучериева, стала лучшим проектом года. — URL: <https://mr.moscow/luchshim-luchshim-proektom-goda-stala-universitetskaya-gimnaziya-mgu-postroennaya-gruppoj-kompanij-inteko-mihaila-gutserieva/> (дата обращения 11.10.2024).

повседневные действия как учебного, так и внеучебного характера, не покидая пределы здания.

В то время как обучение в Академической гимназии было рассчитано на 4–5 лет, продолжительность обучения в ее современной преемнице — Университетской гимназии — составляет 2–4 года. В современной гимназии обучаются 350 учеников 8–11 классов, которым обеспечивается полный пансион. Обучение в 10–11 классах ведется по информационно-математическому, естественно-научному, историко-филологическому, социально-экономическому и физико-технологическому направлениям, а в 8–9 классах — по гуманитарному, физико-математическому и химико-биологическому направлениям¹⁵. Учебные планы Университетской гимназии утверждаются на заседании Ученого совета Московского университета.

В отличие от своей исторической предшественницы, современная гимназия не выполняет роль общедоступной московской школы. «Хоть мы территориально и находимся в Москве, мы не считаем себя столичной школой, у нас учатся ребята из 69 регионов страны»¹⁶, — заявляет директор Университетской гимназии МГУ профессор А.К. Гладилин. Сам процесс поступления в гимназию — двухэтапный и сложный — предполагает сдачу вступительных испытаний. А конкурс в первый год поступления превысил 12 человек на место, что оказалось выше, чем на большинство направлений подготовки высшего образования в МГУ¹⁷. Такой отбор соответствует ключевой цели современной гимназии, а именно — выявлению, воспитанию и обучению одаренной и талантливой молодежи с высокой заинтересованностью в обучении, высоким личностным потенциалом и мотивацией к развитию в области науки, технологий и инноваций¹⁸.

Деятельность современной гимназии организована в соответствии с шестью ключевыми принципами: профессиональная ори-

¹⁵ Университетская гимназия (школа-интернат) МГУ имени М.В. Ломоносова. — URL: <https://school.msu.ru/> (дата обращения 10.10.2024).

¹⁶ Гимназия при МГУ имени М.В. Ломоносова будет развивать совместные проекты с Минобразования Башкирии. — URL: https://msu.ru/press/smiaboutmsu/gimnaziya-pri-mgu-im-lomonosova-budet-razvivat-sovmestnye-proekty-s-minobrazovaniya-bashkirii.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

¹⁷ Конкурс в гимназию при МГУ оказался выше, чем в сам вуз. — URL: https://msu.ru/press/smiaboutmsu/konkurs-v-gimnaziyu.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 13.10.2024).

¹⁸ Положение об Университетской гимназии (школе-интернате) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. — URL: <https://school.msu.ru/upload/iblock/f0f/f0f815efbd58a866af90b3afa8b375b0.pdf> (дата обращения 10.10.2024).

ентированность обучения, модульность обучения, обучение по индивидуальным учебным планам (подготовленным вместе с наставником — тьютором), динамичность расписания, метапредметность, проектная деятельность¹⁹. На первой торжественной линейке в Университетской гимназии МГУ в 2016 г. академик В.А. Садовничий обратился к юным гимназистам: «Учеба здесь даст возможность получить образование, которое, на наш взгляд, будет лучшим в стране, а может, и в мире. Индивидуальные занятия, свободная траектория, возможность переходить из одного класса в другой и даже выбор преподавателя, которому учащийся хотел бы сдавать экзамен, — это лучшие принципы педагогики, и мы постараемся, чтобы такие принципы присутствовали в нашем процессе»²⁰.

Если Академическая гимназия главным образом была призвана подготовить своих воспитанников к слушанию университетских лекций, то среди широкого спектра задач современной гимназии также обнаруживаются две созвучные — становление университетской идентичности и формирование у гимназистов мотивов к продолжению образования на различных факультетах Московского университета. Процесс ориентации самых мотивированных и одаренных воспитанников Университетской гимназии на поступление в МГУ²¹ обеспечивается главным образом педагогическим коллективом гимназии, который составляют профессора, преподаватели, научные сотрудники и выпускники МГУ. Среди сотрудников гимназии в последние годы обнаруживается все больше выпускников, продолжающих обучение в стенах университета. Наконец, должность директора гимназии в разные годы занимали ведущие сотрудники факультетов МГУ: доцент физического факультета А.С. Воронцов (2016–2020 гг.), профессор химического факультета А.К. Гладилин (2023 г. — по настоящее время). В общедоступном рабочем графике ректора МГУ содержатся упоминания о регулярных визитах в гимназию и участии в ее праздничных мероприятиях²², на которых В.А. Садовничий не раз желал учащимся «стать студентами Московского университета

¹⁹ Основные сведения. — URL: <https://school.msu.ru/sveden/common/> (дата обращения 10.10.2024).

²⁰ Университетская гимназия МГУ открылась в Москве. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/3582644/amp> (дата обращения 11.10.2024).

²¹ Виктор Садовничий: Учитель всегда имеет дело с фундаментальными ценностями. — URL: https://msu.ru/press/smiaboutmsu/viktor-sadovnichiy-uchitel-vsegda-imeet-delo-s-fundamentalnymi-tsennostyami.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

²² Из рабочего графика ректора МГУ академика Виктора Антоновича Садовничего. — URL: https://msu.ru/news/official/rector/?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

и приумножить его славу»²³. Кроме того, многие факультеты МГУ оказывают активную поддержку в организации образовательного процесса гимназии, проводят профориентационные экскурсии для школьников по ведущим научным лабораториям, участвуют в организации проектной деятельности.

Приобщение гимназистов к традициям и культуре Московского университета происходит и на общеуниверситетских событиях. Воспитанники Университетской гимназии ежегодно приглашаются на традиционную лекцию ректора Московского университета в первый день нового учебного года²⁴, посещают церемонию открытия Международного фестиваля науки «НАУКА 0+», участвуют в ежегодном торжественном митинге сотрудников, студентов и аспирантов Московского университета, приуроченном к годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.²⁵, принимают участие в Большой легкоатлетической эстафете Московского университета²⁶, получают приглашения на концерты Культурного центра МГУ²⁷. Менее регулярно, но не менее значимо участие гимназистов в мероприятиях студенческих организаций университета (например, в традиционных интеллектуальных играх «Что? Где? Когда?»²⁸).

О первом выпуске Университетской гимназии ректор Московского университета академик В.А. Садовничий с гордостью заявил: «Мы набрали 92 человека, 42 окончили гимназию с отличием, почти все поступили в МГУ»²⁹. С первого выпуска берет начало ряд традиций, оформившихся в современной гимназии, в которых можно

²³ Школьный новогодний бал. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/shkolnyu-novogodniy-bal.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

²⁴ Актовая лекция ректора МГУ В.А. Садовничего. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/aktovaya-lektsiya-rektora-mgu-sadovnichego.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

²⁵ Памяти павших будем достойны! — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/miting-v-chest-73-y-godovshchiny-velikoy-pobedy.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

²⁶ 69-я Большая легкоатлетическая эстафета. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/69-ya-bolshaya-legkoatleticheskaya-estafeta.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

²⁷ Открытие сезона в Культурном центре МГУ. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/otkrytie-sezona-v-kulturnom-tsentre-mgu.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 13.10.2024).

²⁸ Финал XI Межфакультетского кубка по интеллектуальной игре «Что? Где? Когда?». — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/final-xi-mezhfakultetskogo-kubk-po-intellektualnoy-igre-cto-gde-kogda-.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

²⁹ Его университеты. Ректор, который умеет удивлять. — URL: https://msu.ru/press/smiaboutmsu/ego-universitety-rektor-kotoryy-umeet-udivlyat.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

увидеть актуализацию исторической памяти о прежней гимназии Московского университета. Главной из них является ежегодная традиция празднования Татьянинного дня 25 января, т.е. объединение гимназического праздника и дня основания Московского университета в 1755 г. (ставшего Днем российского студенчества). В этот день в помещении гимназии устраивается Зимний бал, на который помимо гимназистов приглашаются учащиеся СУНЦ МГУ — школы имени А.Н. Коломогорова³⁰. Не менее значимой для современной гимназии является традиция преподнесения в качестве памятных подарков ректору творческих работ гимназистов (эта традиция напоминает по духу участие гимназистов в торжественных актах Московского университета в XVIII и начале XIX в.). Такими подарками на знаменательные даты в разные годы становились собственноручно собранный макет своей школы³¹, нарисованная в художественной мастерской гимназии картина³² и др. Сам же ректор, будучи увлеченным садоводом, в день открытия гимназии подарил гимназистам несколько корзин яблок³³. А в честь пятилетнего юбилея гимназии В.А. Садовничий преподнес ей картину «Строительство Главного здания МГУ» и 100 книг значимых авторов мировой литературы³⁴.

На стратегической сессии по национальному проекту «Кадры» ректор Московского университета академик В.А. Садовничий отмечал, что «в Университетской гимназии ... мы не только растим наших будущих студентов, но и апробируем методики, которые позволяют сформировать интерес к интеллектуальному или инженерному труду»³⁵. Ключевым инструментом профориентации и приобщения гимназистов к научным исследованиям является проектная деятельность, которая занимает особое место учебном процессе гимназистов. Проектная деятельность представляет собой

³⁰ Медиацентр. — URL: <https://school.msu.ru/life/media/> (дата обращения 10.10.2024).

³¹ День знаний. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/den-znaniy.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

³² Финал Чемпионата МГУ по футболу. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/final-chempionata-mgu-po-futbolu2018.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

³³ Подарок ко Дню города. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/podarok-ko-dnyu-goroda.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

³⁴ Университетской гимназии МГУ — 5 лет! — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/universitetskoy-gimnazii-mgu-5-let.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

³⁵ Ректор МГУ на Стратегической сессии по нацпроекту «Кадры». — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/rektor-mgu-na-strategicheskoy-sessii-po-natsproektu-kadry.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 11.10.2024).

форму организации совместной деятельности педагогов и учащихся, направленную на анализ и решение какой-либо практической проблемы, в результате чего создается продукт. За годы существования современной гимназии заказчиками и инициаторами проектов становились более 30 структурных подразделений Московского университета и более 40 крупных отечественных компаний (например, «Сибур», «Роснефть», «Ингосстрах»³⁶, «Газпромбанк» и др.). Воспитанники гимназии, таким образом, со школьной скамьи приобщаются к работе лабораторий и кафедр МГУ, знакомятся с реальными производственными процессами ключевых субъектов современной российской экономики³⁷.

«Университет верен своим традициям: с 1755 года и до сегодняшнего дня он активно работает со школьниками. Мы ищем таланты, учим их, а затем эти самые таланты приносят славу и укрепляют могущество нашей страны, России», — говорит о роли Университетской гимназии В.А. Садовничий³⁸. То есть история гимназии при Московском университете продолжается в наши дни, что дает почву для новых обобщений и создания новых концепций исторической памяти. Одной из таких концепций является создание в здании гимназии на Ломоносовском проспекте нового места памяти — молодежного гимназического музея, который будет включать в себя экспозицию по истории гимназии. При его формировании необходимо решить множество научных задач, как то: исследовать биографии ректоров Академической гимназии за всё время ее существования и раскрыть их конкретный вклад в организацию учебного процесса, изучить деятельность инспекторов и других вспомогательных должностей в гимназии с целью оценки их роли в обучении гимназистов, составить по возможности полные списки всех преподавателей гимназии, сопоставить их с составом профессоров, выявить наиболее значимые фигуры для изучения их биографий, определить вклад Академической гимназии в подготовку профессоров Московского университета в XVIII — начале XIX в. и т.д. В реализации проекта участвуют и ученые-специалисты, работающие на кафедрах МГУ,

³⁶ «Ингосстрах» и Университетская гимназия МГУ: инновации в сегменте ДМС. — URL: <https://www.ingos.ru/company/news/2024/7574d9cc-e2d6-4fc4-353c-08dc36b030ea> (дата обращения 11.10.2024).

³⁷ Гладilin А.К., Миньяр-Белоручева Е.Ю. Проектная деятельность в университетской гимназии МГУ имени М.В. Ломоносова: 5 лет поисков и находок // Исследователь/Researcher. 2022. № 3–4 (39–40).

³⁸ В МГУ прошел День открытых дверей. — URL: https://msu.ru/news/novosti-mgu/v-mgu-proshel-den-otkrytykh-dverey201603.html?sphrase_id=3815571 (дата обращения 12.10.2024).

и педагоги гимназии, и сами учащиеся, которые своим творческим видением обеспечивают адресную направленность этой экспозиции именно к молодой аудитории.

Воссоздание гимназии в составе Московского университета и организация в ней молодежного музея служит новым рубежом в развитии исторической памяти, соединяя современность с первыми десятилетиями существования высшего образования в России, когда первый русский университет включал в себя также и среднюю школу, и его социальный облик и связи с обществом во многом определялись не только студентами, но и гимназистами. Какова будет судьба нынешних гимназистов — это покажет уже ближайшая история Московского университета.

References

Andreev A.Yu. *Lektsii po istorii Moskovskogo universiteta: 1755–1855* [Lectures on the History of Moscow University: 1755–1855]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. 240 p.

Andreev A.Yu. *Moskovskiy universitet v obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni Rossii nachala XIX veka* [Moscow University in the Social and Cultural Life of Russia in the Early 19th Century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 312 p.

Belyavskiy M.T. *M.V. Lomonosov i osnovanie Moskovskogo universiteta* [M.V. Lomonosov and the Founding of Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1955. 312 p.

Ponomareva V.V., Khoroshilova L.B. *Universitetskiy Blagorodnyy pansion: 1779–1830* [The University Noble Boarding School: 1779–1830]. Moscow: Novyy khronograf, 2006. 431 p.

Sadovnichiy V.A. *Slovo o Moskovskom universitete. Izbrannye doklady, vystupleniya, stat'i, interv'yu* [A Word about Moscow University: Selected Speeches, Addresses, Articles, and Interviews]. Vol. 2. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2009. 568 p.

Shevyrev S.P. *Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu yubileyu. 1755–1855* [A History of the Imperial Moscow University, Written for the Centenary Jubilee, 1755–1855]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1855. 584 p.

Strakhov P.II. *Kratkaya istoriya Akademicheskoy gimnazii, byvshey pri Imperatorskom Moskovskom universitete* [A Brief History of the Academic Gymnasium Attached to the Imperial Moscow University]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1855. 64 p.

Поступила в редакцию
16 декабря 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-55-73

Ф.А. Селезнев, М.А. Князев

**ДИПЛОМАТ Н.Н. ШЕБЕКО О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
РОССИИ С АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

F.A. Seleznev, M.A. Knyazev

**DIPLOMAT N.N. SHEBEKO ON RUSSIA'S RELATIONS
WITH AUSTRIA-HUNGARY AND GERMANY
IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES**

Аннотация. В статье рассматриваются воспоминания бывшего российского посла в Австро-Венгрии Н.Н. Шебеко, которые практически не введены в научный оборот. Историки использовали, и то очень редко, только их французский перевод (для характеристики российско-румынских

Селезнев Федор Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Seleznev Fedor Aleksandrovich, Doctor in History, Professor, Department of Foreign Area Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

fseleznev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0934-3312

Князев Марк Андреевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Knyazev Mark Andreevich, PhD Candidate in History, Junior Research Fellow, Department of Foreign Area Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

kn.mark.nn@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1654-637X

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00160 «Шебеко Н.Н. Воспоминания. Исторический очерк причин войны 1914 года»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-28-00160 “Shebeko N.N. Memories. Historical Sketch of the Causes of the War of 1914”).

отношений в 1912–1913 гг., когда Шебеко был посланником в Бухаресте). Авторы впервые сделали основой публикации русский текст мемуаров Шебеко, который хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Предметом внимания являлась преимущественно та часть воспоминаний, которая касалась отношений Российской империи с Австро-Венгрией и Германией. Цель исследования — выявить в источнике факты по истории взаимоотношений России с ведущими государствами Тройственного союза и примыкавшей к ним Румынией, а также оценки, которые давал Н.Н. Шебеко политике МИД по указанному вопросу. Также в статье излагаются факты о происхождении и истории рода Шебеко (на основе документов РГИА), анализируются политические взгляды российского дипломата. В результате исследования выявлена его связь с министром иностранных дел А.Б. Лобановым-Ростовским, который добился перехода автора воспоминаний с военной службы на дипломатическую. Приводимые в статье факты позволяют по-новому оценить деятельность министров иностранных дел А.П. Извольского и С.Д. Сазонова. Из воспоминаний Шебеко видно, что он был инициативным дипломатом и нередко оказывал влияние на позицию российского МИД. Он способствовал разрядке российско-германских отношений в 1910–1911 гг., много сделал для того, чтобы Румыния перестала следовать в фарватере австро-венгерской политики и начала сближение с Россией. Итогом удачной работы Н.Н. Шебеко в Берлине и Бухаресте стало его назначение послом в Вену. В столице Австро-Венгрии Н.Н. Шебеко, в соответствии с указаниями Николая II, стремился к улучшению отношений между двумя державами. Авторами выявлены важные детали, касающиеся обстоятельств Июльского кризиса 1914 г.

Ключевые слова: внешняя политика Российской империи, Первая мировая война, Потсдамское соглашение 1911 г., Июльский кризис, Австро-Венгрия, Германия, Н.Н. Шебеко, С.Д. Сазонов, А.П. Извольский.

Abstract. This article examines the memoirs of N.N. Shebeko, former Russian ambassador to Austria-Hungary, which have scarcely been introduced into scholarly circulation. Historians have made only occasional use of the French translation of these memoirs, and then primarily for the characterization of Russo-Romanian relations in 1912–1913, when Shebeko served as ambassador in Bucharest. For the first time, the authors base their study on the Russian text of Shebeko's memoirs, preserved in the Bakhmeteff Archive at Columbia University in New York. Their attention is focused above all on those portions of the diplomat's recollections that concern the relations of the Russian Empire with Austria-Hungary and Germany. The aim of the study is to identify in this source both factual material on Russia's relations with the leading states of the Triple Alliance and neighbouring Romania, and the assessments offered by the diplomat of the Foreign Ministry's policy in these matters. The article also presents information on the origins and history of the Shebeko family, drawing on documents from the Russian State Historical Archive, and analyzes the political views of the Russian diplomat. The research reveals Shebeko's connection with the foreign minister A.B. Lobanov-Rostovsky, who secured his transfer from military to diplomatic

service. The evidence adduced in the article makes it possible to reconsider the activity of foreign ministers A.P. Izvol'sky and S.D. Sazonov. Shebeko's memoirs show him as energetic diplomat who was often able to influence the position of the Russian Foreign Ministry. He helped to ease Russo-German relations in 1910–1911 and worked actively to move Romania out of Austria-Hungary's wake and toward rapprochement with Russia. His successful service in Berlin and Bucharest culminated in his appointment as ambassador in Vienna, where, in accordance with Nicholas II's instructions, he sought to improve relations between the two powers. The authors also bring to light important details concerning the circumstances of the July Crisis of 1914.

Keywords: Foreign Policy of Russian Empire, First World War, Potsdam Agreement of 1911, July Crisis, Austria-Hungary, Germany, N.N. Shebeko, S.D. Sazonov, A.P. Izvol'sky.

* * *

Николай Николаевич Шебеко — российский дипломат начала XX в. Вершиной его карьеры стала должность посла в Вене, которую он занимал с конца 1913 г. до начала Первой мировой войны.

В эмиграции Н.Н. Шебеко написал воспоминания, имеющие подзаголовок «Исторический очерк причин войны 1914 года». Они были написаны на русском языке в начале 1930-х гг. и тогда же переведены на французский и английский языки. Однако напечатан был только французский вариант. Он увидел свет в 1936 г. в Париже¹, и историками используется нечасто. Русский текст мемуаров Шебеко (на который опираются авторы данной публикации) хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке². Бумаги Шебеко были переданы туда частично вдовой дипломата, Анной Анатольевной Шебеко (урожденной Куракиной), в 1956 г., а затем, в 1958 г., — его невесткой, женой младшего сына Георгия, Ириной Петровной Шебеко (девичья фамилия — Стенбок)³.

Публикация воспоминаний готовилась в годы, когда в Европе вспыхнула полемика о виновниках Первой мировой войны. Причем в Германии доминирующей стала точка зрения, согласно которой в 1914 г. немцы были вынуждены начать оборонительную войну. Воспоминания Шебеко, занимавшего в период Июльского кризиса 1914 г. пост российского посла в Вене, должны были, как писал в

¹ *Shebeko N. Souvenirs: essai historique sur les origines de la guerre de 1914.* Paris, 1936.

² *Шебеко Н. Воспоминания: исторический очерк причин войны 1914 года.* Columbia University, Bakhmeteff Archive of Russian & East European Culture. Bib id: 4078064.

³ Nikolai Nikolaevich Shebeko Papers, 1910–1946. — URL: https://findingaids.library.columbia.edu/ead/nnc-rb/ldpd_4078064 (дата обращения 28.11.2023).

предисловии к ним французский дипломат Жюль Камбон, еще раз подтвердить «неправильность немецкого тезиса»⁴.

Впрочем, они оказались лишены чрезмерной тенденциозности. Зато прекрасное знакомство их автора с дипломатической кухней делает воспоминания Н.Н. Шебеко ценным источником для изучения истории взаимоотношений России с ведущими государствами Тройственного союза — Австро-Венгрией и Германией.

Основная часть воспоминаний посвящена службе Н.Н. Шебеко в российских посольствах Вены и Берлина. Однако немало интересного содержится и в главах, рассказывающих о пребывании автора в Копенгагене, Париже, Бухаресте, а также о его юности, родных и близких.

Николай Николаевич Шебеко родился 3 июля 1863 г. в семье видного государственного деятеля Николая Игнатьевича Шебеко (1834–1904) и фрейлины Марии Ивановны Гончаровой (1839–1935), племянницы Натальи Пушкиной (вдовы великого поэта).

Род Шебеко имеет белорусское происхождение⁵. Родоначальником династии принято считать Василия Шебеко, о котором по сохранившимся документам известно, что в 1588 г. он владел имением Лемов с подвластными крестьянами в Оршанском повете Витебского воеводства Великого княжества Литовского⁶.

Предки Н.Н. Шебеко относительно поздно вошли в состав российского дворянства. Только в 1805 г. последовало определение Могилевского депутатского собрания о внесении рода Шебеко «по древнему дворянству» в шестую часть родословной книги Могилевской губернии⁷.

В том же году прадед дипломата, Франц Иванович Шебеко (1785–1845), был принят на русскую военную службу. Он отличился в ряде сражений Наполеоновских войн, причем «за Тарутино» получил орден Святого Владимира 4-й степени. За участие в Русско-персидской войне 1826–1827 гг. Ф.И. Шебеко был награжден алмазными знаками ордена Святой Анны 2-й степени и в 1828 г. сопровождал отбитые у персов трофеи в Москву и Петербург. В 1832 г. он был произведен в генерал-майоры и назначен исправлять должность помощника директора Пажеского корпуса⁸.

⁴ Шебеко Н. Указ. соч. Л. II–III.

⁵ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 857; Русский биографический словарь. Т. 23: Шебанов–Шютц. СПб., 1911. С. 2.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 33. Д. 806. Л. 437 об.–438, 440.

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. Д. 806. Л. 572–572 об.

⁸ Русский биографический словарь. Т. 23. С. 2.

Тогда же его сын Игнатий Шебеко (1792–1869) занял должность председателя Могилевской палаты гражданского суда⁹. В 1834 г. Игнатий Францов Шебеко удостоивается придворного чина камергера. Он являлся владельцем имений с крестьянами в Витебской, Херсонской и Могилевской губерниях¹⁰.

В отличие от И.Ф. Шебеко, крещенного в католической церкви, его жена Елисавета Сергеевна и дети, в том числе и отец будущего дипломата, Николай Игнатьевич (1834–1904), принадлежали уже к православию¹¹.

Николай Игнатьевич Шебеко в 1855 г. окончил юридический факультет Петербургского университета и тогда же поступил унтер-офицером в Кавалергардский полк. В 1861 г. в чине поручика он был назначен адъютантом к шефу жандармов В.А. Долгорукову и после этого сделал успешную карьеру в МВД. В 1871–1879 гг. Н.И. Шебеко занимал должность Бессарабского губернатора, с 1887 по 1895 г. он был командиром Отдельного корпуса жандармов и товарищем министра внутренних дел¹².

«Политически отец был консерватор чистейшей воды, — вспоминал Н.Н. Шебеко. — Он считал, что русский народ недостаточно развит и образован для участия в управлении государством, поэтому он был противником ограничения верховной власти какими бы то ни было законодательными учреждениями. Он был вместе с тем ярким защитником идеи частной собственности, считая ее лучшим стимулом личного труда и бережливости. Ко всякому ограничению права собственности, хотя бы со стороны государства, он относился отрицательно»¹³.

Идейные установки Н.И. Шебеко ярко характеризует тот факт, что частым посетителем его дома был издатель консервативного журнала-газеты «Гражданин» В.П. Мещерский¹⁴.

По воле отца, Н.Н. Шебеко в 1879–1884 гг. получил образование в Пажеском корпусе, а затем был произведен в корнеты Кавалергардского полка. В рядах второго эскадрона кавалергардов он прослужил одиннадцать лет. Этим эскадроном командовал великий князь Николай Михайлович, с которым Н.Н. Шебеко до 1918 г. вел доверительную переписку¹⁵.

⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. Д. 806. Л. 581.

¹⁰ Там же. Л. 576, 580 об.

¹¹ Там же. Л. 580 об.– 581.

¹² Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Указ. соч. С. 857.

¹³ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 36.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 10–11.

Поворотными в судьбе Шебеко стали события начала 1895 г., когда он был направлен сопровождать в качестве ординарца генерал-адъютанта князя А.К. Имеретинского, командированного Николаем II для объявления о восшествии его на престол Мадридскому и Лиссабонскому двору¹⁶. По возвращении из Испании Н.Н. Шебеко нередко сталкивался в аристократических клубах Петербурга с недавно назначенным министром иностранных дел князем А.Б. Лобановым-Ростовским. Тот, по воспоминаниям Николая Николаевича, заинтересовался его судьбой и стал убеждать молодого офицера перейти на службу в Министерство иностранных дел.

Судя по мемуарам Шебеко, для него самого причины внимания министра к его персоне остались непонятными¹⁷. По-видимому, их можно объяснить следующим образом. А.Б. Лобанов-Ростовский имел четкую внешнеполитическую программу. Одним из ее основных пунктов являлось сохранение, совместно с Австро-Венгрией, стабильности на Балканах¹⁸. Особую роль в осуществлении этой цели должно было сыграть посольство в Вене. Поэтому Лобанов-Ростовский обращал отдельное внимание на формирование его нового состава, куда он привлекал не только действующих сотрудников МИД. Так, на должность посла министр назначил П.А. Капниста, вернув того из Сената¹⁹. В Вену, очевидно, Лобанов-Ростовский готовил и Н.Н. Шебеко, видимо, получив о нем от кого-то благоприятный отзыв.

В мае 1895 г. Н.Н. Шебеко был причислен к Министерству иностранных дел, а в октябре 1897 г., пройдя все необходимые формальности, стал вторым секретарем российского посольства в Вене.

В это время А.Б. Лобанова-Ростовского уже не было в живых. Он скоропостижно скончался в августе 1896 г. после поездки с Николаем II в Вену, давшей начало потеплению в австро-русских отношениях. Несмотря на кончину министра, линия на смягчение противоречий с Австро-Венгрией, намеченная Лобановым-Ростовским, продолжала проводиться, поскольку была одобрена царем.

Она находила поддержку и со стороны МИД Австро-Венгрии, поскольку его глава, граф А. Голуховский, также являлся сторонником сближения обеих империй. Соответствующую политику проводил и австрийский посол в Петербурге князь Франц Лихтенштейн.

¹⁶ *Шебеко Н.* Указ. соч. Л. 14–15.

¹⁷ Там же. Л. 16.

¹⁸ *Рыбаченок И.С.* Министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 111.

¹⁹ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 117–118.

Н.Н. Шебеко был глубоко тронут радушным приемом, который был оказан ему в Вене благодаря многочисленным друзьям князя. Среди них Шебеко особо выделял гостеприимство маркграфа Паллавичини, князя Альфреда Лихтенштейна, княгини Дидрихштейн, княгини Меттерних²⁰.

Дружелюбно приняла австрийская столица и нового российского посла П.А. Капниста. Как вспоминал Н.Н. Шебеко, чета Капнистов была очень популярна в венском обществе, российское посольство славилось при них особым изяществом своих приемов. Сам П.А. Капнист, по характеристике Шебеко, «был очень талантливый и образованный человек с очень определенными взглядами на международную политику вообще и на отношения России к Австро-Венгрии и балканским государствам в частности». Например, Капнист признавал тот факт, что и Петербург, и Вена имеют на Балканском полуострове «жизненные интересы». Поэтому лучшим способом избежать осложнений на Балканах, «этом вечном очаге европейских войн», являлось бы заключение соглашения между Россией и Австрией²¹.

Шебеко откровенно признавал, что политика Капниста встречала временами «значительное противодействие» со стороны первого (Азиатского) департамента Министерства иностранных дел (в ведении которого были как ближневосточные, так и дальневосточные дела) в лице Н.Г. Гартвига. Тот в изображении Шебеко «был человек умный и талантливый, но большой австрофоб и ярый противник всякого соглашения с Австрией», а также поборник идеи союза балканских государств²².

Характерно, что А.Б. Лобанов-Ростовский, став министром, направил Н.Г. Гартвига из Азиатского департамента в дипломатическое захолустье — генеральным консулом в Бейрут. Однако новый глава российского внешнеполитического ведомства, М.Н. Муравьев, вернул Гартвига в Азиатский департамент (1897 г.), да еще с повышением, назначив вице-директором²³. Изменил Муравьев и состав посольства в Вене, осенью 1899 г. переведя Н.Н. Шебеко из Вены в Копенгаген, где тот получил должность первого секретаря российской миссии²⁴.

²⁰ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 21.

²¹ Там же. Л. 22.

²² Там же. Л. 22–23.

²³ Искендеров П.А. Николай Генрихович Гартвиг // Вопросы истории. 2018. № 9. С. 36.

²⁴ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 26.

В столице Дании с начинающим дипломатом произошел забавный эпизод, характеризующий как славянофильские убеждения, так и своеобразное чувство юмора Николая П. Н.Н. Шебеко тогда занимался изучением дипломатических архивов миссии. Особенно его заинтересовали донесения российских посланников времен Николая I и Александра II (барона Николаи и барона Моренгейма), написанные «великолепным, хотя немного вычурным французским языком». В это время (1900 г.) миссией было получено известие о скоропостижной кончине министра иностранных дел М.Н. Муравьева. Шебеко решил отличиться и написал на французском языке пространное донесение в Санкт-Петербург о впечатлении, произведенном в Дании этим печальным событием. Некоторое время спустя из МИД было сообщено, что император написал на донесении: «...он слишком молод, чтобы писать донесения по-французски». Замечание монарха объяснялось тем, что с начала царствования Александра III дипломатам предписано было все официальные документы составлять на русском языке. Французская речь допускалась только для пожилых сотрудников, поскольку многие из них писали и объяснялись на языке своей страны не без труда²⁵.

В апреле 1903 г. датский королевский двор впервые посетил император Вильгельм II. Во время торжественного приема германского монарха последнему был представлен и Н.Н. Шебеко. Вильгельм II сказал Николаю Николаевичу несколько любезных слов, касавшихся его брата, В.Н. Шебеко, который в то время был военным агентом в Берлине. В разговоре император «коснулся тревожных событий в России, причем высказал мнение о необходимости принятия крутых мер для поддержания порядка в стране»²⁶.

Российский дипломат передавал слова германского императора с одобрением. Они соответствовали консервативным убеждениям самого автора воспоминаний, которые ярко проявились в его рассказе о событиях революции 1905 г. Н.Н. Шебеко в это время служил первым секретарем посольства в Париже и с тревогой следил за событиями, происходившими на его родине. Об этом свидетельствуют письма Н.Н. Шебеко жене, написанные на протяжении 1904–1905 гг. и в силу их общественно-политического значения включенные мемуаристом в текст воспоминаний²⁷.

²⁵ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 29.

²⁶ Там же. Л. 31–32.

²⁷ Выдержки из данного информативного эпистолярного источника были опубликованы одним из авторов статьи: *Князев М.А.* «Россия, видимо, переживает острый кризис, и никто не может угадать, чем все это кончится». Из писем первого секретаря посольства России во Франции Н.Н. Шебеко к жене. 1904–1905 гг. // Исторический архив. 2024. № 4. С. 166–175.

В ходе революции руководящий состав российского внешнеполитического ведомства сменился. Это сильно повлияло на карьеру Николая Николаевича. В конце 1906 г. по предложению нового министра иностранных дел А.П. Извольского Н.Н. Шебеко перешел на службу в центральный аппарат МИД. Наряду с М.А. Таубе он являлся одним из двух советников министерства²⁸.

Таубе получил в научной литературе репутацию сторонника сближения с Германией²⁹. В отличие от своего сослуживца, Н.Н. Шебеко не характеризуется историками как германofil. Однако, судя по его воспоминаниям о службе в Берлине, он во многом являлся единомышленником Таубе.

В столице Германии Н.Н. Шебеко оказался в 1909 г. Он занял там пост советника посольства (то есть заместителя посла)³⁰.

Послу, графу Н.Д. Остен-Сакену, тогда было без малого восемьдесят лет. Тяжелым ударом для него стала кончина любимой супруги. Здоровье графа сильно пошатнулось. Он часто выезжал из Берлина на лечение, а находясь в германской столице, почти не покидал стены посольства³¹.

Это обстоятельство придавало особое значение роли советника посольства, которому приходилось часто исполнять обязанности руководителя миссии (в ранге поверенного в делах).

Перед отъездом в Берлин Шебеко изложил А.П. Извольскому свой взгляд на отношения с Германией и на необходимость, по его мнению, поддержания с ней добрососедских отношений, «если мы не желаем в самом непродолжительном времени быть втянутыми в европейскую войну»³². Однако уже первые шаги в Берлине убедили Николая Николаевича в том, что работа его на этой ниве будет трудной и неблагодарной. Российский дипломат наткнулся на недоброжелательность и недоверие со стороны германских политических и военных кругов. Подобное отношение, конечно, «скрывалось за весьма любезными фразами и вежливыми манерами». «Настроение это, к сожалению, поддерживалось печатью обеих стран», — с горечью признавался в своих воспоминаниях Н.Н. Шебеко³³.

²⁸ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1908 год. Ч. I. СПб., 1908. Смеш. пагин. Стб. 753.

²⁹ Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. М., 1961. С. 46; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в. (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 400.

³⁰ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 5.

³¹ Евдокимова Е.В. Последние послы российской империи. История и судьбы. М., 2023. С. 18.

³² Шебеко Н. Указ. соч. Л. 56.

³³ Там же. Л. 60.

К тому же сам германский император в это время вел себя с русскими нарочито некорректно. Так, на смотре новобранцев весной 1910 г. он обошел, не здороваясь, состоящего при его особе специального представителя Николая II генерала И.Л. Татищева и военного агента генерала А.А. Михельсона, хотя дважды проходил мимо них. На официальном завтраке кронпринц Вильгельм, следуя примеру своего отца, пересел за другой стол, чтобы не оказаться рядом с Михельсоном³⁴.

В феврале 1910 г. граф Н.Д. Остен-Сакен уехал в отпуск на три месяца, и Н.Н. Шебеко вступил в управление посольством. Своей главной задачей он поставил «сглаживать те шероховатости, которые ежеминутно возникали между Петербургом и Берлином и грозили подчас принять форму открытого конфликта»³⁵. На одном из подобных эпизодов мемуарист остановился особенно подробно.

В конце марта 1910 г. в Берлин проездом на курорт Биарриц приехал А.П. Извольский. Министр сообщил, что намерен встретиться в Биаррице с английским королем Эдуардом VII, а на обратном пути в Париже — с министром иностранных дел Франции Пишоном. При этом встреча с германскими официальными лицами в Берлине не была предусмотрена. Шебеко предупредил своего начальника, что это произведет в Германии очень дурное впечатление. Активность подчиненного вызвала со стороны А.П. Извольского неудовольствие и категорическое заявление о том, что он своих планов менять не намерен. Между тем 13 (26) апреля 1910 г. министр иностранных дел Германии барон Шен на дипломатическом приеме сказал Шебеко, что будет рад встрече со своим российским коллегой, если тот остановится в Берлине. Шебеко не преминул сообщить об этом Извольскому, прибавив от себя, что «проезд его без остановки через Берлин, несомненно, будет сочтен за враждебную против Германии демонстрацию», что при существующих натянутых отношениях между Петербургом и Берлином представляется «крайне нежелательным». Одновременно Шебеко отправил в Петербург заместителю Извольского С.Д. Сазонову подробное донесение о создавшемся натянутом положении³⁶.

Депеша была немедленно представлена Николаю II, который 21 апреля (4 мая) 1910 г. наложил на нее резолюцию: «Было бы недурно, если бы Александр Петрович остановился на несколько часов в

³⁴ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 64.

³⁵ Там же. Л. 65.

³⁶ Там же. Л. 65–66.

Берлине»³⁷. В итоге Извольский по пути в Петербург все-таки встретился в Берлине с Шеном. Между ними состоялся «продолжительный и вполне дружеский разговор», который, по оценке германского министра, «разрядил атмосферу» в двусторонних отношениях³⁸.

Следствием этой «разрядки» стали встреча Николая II с Вильгельмом II осенью 1910 г. и заключение Потсдамского соглашения между Россией и Германией (1911). В России оно вызвало бурную полемику в печати и нападки на МИД за слишком крупные шаги навстречу пожеланиям Берлина³⁹.

О критике в адрес творцов соглашения Николаю Николаевичу сообщил в апреле 1911 г. директор канцелярии Министерства иностранных дел М.Ф. Шиллинг, проезжавший через Берлин. В воспоминаниях Шебеко содержание этой беседы изложено очень подробно, что свидетельствует о важности названного эпизода для мемуариста. Пересказывая его суть, Н.Н. Шебеко доносил до читателя свои взгляды на действия российского МИД по отношению к Германии после 1905 г. Он называл их «политикой булавочных уколов». «Бесцельное задиранье могущественного соседа» «по второстепенным вопросам» привело Россию на грань войны, сетовал Шебеко, имея в виду Боснийский кризис. Между тем к войне с немцами Россия не была готова, почему и пришлось пойти на уступки. При этом посольство России в Берлине, «всегда настаивавшее на необходимости поддерживать добрососедские отношения с Германией», «никогда не имело в виду» идти ради этого «на серьезные уступки»⁴⁰.

После возвращения Остен-Сакена в Берлин 15 мая 1910 г. Шебеко был отправлен в длительный отпуск, продолжавшийся до 15 сентября⁴¹. Было ли это следствием недовольства руководителей МИД чрезмерной активностью дипломата, проявленной при организации встречи Извольского и Шена, выяснить пока не представляется возможным.

Впрочем, в аналогичной ситуации в ноябре 1911 г. Шебеко поступил точно так же. В это время в российском посольстве в Берлине узнали, что министр иностранных дел С.Д. Сазонов, с февраля лечившийся за границей, оправился от болезни. Свой первый официальный визит он совершил во Францию, где посетил президента республики Фальера, премьер-министра Кайо и министра иностран-

³⁷ Астафьев И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905–1911 гг. (от Портсмутского мира до Потсдамского соглашения). М., 1972. С. 235–236.

³⁸ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 67.

³⁹ Ефремов П.Н. Внешняя политика России (1907–1914 гг.). М., 1961. С. 123–126.

⁴⁰ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 73.

⁴¹ Там же. Л. 67–68.

ных дел де-Сельва⁴². 28 ноября 1911 г. Сазонов прибыл из Парижа в Берлин⁴³.

По воспоминаниям Шебеко, в Берлине глава российского внешнеполитического ведомства «решил провести только несколько часов в сторожайшем инкогнито». Однако рано утром в день приезда министра Остен-Сакеном было получено письмо, в котором германский министр иностранных дел Кидерлен-Вехтер просил разрешить ему заехать в посольство, чтобы пожать руку своему российскому коллеге. Остен-Сакен уже приготовил отрицательный ответ, но до его отправления запросил мнение Шебеко. Тот энергично протестовал против отклонения просьбы немецкого министра, ибо это, как полагал Николай Николаевич, было бы истолковано германскими официальными кругами как недружелюбный акт. По совету Шебеко Остен-Сакен взял паузу. Сам Николай Николаевич перехватил главу российского МИД на вокзале и разъяснил ему серьезность положения. В результате между обоими министрами иностранных дел все-таки состоялось свидание, продолжавшееся три четверти часа и имевшее вполне дружественный характер⁴⁴.

1 марта 1912 г. Н.Н. Шебеко получил из МИД извещение о своем назначении посланником в Румынию. Он впервые должен был возглавить дипломатическую миссию, причем в государстве, позиция которого была очень важна для интересов Российской империи. Румынский король Кароль I (при рождении — Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген) еще в 1883 г. заключил союзный договор с Австро-Венгрией. К нему отдельным протоколом присоединилась Германия. Сазонов планировал оторвать Румынию от держав Тройственного союза и привлечь эту балканскую страну к России⁴⁵.

Во время первой встречи с румынским королем Шебеко понял, что, хотя тот «всеми фибрами своей души держался своей традиционной политики союза с Германией и Австро-Венгрией», воспоминания о войне 1877–1878 гг., когда молодой Кароль I сражался вместе с русской армией против турок, оставались «любимой страницей жизни этого монарха»⁴⁶. В связи с этим Н.Н. Шебеко, действуя в рамках стратегии Сазонова по сближению Румынии с Россией, предложил пожаловать Каролю I знак российского фельдмаршала в связи с исполнявшимся 17 (30) сентября 1912 г. 50-летием военной службы

⁴² Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 43.

⁴³ Правительственный вестник. 1911. 29 ноября. № 255.

⁴⁴ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 78.

⁴⁵ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 129.

⁴⁶ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 94, 99.

монарха. Приурочить вручение фельдмаршальского жезла дипломат советовал к 35-летию взятия Плевны, так как король принимал участие в осаде этой турецкой крепости.

Инициатива Шебеко получила быструю поддержку на самом высоком уровне. 17 (30) сентября 1912 г. император Николай II присвоил румынскому королю чин генерал-фельдмаршала российской армии⁴⁷. Вручать фельдмаршальский жезл царь направил своего личного представителя — великого князя Николая Михайловича. Церемония награждения состоялась точно в день 35-й годовщины падения Плевны, 28 ноября (11 декабря) 1912 г. После нее между румынским монархом и российским посланником установились доверительные отношения: по оценке С.Д. Сазонова, Шебеко создал себе «хорошее положение в Бухаресте»⁴⁸.

Благодаря этому российский посланник, действуя совместно с представителями Франции и Англии, помог предотвратить создание блока Румынии и Болгарии против Сербии накануне Второй Балканской войны. Таким образом, попытка Австро-Венгрии создать румыно-болгарский союз, враждебный Белграду, не удалась.

Из воспоминаний Шебеко о его пребывании в Бухаресте видно, что он был инициативным дипломатом и нередко оказывал влияние на позицию российского МИД. Можно говорить о том, что он, наряду с Сазоновым, лично много сделал для того, чтобы Румыния перестала следовать в фарватере австро-венгерской политики и начала сближение с Россией⁴⁹.

Итогом удачной работы Н.Н. Шебеко в Бухаресте стало его назначение послом в Вене. В столицу Австро-Венгрии Николай Николаевич выехал в первых числах декабря 1913 г. Николай II, напутствуя дипломата, дал ему указание стремиться к улучшению отношений между двумя державами «с целью сохранения мира». Подобные же инструкции тот получил от министра иностранных дел С.Д. Сазонова⁵⁰.

При первом же свидании с австрийским министром иностранных дел Берхтольдом новый российский посол сообщил ему о по-

⁴⁷ Кросс Б.Б. Предпосылки русско-румынского сближения накануне Первой мировой войны // Ученые записки государственного педагогического института имени А.И. Герцена. Т. 502. 1971. С. 120.

⁴⁸ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 128.

⁴⁹ Подробнее о службе Н.Н. Шебеко российским посланником в Бухаресте см.: Селезнев Ф.А. Российско-румынские отношения в период Балканских войн по воспоминаниям и донесениям посланника в Бухаресте Н.Н. Шебеко (1912–1913) // Новая и новейшая история. 2024. № 5. С.126–138.

⁵⁰ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 138.

ставленных перед ним задачах и о своем намерении употребить все усилия для улучшения отношений между двумя странами. Граф Берхтольд выслушал Шебеко очень внимательно, тем не менее у Николая Николаевича создалось впечатление, что их разделяет «стена недоверия и недоброжелательства». В дальнейшем, как вспоминал Н.Н. Шебеко, отношение официальных лиц к нему было «всегда очень учтливое, но проникнутое чувством недоверия и глухой, еле скрываемой враждебности»⁵¹. Российский посол почувствовал это уже на торжественном обеде, который император Франц-Иосиф ежегодно давал 6 (19) декабря, в день тезоименитства Николая II.

Сам факт проведения такого мероприятия свидетельствовал о том, что несмотря на конфликтные ситуации, после 1908 г. часто возникавшие между Россией и Австро-Венгрией, Франц-Иосиф считал необходимым демонстрировать по отношению к российскому монарху знаки внимания. Званный обед состоялся в Шенбрунском дворце с приглашением высших военных и гражданских чинов Австро-Венгрии. Некоторые из них подходили к российскому послу и обменивались несколькими любезными фразами, но того приветливого обращения, к которому Шебеко привык со стороны австрийцев за время своего первого пребывания в Вене, по его впечатлению, уже не было. Во время обеда Николая Николаевича посадили по правую руку от императора. Франц-Иосиф «весьма милостиво» беседовал с российским послом, но никаких политических вопросов не затрагивал⁵².

Это было вполне естественно, учитывая те противоречия, которые отравляли взаимоотношения двух стран. Одним из главных камней преткновения являлось соперничество держав в Румынии. По оценке Шебеко, Австро-Венгрия в этот период никак не могла примириться с ослаблением уз, связывавших ее с Румынией, и делала «отчаянные попытки для восстановления своего положения в Бухаресте»⁵³. Российская дипломатия проводила противоположную политику.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в воспоминаниях посвятил отношениям с Румынией отдельную главу, где отметил, что сближение России с этой страной было одной из главных задач, которые он ставил перед собой. Сазонов планировал скрепить будущий союз Румынии и России женитьбой принца Кароля, сына Фердинан-

⁵¹ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 139.

⁵² Там же. Л. 141.

⁵³ Там же. Л. 142.

да, наследника румынского престола, на старшей дочери Николая II Ольге⁵⁴.

Семья румынского наследника престола (Фердинанд с супругой и их сын Кароль) приехала в Санкт-Петербург 15 (28) марта 1914 г. и находилась в российской столице до 25 марта (7 апреля). Как вспоминал Н.Н. Шебеко, посещение Петербурга принцем Каролем в связи с распространившимися слухами о предстоящей женитьбе последнего на одной из российских великих княжон «создало в Вене нервное настроение»⁵⁵.

Эта тревога еще более усилилась, когда 31 мая (13 июня) 1914 г. царская семья на яхте «Штандарт» в сопровождении крейсеров «Алмаз» и «Кагул» и четырех миноносцев отплыла из Крыма в Румынию. 1 (14) июня 1914 г. «Штандарт» встал на якорь в румынском порту Констанца. На борту своей яхты Николай II принял румынского премьера Братиану и министра иностранных дел Порумбару. Российский император с женой и детьми завтракали с семьей румынского короля⁵⁶.

«Здесь очень встревожены поездкой государя императора в Румынию, — докладывал Шебеко 4 (17) июня в Петербург, — местная печать неистовствует, обвиняя нас в самых коварных замыслах против самого существования Австро-Венгрии...»⁵⁷. По воспоминаниям Шебеко, особенно остро в Вене и Будапеште отреагировали на действия С.Д. Сазонова, предпринятые уже после отплытия Николая II из Констанцы. 3 (16) июня 1914 г. глава российского МИД вместе с Братиану и другими российскими и румынскими дипломатами поехал в Бухарест, затем в Синаю (летнюю резиденцию короля). Оттуда на автомобиле они пересекли границу Австро-Венгрии и оказались в принадлежавшей Венгрии Трансильвании.

«Эта поездка была демонстрацией фактического признания царским правительством Трансильвании румынской территории» — такую оценку указанному эпизоду дал Б.Б. Кросс⁵⁸. Конечно, в данном утверждении присутствует большая доля преувеличения. Тем не менее в Венгрии поездку российского министра восприняли

⁵⁴ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 129.

⁵⁵ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 145–146.

⁵⁶ Дневники императора Николая II (1894–1918). В 2 т. / Отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 2. Ч. 2. М., 2013. С. 34.

⁵⁷ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917 гг. Т. III. М.; Л., 1933. С. 346.

⁵⁸ Кросс Б.Б. Румыния между Тройственным союзом и Антантой (Очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики 1908–1914 гг.). Псков, 1996. С. 134.

примерно так. В воспоминаниях Шебеко есть важная подробность, касающаяся указанного события: оказывается, Сазонов и его спутники не просто нарушили государственную границу соседней страны, они доехали до города Брашов, одного из исторических центров Трансильвании⁵⁹.

Значительное место в мемуарах Н.Н. Шебеко уделено перипетиям Июльского кризиса 1914 г. Представляет интерес, во-первых, общая характеристика позиции австрийской дипломатии, данная бывшим российским послом, а во-вторых, его интерпретация действий российского МИД, позволяющая по-новому взглянуть на некоторые дискуссионные сюжеты отечественной историографии.

Общая схема развития Июльского кризиса была представлена еще в «Истории дипломатии» под редакцией В.П. Потемкина (1945 г.). Виновницей мировой войны там объявлялась Германия, чья агрессивность объяснялась выгодой для немцев «форсировать давно подготовлявшуюся обеими сторонами войну за передел мира», поскольку они были больше к ней готовы в военном отношении⁶⁰. Германия увлекла за собой Австро-Венгрию: «Вильгельм II обеспечил победу военной партии в Вене»⁶¹.

Другая концепция Июльского кризиса изложена в «Истории внешней политики России» (1997 г.) А.В. Игнатьевым. В его понимании Германия и Австро-Венгрия в развязывании Первой мировой войны выступали как единое целое: «Ближайшими задачами центральных империй было уничтожить Сербию как самостоятельный политический фактор, ослабить позиции России и стабилизировать на гребне шовинизма внутреннее положение Двуетной монархии». При этом в Берлине и Вене исходили из предположения, что не готовая к войне Россия не окажет стойкого сопротивления. Таким образом, по версии Игнатьева, Австро-Венгрия собиралась воевать не только с Сербией, но и с Россией. Но, чтобы заставить ее врасплох, «венская дипломатия не только не раскрывала до времени своих намерений, но и маскировала их успокоительными сообщениями»⁶².

Личные впечатления Шебеко, скорее, говорят об обратном. По его мнению, руководители австро-венгерской внешней политики (Бертхольд, Форгач, Маккио) были уверены в том, что, как и во

⁵⁹ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 146.

⁶⁰ История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872–1919 гг.) / Под ред. акад. В.П. Потемкина; сост. В.М. Хвостов, И.И. Минц. М., 1945. С. 245.

⁶¹ Там же. С. 248.

⁶² История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в. С. 428, 429.

время Боснийского кризиса 1909 г., «миролюбие русского монарха одержит верх над всеми другими соображениями» и Россия не ввяжется в войну для защиты Сербии. Однако они, констатировал Шебеко, «не учли перемены, происшедшей в России между 1909 и 1914 годами...»⁶³.

Николай Николаевич вспоминал, как в начальной фазе Июльского кризиса в разговорах с дипломатами из стран Антанты он стремился донести до них мысль о том, что в случае австро-сербской войны «Россия принуждена будет с первого же дня вмешаться в конфликт, так что война между Австрией и Сербией означает всеобщую войну»⁶⁴. Правда, напрямую до Австро-Венгрии эта установка долго не доводилась, что укрепляло уверенность австрийцев в невмешательстве России и делало их претензии к Сербии всё более беспардонными.

3 (16) июля 1914 г. Шебеко узнал, что за завтраком у бывшего посла в Риме графа Люцова обсуждался текст ноты, заключавшей «совершенно неприемлемые для независимого государства требования», которую австро-венгерское правительство собиралось предъявить Сербии. Он немедленно отправил телеграмму об этом министру иностранных дел С.Д. Сазонову. В ней Шебеко предложил безотлагательно осведомить венский кабинет о том, как отнесется Россия к факту предъявления Сербии неприемлемых для достоинства этого государства требований⁶⁵.

Однако ответа на свою телеграмму российский посол не получил: С.Д. Сазонова не было в Петербурге — он уехал в свое имение и вернулся в столицу только утром 5 (18) июля 1914 г.

Обеспокоенный отсутствием отклика руководства МИД на несколько посланных им сообщений, Н.Н. Шебеко решил лично явиться в Санкт-Петербург. Как отмечается в историографии, впоследствии его неоднократно упрекали за отъезд из Вены в такой острый момент, поскольку пока российский посол отсутствовал, Австро-Венгрия предъявила Сербии свой ультиматум⁶⁶.

После австрийского ультиматума Июльский кризис вступил в свою критическую фазу. В заключительной части воспоминаний Николай Николаевич подробно рассказывал о встречах с руководи-

⁶³ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 169.

⁶⁴ Там же. Л. 173.

⁶⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917 гг. Т. IV. М.; Л., 1931. С. 299.

⁶⁶ Евдокимова Е.В. Указ. соч. С. 30.

телями австрийского МИД графом Берхтольдом, бароном Маккио и графом Форгачем, которых он пытался уговорить удовлетвориться сербским ответом на ультиматум.

Шебеко предупреждал их, что война между Австрией и Сербией ни в коем случае не может быть локализована: Россия в этот раз не уступит. При этом он уже по личной инициативе пытался заинтересовать австрийцев тем, что база переговоров между Веной и Петербургом могла бы быть расширена не только разрешением текущего конфликта, но и общим пересмотром взаимоотношений между Россией и Австрией, что «могло быть весьма полезно для будущего обоих государств»⁶⁷.

Однако скоро Шебеко стало ясно, что его аргументы заведомо игнорируются собеседниками, поставившими своей целью «сокрушить Сербию и одновременно умалить престиж России»⁶⁸. «Идея локализации войны между Австрией и Сербией глубоко засела в умах руководителей политики обеих центральных держав», — констатировал Николай Николаевич. Заявления С.Д. Сазонова в Петербурге и Н.Н. Шебеко в Вене о том, что Россия никогда не допустит разгрома Сербии, считались в Вене и Берлине блефом. Только русская мобилизация, предпринятая после вступления австрийских войск в Сербию, открыла австрийским и германским дипломатам глаза на надвигающуюся опасность мирового пожара. Но теперь решение вопроса перешло в руки военных, причем преимущественно германских⁶⁹.

Таким образом, венским политикам, с точки зрения автора воспоминаний, не был нужен военный конфликт с Россией, и они к нему не стремились. Вену прельщала перспектива локальной австро-сербской войны. Руководители Австро-Венгрии упорно надеялись, что царь и его министры примирятся с австрийским ультиматумом и позволят Австро-Венгрии без помехи расправиться с Сербией.

References

Astaf'ev I.I. *Russko-germanskie diplomatische otnosheniya 1905–1911 gg. (ot Portsmutskogo mira do Potsdamskogo soglasheniya)* [Russo-German Diplomatic Relations, 1905–1911 (From the Treaty of Portsmouth to the Potsdam Agreement)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972. 306 p.

Bestuzhev I.V. *Bor'ba v Rossii po voprosam vneshney politiki. 1906–1910* [Debates in Russia over Foreign Policy, 1906–1910]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. 408 p.

⁶⁷ Шебеко Н. Указ. соч. Л. 214.

⁶⁸ Там же. Л. 226.

⁶⁹ Там же. Л. 227.

Efremov P.N. *Vneshnyaya politika Rossii (1907–1914 gg.)* [Russia's Foreign Policy, 1907–1914]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnosheniy, 1961. 304 p.

Evdokimova E.V. *Poslednie posly Rossiyskoy imperii. Istoriya i sud'by* [The Last Ambassadors of the Russian Empire: History and Fates]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2023. 256 p.

Iskenderov P.A. *Nikolay Genrikhovich Gartvig // Voprosy istorii*. 2018. N 9. P. 35–44.

Istoriya diplomatii [History of Diplomacy]. Vol. 2. *Diplomatiya v Novoe vremya (1872–1919 gg.)* [Diplomacy in the Modern Era (1872–1919)] / Ed. by V.P. Potemkin; comp. V.M. Khvostov, I.I. Mints. Moscow: Sotsekgiz, 424 p.

Istoriya vneshney politiki Rossii. Konets XIX — nachalo XX v. (ot russko-frantsuzskogo soyuza do Oktyabr'skoy revolyutsii) [A History of Russian Foreign Policy: The Late 19th and Early 20th Centuries (From the Russo-French Alliance to the October Revolution)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1997. 672 p.

Knyazev M.A. "Rossiya, vidimo, perezhivaet ostryy krizis, i nikto ne mozhet ugodat', chem vse eto konchitsya". *Iz pism pervogo sekretarya posol'stva Rossii vo Frantsii N.N. Shebeko k zhene. 1904–1905 gg.* ["Russia Is Apparently Undergoing an Acute Crisis, and No One Can Guess How It Will All End": From the Letters of N.N. Shebeko, First Secretary of the Russian Embassy in France, to His Wife, 1904–1905] // *Istoricheskiy arkhiv*. 2024. N 4. P. 166–175.

Kross B.B. *Predposylki russko-rumynskogo sblizheniya nakanune Pervoy mirovoy voyny* [The Preconditions for Russo-Romanian Rapprochement on the Eve of the First World War] // *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A.I. Gertsena*. Vol. 502. 1971. P. 108–147.

Kross B.B. *Rumyniya mezhdru Troystvennym soyuzom i Antantoy (Ocherki po istorii diplomaticheskoy bor'by za Rumyniyu i ee vneshney politiki 1908–1914 gg.)* [Romania between the Triple Alliance and the Entente (Essays on the Diplomatic Struggle over Romania and Its Foreign Policy, 1908–1914)]. Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut, 1996. 186 p.

Rybachyonok I.S. *Ministr inostrannykh del Rossii A.B. Lobanov-Rostovsky* [The Russian Foreign Minister A.B. Lobanov-Rostovsky] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1992. N 3. P. 95–113.

Seleznev F.A. *Rossiysko-rumynskie otnosheniya v period Balkanskikh voyn po vospominaniyam i doneseniyam poslannika v Bukhareste N.N. Shebeko (1912–1913)* [Russo-Romanian Relations during the Balkan Wars according to the Memoirs and Reports of N.N. Shebeko, Ambassador in Bucharest (1912–1913)] // *Novaya i noveishaya istoriya*. 2024. N 5. P. 126–138.

Shilov D.N., Kuz'min Yu.A. *Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossiyskoy imperii. 1801–1906. Biobibliograficheskiy spravochnik* [Members of the State Council of the Russian Empire, 1801–1906: A Bio-Bibliographical Handbook]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2007. 992 p.

Поступила в редакцию
2 ноября 2024 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-74-90

Д.С. Парфирьев

**«НОВЫЙ КРАЙ» И «ЧЕРВОННАЯ РУСЬ»:
ОПЫТ ИЗДАНИЯ РУССКОЙ ЧАСТНОЙ ГАЗЕТЫ
ВО ЛЬВОВЕ В 1915 г.**

D.S. Parfir'ev

**NOVYY KRAY AND CHERVONNAYA RUS':
A CASE STUDY IN RUSSIAN PRIVATE NEWSPAPER
PUBLISHING IN LVOV, 1915**

Аннотация. Из шести русских газет, которые выпускались во Львове, находившемся под властью русской администрации в августе 1914 — июне 1915 г., частными были только «Новый край» и «Червонная Русь», издававшиеся соответственно в марте–апреле и мае–июне 1915 г. Обе газеты ранее практически не попадали в поле зрения отечественных историков даже в качестве источника информации. В статье показано, что фактически это было одно и то же периодическое издание с одинаковыми оформлением, содержательной моделью и условиями выпуска. Закрытие «Нового края» и последующий перезапуск газеты под новым наименованием были связаны с неприязнью штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта к издателю газеты Н.И. Капеллеру, который в конце 1914 г. стал фигурантом громких разбирательств вокруг создания книжно-газетных киосков на железнодорожных станциях Галиции. Прекращение издания «Нового края» свидетельствовало о слабой позиции властей Галицийского генерал-губернаторства, которым пришлось отменить собственное разрешение на выпуск газеты и солидаризироваться с позицией штаба главнокомандующего армиями фронта. Вскоре после того, как «Новый край» прекратил существование, военные власти санкционировали учреждение нового печатного органа под названием «Чер-

Парфирьев Дмитрий Станиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН

Parfir'ev Dmitry Stanislavovich, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Department of the History of Slavic Peoples during the World Wars, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

parfir'yeff@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4042-6324

вонная Русь». Издателем этой газеты стал бывший редактор «Нового края» П.Я. Курносков, но всё остальное — от помещения редакции до программы номеров — не поменялось. Небольшое различие в риторике двух изданий обуславливалось осложнением обстановки на Юго-Западном фронте: в разгар наступления противника в Галиции «Червонной Руси» приходилось уделять большее внимание критике панических настроений и ободрению населения. В целом, несмотря на конкуренцию со стороны русских газет Львова и российской прессы, поступавшей в город, «Новый край» и «Червонная Русь» пользовались популярностью у читателей благодаря разнообразному и оригинальному содержанию и сбалансированному вниманию к международным новостям и местным известиям, что отмечалось даже польской прессой Львова.

Ключевые слова: Первая мировая война, Галиция, частные газеты, львовская пресса, военная цензура.

Abstract. Of the six Russian newspapers that appeared in Lvov, which was under Russian administration from August 1914 to June 1915, only *Novyy kray* and *Chervonnaya Rus'* were privately owned; they were published in March–April and May–June 1915, respectively. Both papers have hitherto almost entirely escaped the attention of Russian historians, even as sources of information. The article demonstrates that, in effect, they constituted one and the same periodical, with identical layout, content, and publishing conditions. The closure of *Novyy kray* and the subsequent relaunch of the newspaper under a new title were linked to hostility on the part of the staff of the commander in chief of the armies of the Southwestern Front toward its publisher, N.I. Kapeller, who, in late 1914, had become embroiled in a high-profile controversy over the establishment of book and newspaper kiosks at railway stations in Galicia. The suppression of *Novyy kray* testified to the weak position of the authorities of the Galician General-Governorate, who were compelled to revoke their own authorization of the paper and align themselves with the stance of the front headquarters. Shortly after *Novyy kray* ceased to exist, the military authorities readily sanctioned the establishment of a new periodical under the title *Chervonnaya Rus'*. Its publisher was the former editor of *Novyy kray*, P.Ya. Kurnosov; everything else — from the location of the editorial office to the programme of the issues — remained unchanged. The minor differences in rhetoric between the two newspapers were conditioned by the deteriorating situation on the Southwestern Front: at the height of the enemy offensive in Galicia, *Chervonnaia Rus'* had to devote greater attention to criticizing panic and encouraging the population. On the whole, despite competition from other Russian newspapers in Lvov and from the Russian press reaching the city from the interior, *Novyy kray* and *Chervonnaya Rus'* enjoyed popularity among readers thanks to their varied and original content and their balanced attention to international news and local reports — a fact noted even by the Polish press of Lvov.

Keywords: First World War, Galicia, private newspapers, press of Lvov, military censorship.

В период с 21 августа 1914 г. по 9 июня 1915 г.¹, когда русская армия контролировала Львов — единственный город Галиции, где под властью России выходили периодические издания, — в разное время в нем издавались шесть русскоязычных газет². Несмотря на большой интерес российских и зарубежных исследователей к истории Галиции в годы Первой мировой войны, эти издания до сих пор не стали объектом специального внимания и в лучшем случае просто привлекаются историками в качестве источника информации³. Впрочем, речь идет только о «Львовском военном слове», «Львовском вестнике» и «Прикарпатской Руси». Единственные частные газеты Львова, выходившие, когда город находился под контролем русской армии, — «Новый край» и «Червонная Русь» — и вовсе практически игнорируются исследователями⁴. Это представляется тем более странным, что подшивки обоих изданий есть и в российских, и в украинских, и в польских библиотеках. «Новый край» и «Червонную Русь» обходит вниманием даже немногочисленная библиографическая литература. В советском справочнике «Библиография периодических изданий России 1901–1916» есть информация только о других изданиях с такими же названиями⁵. В работе польского историка Е. Яровецкого о львовской прессе 1864–1918 гг. русские газеты Львова, занятого русскими войсками, вообще отсутствуют, хотя автор приводит сведения об изданиях на украинском, немецком и на идише⁶. Подробные заметки об обеих газетах можно найти лишь в издании об украинских газетах города в 1848–1939 гг., подготовленном коллективом львовских историков в начале 2000-х гг., но и там дается лишь характеристика содержания «Нового края» и

¹ Здесь и далее по тексту все даты приводятся по юлианскому календарю.

² Одна из этих газет, «Голос народа», выходила на «местных наречиях и говорах», понятных русинскому крестьянскому населению, на которое ориентировалось издание.

³ Из российских историков активнее всех на материалы львовской прессы ссылалась А.Ю. Бахтурина. См.: *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000; *Она же.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

⁴ Так, даже Б.И. Колоницкий, приводя несколько примеров реакции «Нового края» на визит в Галицию Николая II в апреле 1915 г., в тексте монографии не указывает наименования газеты. См.: *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2021. С. 125–126.

⁵ *Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М.* Библиография периодических изданий России 1901–1916. Т. 2. И–П. Л., 1959. С. 484; Т. 3. Р–Я. Л., 1960. С. 594.

⁶ *Jarowiecki J.* Prasa lwowska w latach 1864–1918. Bibliografia. Kraków, 2002.

«Червонной Руси», а об обстоятельствах их появления, выпуска и закрытия ничего не говорится. Весьма далеко от истины предположение львовского автора заметки о «Червонной Руси», что эта частная газета финансировалась жандармским управлением и «была выпущена в свет специально как боевой листок или орган штаба русского главнокомандующего»⁷.

Цель настоящей статьи — охарактеризовать один из сегментов прессы Львова, контролируемого на протяжении нескольких месяцев 1914–1915 гг. русской армией, и проследить историю двух частных русских газет, выходивших в городе, от их возникновения до закрытия. Основу источниковой базы составили документы Российского государственного военно-исторического архива, а именно — фондов 2067 (Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта) и 13216 (Управление военного генерал-губернаторства областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны), а также материалы самих изданий «Новый край» и «Червонная Русь».

Для понимания трудностей, с которыми пришлось столкнуться редакции «Нового края», необходимо обратиться к некоторым событиям конца 1914 г. В конце октября во Львов, который к тому времени уже два месяца контролировали русские войска, из Петрограда приехал Николай Иванович Капеллер, собственный корреспондент газеты «Голос Руси» и доверенное лицо группы членов Государственной думы от умеренно правой партии Всероссийский национальный союз, которые издавали эту газету⁸. В столице Галиции Капеллеру было поручено наладить распространение самого «Голоса Руси» и других столичных изданий, добившись открытия книжно-газетных киосков на железнодорожных станциях. Впрочем, у Капеллера имелся и личный интерес: уже тогда он задумал выпускать во Львове частную русскую газету под названием «Новый край» и зондировал почву в штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, не будет ли это воспринято как создание конкуренции для «Львовского военного слова» — военной газеты, выпускавшейся под эгидой штаба⁹.

К тому времени во Львове выходило всего две ежедневные газеты на русском языке — «Львовское военное слово» и «Прикарпатская Русь», орган Русского народного совета, главной политической

⁷ Українські часописи Львова 1848–1939 рр. Історико-бібліографічне дослідження. Т. 2. 1901–1919 рр. Львів, 2002. С. 562–569, 571–572.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2947. Л. 15–15об.

⁹ Там же. Л. 17.

организации галицийских русофилов¹⁰. Пресса из России в октябре еще поступала во Львов с большим запозданием или вовсе не доходила, даже киевская, не говоря уже о столичных газетах¹¹. Судя по всему, Капеллер оценил ситуацию и понял, что на львовском поприсе новый орган печати ждет невысокая конкуренция.

3 ноября Капеллер заключил с управлением Галицийских железных дорог договор о предоставлении его доверителям исключительного права продажи газет, журналов и книг на некоторых станциях. Это произошло в момент, когда еще не было вынесено решение по ходатайству, направленному членами Думы в штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. На следующий день, 4 ноября, это ходатайство было отклонено генерал-квартирмейстером¹². Произошла коллизия. С одной стороны, согласно одобренным Штабом Верховного главнокомандующего правилам, на Галицийские железные дороги распространялись законы, действовавшие на дорогах Европейской России, и управлению было достаточно согласовать разрешение на продажу произведений печати с местной жандармской железнодорожной полицией. С другой стороны, продажа любой печатной продукции на территории Галиции должна была санкционироваться штабом главнокомандующего армиями фронта¹³. Несмотря на двойственность ситуации, Капеллер, тем не менее, не стал дожидаться урегулирования вопроса и в начале ноября открыл киоски на некоторых станциях, в том числе на вокзале во Львове. Общавшийся с ним редактор «Львовского военного слова» Н.Ф. Наркевич вынес впечатление, что Капеллер торопился и «случайно набирал книги по магазинам Львова и в друг[их] местах», преследуя, по-видимому, в первую очередь коммерческие цели¹⁴.

14 ноября газета «Прикарпатская Русь», которая еще 8 и 11 ноября одобрительно отзывалась о киосках Капеллера, куда в качестве продавщиц приглашались «наши русские женщины»¹⁵, опубликовала в рубрике хроники заметку «Русский киоск или ма-

¹⁰ Под русофилами подразумеваются представители движения русинской интеллигенции Галиции, выступавшие за сближение с Россией, — соперники и антагонисты украинского движения.

¹¹ *Кравченко Н.* На другой фронт // Новое время. 1914. 17 (30) октября. № 13865. С. 2.

¹² РГВИА. Ф. 13216. Оп. 6. Д. 7. Л. 29, 35–35об.

¹³ Там же. Л. 29–29об.

¹⁴ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2947. Л. 16–16об.

¹⁵ Важное для Галичины культурное предприятие // Прикарпатская Русь. 1914. 8 (21) ноября. № 1464. С. 6–7; Освящение и открытие газетных киосков на главном вокзале и на вокзале «Подзамче» во Львове // Прикарпатская Русь. 1914. 11 (24) ноября. № 1467. С. 2.

зепинский “курень”?). В ней говорилось, что редакции «Прикарпатской Руси» «сразу же пришлось горько разочароваться» в киосках, поскольку там «свила себе теплое гнездо отъявленная мазепинская агитация». Автор заметки утверждал, что на львовском вокзале «места продавщиц предоставлены двум местным мазепинкам, которые усердно суют русским офицерам, нижним чинам и вообще всей проезжей публике преимущественно “украинские” брошюры и открытки местного производства, русские же по возможности замалчивают и закрывают»¹⁶.

После критики в «Прикарпатской Руси» Капеллер уехал в Петроград, а через месяц, по возвращении во Львов, направил военному генерал-губернатору Галиции Г.А. Бобринскому жалобу на редакцию русофильской газеты, указав, что заметка «совершенно не соответствует действительности и является оскорбительной»¹⁷. 20 декабря штаб генерал-губернатора обратился в правление Галицийских железных дорог с вопросами, кто и когда разрешил Капеллеру открыть киоски и почему это произошло без предварительного сношения с местной военной цензурой¹⁸. Заведующий жандармским полицейским управлением Галицийских железных дорог заверил, что «мазепинские издания» в киосках Капеллера не продавались¹⁹. В конце декабря 1914 г. членам Думы, издававшим «Голос Руси», удалось решить проблему с киосками и получить от главнокомандующего армиями фронта разрешение на их деятельность в Галиции²⁰. Но, как показали дальнейшие события, «осадок» после ситуации в штабе главнокомандующего остался.

Чуть больше месяца Капеллер не попадал в поле зрения командования фронтом и русской администрации в Галиции, после чего вернулся к идее выпуска газеты «Новый край». 3 февраля 1915 г. он получил разрешение львовского градоначальника А.А. Скалона издавать во Львове газету с таким названием и дал обязательство исполнять все требования военной цензуры²¹. Название «Новый край» было весьма символичным, поскольку газета с таким наименованием уже выходила в 1899–1912 гг. — сначала в Порт-Артуре, а после 1905 г. в Харбине²². Первый номер «Нового края» вышел 15 марта

¹⁶ Русский киоск или мазепинский «курень»? // Прикарпатская Русь. 1914. 14 (27) ноября № 1470. С. 5.

¹⁷ РГВИА. Ф. 13216. Оп. 6. Д. 7. Л. 34.

¹⁸ Там же. Л. 24.

¹⁹ Там же. Л. 32, 33.

²⁰ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2947. Л. 8–12.

²¹ Там же. Ф. 13216. Оп. 6. Д. 9. Л. 12–13.

²² *Кан Шисинь*. Газета «Новый край» и край империи — Порт-Артур // Клио. 2024. № 1 (205). С. 20–24.

1915 г. Редакция объявила, что главная задача издания — как можно более подробно освещать «обычную жизнь», при этом содействуя тому, чтобы «имя России стало каждому из галичан так же дорого и близко, как близко и дорого каждому из нас, русских»²³. В заголовке газеты указывалась только дата по юлианскому календарю (для сравнения, «Прикарпатская Русь» перестала дублировать дату номера по новому стилю только с апреля).

Поскольку издатель «Нового края» понимал неоднозначность своей репутации в глазах высокопоставленных военных, — еще в декабре 1914 г. Капеллер жаловался Н.Ф. Наркевичу, что его принимают за еврея и обвиняют в том, что он выдавал себя за члена Государственной думы²⁴, — он всячески подчеркивал свою «русскость» и патриотическую мотивацию. По словам одного из польских журналистов Львова, на встречах сотрудников городских газет с представителями русской администрации Капеллер единственный демонстративно говорил только по-русски, хотя даже военные цензоры для удобства большинства присутствующих изъяснялись на польском языке²⁵. В номере от 21 марта «Новый край» отзывался исключительно одобрительно о работе корреспондента Петроградского телеграфного агентства во Львове С.А. Лабенского, тогда как другие русские газеты города в это же время критиковали его за неграмотное составление бюллетеней и задержку с их доставкой²⁶. На страницах газеты Капеллера появлялись патриотические стихи о «родной Галиции», которая «жила, надеялась и ждала», когда «Восток подарит солнце»²⁷. Украинский священник Я. Левицкий, очевидец событий 1914–1915 гг., позднее охарактеризовал «Новый край» как «названную сестру» «Прикарпатской Руси» — настолько нарочитый патриотизм Капеллера напоминал правоконсервативную риторику русофилов²⁸.

Появление «Нового края» произвело своего рода сенсацию в журналистской среде Львова, поскольку многие новости газета

²³ От редакции // Новый край. 1915. 15 марта. № 1. С. 1.

²⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2947. Л. 17об. Польский мемуарист С. Сроковский также называл Капеллера «киевским евреем». См.: *Srokowski S. Z dni zawieruchy dziejowej 1914–1918. Kraków, 1932. S. 136.*

²⁵ *Srokowski S. Op. cit. S. 136.*

²⁶ Местное бюро Петроградского телеграфного агентства // Львовский вестник. 1915. 24 марта. № 23. С. 1–2; Непорядки в местном бюро телеграфного агентства // Львовский вестник. 1915. 25 марта. № 24. С. 2.

²⁷ Е. Я. Родному краю // Новый край. 1915. 2 апреля. № 18. С. 4; Г. Т. К приезду Государя Императора // Новый край. 1915. 11 апреля. № 27. С. 1.

²⁸ *Левицкий Я. 3 днів російської інвазії // Московська окупація Галичини 1914–1917 рр. в свідченнях сучасників. Львів, 2018. С. 273.*

публиковала раньше всех в городе²⁹. «Новый край» печатал многочисленные фотоснимки, рисунки и карикатуры и, в отличие от остальных львовских газет на русском языке, помещал на первой полосе краткие анонсы о событиях, которые освещались в номере. Внимание к международным и российским новостям газета сочетала с подробным освещением городских происшествий — преступлений, несчастных случаев, самоубийств, арестов. Для сравнения, «Прикарпатской Руси» такие сюжеты вообще были чужды, в ее «Хронике» преобладали новости общественно-политической жизни. Если в других газетах Львова рубрика хроники включала самые разные события, вплоть до новостей из-за рубежа, то соответствующий раздел в «Новом крае» был более компактным, чем, например, во «Львовском вестнике», и включал только местные известия. Чаще всего он умещался на последней полосе рядом с объявлениями. Выпуская «Новый край», Капеллер продолжал поддерживать связь с Всероссийским национальным союзом: в «Хронике» особое внимание уделялось новостям, связанным с деятельностью этой партии в Галиции, например, прибытию на Юго-Западный фронт «санитарно-питательных отрядов» под ее эгидой³⁰. Новости на эту тему печатались более крупным шрифтом, чем остальные заметки.

Поскольку многие из городских известий «Новый край» сообщал первым, даже польские газеты, которые в целом были гораздо популярнее среди местного, преимущественно польского, населения, охотно заимствовали его материалы. Так, 18 марта в хронике «Нового края» появилась заметка о «странном способе поимки вора». В ней говорилось о том, как львовские полицейские, пытаясь выманить спрятавшегося в печи вора, разожгли в ней огонь, и преступник получил сильные ожоги. 20 марта идентичная заметка в польском переводе появилась на страницах газеты «Kuryer Lwowski»³¹. Если поначалу «Новый край» выходил тиражом 3 тыс. экземпляров, то к концу апреля эта цифра увеличилась до 9 тыс. — вдвое больше, чем составлял максимальный тираж официальной газеты генерал-губернаторства «Львовский вестник»³². И это при том, что с 1 апреля

²⁹ Srokowski S. Op. cit. S. 136.

³⁰ Санитарно-питательные отряды Национального союза // Новый край. 1915. 15 марта. № 1. С. 5; Прибытие отрядов Всероссийского национального союза // Новый край. 1915. 20 марта. № 6. С. 4.

³¹ Станный способ поимки вора // Новый край. 1915. 18 марта. № 4. С. 5; Niezwykły sposób schwytania złodzieja // Kuryer Lwowski. 1915. 20 marca (2 kwietnia). N 92. S. 3–4.

³² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3646. Л. 55об.; Отчет деятельности штаба временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 года по 1 июля 1915 года. Киев, 1916. С. 35.

конкуренция на рынке местной прессы увеличилась, поскольку возобновилось издание «Львовского военного слова», ранее прекращавшееся на месяц.

В третьем номере «Нового края», выпущенном 17 марта, был опубликован рисунок, не прошедший предварительную цензуру. Ранее аналогичный рисунок был напечатан в столичном «Новом времени» и пропущен петроградским цензурным ведомством, поэтому редакция львовской газеты не стала запрашивать отдельного разрешения на месте. Несмотря на это, за публикацию изображения Капеллеру был назначен штраф в размере 500 руб. Тот обратился к помощнику генерал-губернатора А.П. Половцову с просьбой отменить штраф, посетовав, что «молодому изданию не по силам вынести такое бремя», а рисунок, помещенный в газете, до этого уже пропускала цензура. Половцов распорядился сократить штраф вдвое³³, однако факт взыскания штаб генерал-губернатора предал огласке: 24 марта об этом сообщил «Львовский вестник»³⁴.

Судя по тому, что львовский градоначальник, подчинявшийся генерал-губернатору, не чинил препятствий изданию «Нового края», а помощник Бобринского сократил сумму назначенного газете штрафа, галицийская военная администрация не имела ничего против Капеллера с учетом его прошлогодних прегрешений, но штаб главнокомандующего армиями фронта по этому поводу придерживался иного мнения. Не исключено, что к закрытию издания Капеллера был причастен Н.Ф. Наркевич, бывший редактор «Львовского военного слова», которое перестало издаваться 28 февраля и к выходу первого номера «Нового края» еще не возобновилось³⁵. У Наркевича была личная мотивация: он затаил обиду на Капеллера за то, что в ноябре тот скрыл от него план издавать собственную газету, хотя неоднократно общался с ним и просил справиться о своих делах в штабе главнокомандующего армиями фронта. Наркевич счел это «нелояльностью его поведения» по отношению к себе³⁶.

Но решающую роль в судьбе Капеллера и его газеты, несомненно, сыграл начальник военно-цензурного отделения того же штаба Давыдов³⁷, который еще в ноябре 1914 г. был раздражен открытием книжно-газетных киосков без ведома возглавляемой им

³³ РГВИА. Ф. 13216. Оп. 6. Д. 9. Л. 21–21об., 23–23об.

³⁴ Оштрафование газеты // Львовский вестник. 1915. 24 марта. № 23. С. 2.

³⁵ К закрытию газеты «Львовское военное слово» // Львовское военное слово. 1915. 28 февраля. № 139. С. 6.

³⁶ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2947. Л. 17об.

³⁷ Установить инициалы Давыдова на основе опубликованных источников и просмотренных документов РГВИА автору пока не удалось.

инстанции. Уже тогда Давыдов занял бескомпромиссную позицию по поводу самих киосков и их устроителя: в записке генерал-квартирмейстеру штаба он не только просил «безотлагательно закрыть» их, выражая уверенность, что Капеллер «преследовал исключительно цели наживы», но и отмечал «неразборчивость и нечистоплотность» Капеллера, указывая, что «присутствие его в пределах Галиции вредно»³⁸.

Через неделю после выхода первого номера газеты штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта заинтересовался «Новым краем». 23 марта генерал-квартирмейстер М.К. Дитерихс направил в штаб генерал-губернатора Галиции телеграмму с вопросами, существует ли во Львове газета с таким названием, кто разрешил ее издавать и кто издатель³⁹. Ответ, что разрешение дал градоначальник, адресанта не удовлетворил: 2 апреля уже начальник штаба В.М. Драгомиров телеграфировал генерал-губернатору, что санкция могла быть дана только с согласия главнокомандующего армиями фронта⁴⁰. Во избежание повторения эксцесса начальник штаба генерал-губернатора циркулярно уведомил об этом львовского градоначальника, а также тарнопольского, львовского и перемышльского губернаторов, попросив в дальнейшем присылать каждое прошение об учреждении нового органа печати ему⁴¹.

Основным предлогом к тому, чтобы закрыть «Новый край», стал именно штраф за публикацию не прошедшего цензуру рисунка. 13 апреля Давыдов ходатайствовал перед штабом главнокомандующего армиями фронта о прекращении издания газеты, «не могущей принести пользы делу русской государственности в завоеванном крае». При этом он отмечал, что уже в первые дни выхода газету подвергли штрафу, а ее издатель ранее мог быть выслан из Галиции (хотя с таким предложением в конце 1914 г. выступал сам Давыдов)⁴². Интересно, что в тот же день Давыдов рекомендовал генерал-квартирмейстеру штаба удовлетворить новое ходатайство членов Государственной думы, представителем которых некогда был Капеллер, о заключении контракта с управлением Галицийских железных дорог на право продажи периодических изданий в железнодорожных киосках, мотивируя это тем, что теперь «продажа газет будет совершаться под наблюдением г. Плетнёва, бывшего редактора-издателя

³⁸ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3646. Л. 9–9об.

³⁹ Там же. Л. 12.

⁴⁰ Там же. Л. 13–14.

⁴¹ Там же. Ф. 13216. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.

⁴² Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3646. Л. 23.

рекомендованного войскам еженедельного журнала «Верность», без участия г. Капеллера»⁴³.

15 апреля Драгомиров сообщил генерал-губернатору Галиции, что, по мнению главнокомандующего армиями фронта Н.И. Иванова, «Новый край» «не может принести пользы делу во вновь завоеванном крае». И с учетом того, что уже в первые дни выхода на него наложили штраф, Иванов приказывает немедленно прекратить издание газеты⁴⁴. Бобринский распорядился закрыть ее с 25 апреля, но затем продлил срок до 1 мая⁴⁵. Воспрепятствовать решению Иванова он никак не мог, поскольку формально находился в подчинении даже не ему, а главному начальнику снабжения армий фронта, т.е. нижестоящей инстанции⁴⁶.

На фоне обсуждения закрытия «Нового края» редактор газеты В.Я. Курносов, бывший редактор «Московского листка», решил проявить инициативу и продолжить издавать печатный орган на уже имеющейся основе. Вероятно, он понимал, что камнем преткновения была не сама газета, а личность ее издателя. 20 апреля Курносов обратился к главнокомандующему армиями фронта с просьбой разрешить ему издавать во Львове газету «Утро». В своем письме журналист подчеркивал, что он «по своему происхождению и по своим убеждениям коренной русский»⁴⁷, по всей видимости, намекая тем самым на слухи о еврействе Капеллера. На следующий день Давыдов телеграммой вызвал Курносова на переговоры в штаб. В отсутствие своего сотрудника Капеллер вскрыл эту телеграмму и, поняв его намерения, сам телеграфировал Давыдову с просьбой разрешить ему немедленно приехать в штаб «для дачи личных объяснений». Это лишь усугубило ситуацию: Давыдов подписал на телеграмме карандашом, что «г[осподи]н Капеллер, находясь в одном помещении с г[осподи]ном Курносовым, вскрыл телеграмму, адрес[ованную] г[осподи]ну Курносову в отсутствие последнего»⁴⁸.

Потерпев неудачу, 27 апреля издатель «Нового края» обратился с прошением о заступничестве к генерал-губернатору Г.А. Бобринскому⁴⁹, но тщетно — тот, скорее всего, не был настолько заинтересован в сохранении газеты. 30 апреля вышел последний номер «Нового

⁴³ Там же. Л. 17.

⁴⁴ Там же. Л. 22.

⁴⁵ Там же. Ф. 13216. Оп. 6. Д. 9. Л. 27, 31.

⁴⁶ Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции ... С. 73–74.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3646. Л. 46.

⁴⁸ Там же. Л. 24–25.

⁴⁹ Там же. Л. 55, 57.

края». Видимо, вследствие конфликта с Курносовым редактором двух последних номеров Капеллер указал самого себя. Сообщая, что орган прекращает издаваться «по независящим от редакции обстоятельствам», редакция выразила надежду, что «брошенное семя не пропадет», и на смену «Новому краю» придет другая «свободная русская газета»⁵⁰.

Впрочем, Капеллер не сдавался до последнего: незадолго до оставления Львова и большей части Галиции, в конце мая, он улучил момент, когда Бобринский находился в штабе главнокомандующего армиями фронта, и подал новое прошение о разрешении газеты на имя последнего⁵¹. Это уже не могло спасти ситуацию, поскольку на тот момент командованию фронтом приходилось решать куда более насущные вопросы.

Что касается ходатайства Курносова, то штаб главнокомандующего армиями фронта разрешил ему издание новой газеты с условием предварительного одобрения со стороны генерал-губернатора. 10 мая, получив до того положительное заключение Бобринского, генерал С.С. Саввич ответил ему, что Н.И. Иванов также не возражает против нового издания⁵². Передавая положительный вердикт Курносову, от себя Давыдов отметил, что «название “Утро” не так хорошо, как, например, название “Червонная Русь”». Курносов охотно принял новый вариант и ответной телеграммой поблагодарил Давыдова за предложенное название⁵³. Любопытно, что в 1888–1891 гг. издание с таким наименованием уже выходило во Львове, а в 1913–1914 гг. — в Санкт-Петербурге под эгидой «Галицко-русского общества», право-консервативной организации, тесно связанной с галицийскими русофилами. Слово сочетание «Червонная Русь» было одним из самых распространенных определений для Восточной Галиции в русской патриотической публицистике времен Первой мировой войны⁵⁴.

«Львовское военное слово» Наркевича, сообщая о появлении первого номера «Червонной Руси», пожелало ему процветания и, вторя Давыдову, похвалило «особенно удачный выбор названия» новой газеты⁵⁵. Об учреждении во Львове нового печатного орга-

⁵⁰ От редакции // Новый край. 1915. 30 апреля. № 46. С. 1.

⁵¹ РГВИА. Ф. 13216. Оп. 6. Д. 9. Л. 46.

⁵² Там же. Л. 35, 37–38.

⁵³ Там же. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3646. Л. 48–50, 52.

⁵⁴ Haid E. Im Blickfeld zweier Imperien. Galizien in der österreichischen und russischen Presseberichterstattung während des Ersten Weltkriegs (1914–1917). Marburg, 2019. S. 63–64.

⁵⁵ Львовское военное слово. 1915. 13 мая. № 175. С. 1; «Червонная Русь» // Львовское военное слово. 1915. 15 мая. № 177. С. 4.

на написала и польская пресса⁵⁶. «Львовский вестник», анонсируя выход газеты, отметил, что «Червоная Русь» пришла на смену «Новому краю», причем состав редакции остался прежним⁵⁷. В целом преемственность газеты Курносова по отношению к закрытому изданию Капеллера во Львове была очевидна всем, кто интересовался местной печатью⁵⁸. Интересно, что об этом не упоминалось в отчете генерал-губернатора Галиции, подготовленном уже после оставления Львова: «Новый край» и «Червоная Русь» кратко характеризовались Бобринским как «новые русские газеты, одновременно выходившие во Львове»⁵⁹. Не говорилось о тождественности двух изданий и в прилагаемом к предыдущему документу отчете о деятельности штаба генерал-губернатора, где «Новый край» и «Червоная Русь» характеризовались как отдельные газеты «частного издательства», которые «стояли в стороне от местной политики»⁶⁰.

«Червоная Русь» печаталась в той же типографии, что и «Новый край», а ее контора и редакция находились в том же помещении по улице Сикстуской. Оформление и верстка обеих газет также были идентичными. Без изменений осталась помещенная на страницах издания самореклама с утверждением, что газета имеет корреспондентов на всех театрах военных действий, а также в Петрограде, Москве и Киеве⁶¹. Совпадали даже расценки на подписку за одним исключением — годовая подписка в провинции с пересылкой на «Новый край» обходилась в 15,5 руб., а на «Червоную Русь» — в 15,2 руб.⁶², т.е. немного дешевле. Наконец, в «Червоной Руси» продолжали печататься многие авторы, публиковавшиеся на страницах газеты Капеллера, к примеру, П.П. Ельфимов, которого Курносов называл своим «ближайшим сотрудником». Впрочем, некоторых журналистов новый издатель привлек в газету уже сам, например, опытного работника печати Н.К. Вержбицкого, служившего во Львове во Всероссийском земском союзе, и хроникера З.П. Здлярского⁶³.

⁵⁶ Nowy dziennik // Kuryer Lwowski. 1915. 15 (28) maja. N 146. S. 3.

⁵⁷ Издание во Львове новой газеты // Львовский вестник. 1915. 13 мая. № 72. С. 1.

⁵⁸ Lwów w ostatnich tygodniach // Czas. 1915. 15 czerwca. N 314. S. 3; *Białynia Chołodecki J.* Lwów w czasie okupacji rosyjskiej (3 września 1914 — 22 czerwca 1915) z własnych przeżyć i spostrzeżeń. Lwów, 1930. S. 161.

⁵⁹ Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года. Киев, 1916. С. 22.

⁶⁰ Отчет деятельности штаба временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 29 августа 1914 года по 1 июля 1915 года. С. 32.

⁶¹ Червоная Русь. 1915. 16 мая. № 3. С. 4.

⁶² Новый край. 1915. 7 апреля. № 33. С. 4; Червоная Русь. 1915. 16 мая. № 3. С. 4.

⁶³ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3646. Л. 46об., 53–53об.

Примечательно, что Курносов, как и Капеллер, тоже быстро допустил оплошность, приведшую к денежному взысканию. Не прошло и недели с момента начала издания «Червонной Руси», — первый номер вышел 14 мая, — как редакция была оштрафована за незаконную торговлю газетой в магазине Ш. Богена на Гродецкой улице⁶⁴. Но Курносову, в отличие от его предшественника, этот инцидент сошел с рук и не испортил ему репутации. Уже после оставления Галиции бывший помощник военного генерал-губернатора А.П. Половцов весьма комплиментарно отзывался о «Червонной Руси», отмечая, что та «зарекомендовала себя с лучшей стороны; корректный тон газеты и отличное с внешней стороны издание выдвинули “Червонную Русь” среди других газет, издававшихся в г. Львове»⁶⁵.

По содержанию «Червонная Русь» также мало чем отличалась от «Нового края». В первом же номере редакция заявила, что и во время войны, и после ее окончания газета будет придерживаться «политики истинного национализма»: «Всё для России, всё для блага отечества, всё, чтобы наши геройские войска могли сокрушить злобного врага». Принципы газеты редакция сформулировала так: «Богатство материала, простота изложения, свежесть известий, прямота во взглядах»⁶⁶. Как и «Новый край», «Червонная Русь» пестрела патриотическими стихами о «родной Галичине»⁶⁷. В разделе хроники нового издания, как и в газете, издаваемой Капеллером, печатались только местные новости. Так, в первом номере хроника включала сведения о репертуаре театра и кинотеатров, о заразных болезнях во Львове и борьбе с ними, о бродячих собаках и о преступлениях⁶⁸.

Пожалуй, главным различием в риторике «Нового края» и «Червонной Руси» было то, что последней приходилось уделять большее внимание ободрению и успокаиванию читателей. Газета начала выходить в то время, когда австро-венгерские войска уже прорвали русскую оборону в Западной Галиции, отвоевали Перемышль и постепенно продвигались на восток, угрожая Львову. Чем более опасной становилась ситуация на фронте, тем больше газета критиковала панические настроения во Львове и призывала свою аудиторию доверять силе русского оружия. 27 мая в «Червонной Руси» была

⁶⁴ Открытие торговли без разрешения // Львовский вестник. 1915. 18 мая. № 77. С. 2.

⁶⁵ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3646. Л. 60.

⁶⁶ От редакции // Червонная Русь. 1915. 14 мая. № 1. С. 1.

⁶⁷ Соловецкий Н. Галичине // Червонная Русь. 1915. 18 мая. № 5. С. 2.

⁶⁸ Хроника // Червонная Русь. 1915. 14 мая. № 1. С. 4.

опубликована статья П.П. Ельфимова «Львовским бобчинским и добчинским!» с осуждением сплетников и трусов, которые не верят в «нашу могучую рать»: «Побольше бодрости, побольше веры, пусть и здесь, в тылу, и там, на родине, наши доблестные защитники встретят веру в их силу»⁶⁹. 30 мая, когда русские военные власти уже готовились к оставлению города, проводя постепенную эвакуацию, газета обрушилась с критикой на «штатских дезертиров» — «мелких эгоистов», которые больше всех подвержены слухам и страхам и при этом «мало бывают осведомлены о истинных событиях». «Тот, кто любит свое отечество, тот, кто верит в своих братьев, сражающихся тут, недалеко, не побежит и не будет трусливо вопить и порождать панику», — заключал автор публикации⁷⁰.

«Червонная Русь» выходила во Львове почти до самого оставления города русской армией. Последний номер газеты, № 24, вышел 6 июня. Через три дня Львов был занят австро-венгерскими и немецкими войсками. Уже 21 июня П.Я. Курносов обратился к начальнику штаба Верховного главнокомандующего с просьбой оказать ему материальную помощь, поясняя, что учредил газету «не из соображений коммерческого характера, а исключительно из побуждений глубокого патриотизма» и истратил на организацию все свои сбережения, а окупить затраты не успел. Редактор газеты писал, что рассчитывает вернуться во Львов и «продолжить начатое дело по изданию газеты»⁷¹.

Спустя три с половиной месяца начальник штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта С.С. Саввич рассудил, что Курносову можно выдать субсидию 5 тыс. руб., но в штабе были заинтересованы в том, чтобы он продолжил издание в Киеве или каком-то другом городе. 20 октября генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта М.К. Дитерихс сообщил Курносову, что пособие будет выделено только при условии возобновления издания в Ростове-на-Дону, добавив, что на дальнейшие субсидии он может не рассчитывать⁷². Выбор города, по-видимому, был обусловлен тем, что в Ростове-на-Дону сформировалась большая колония беженцев из Галиции, а в сентябре туда переехал «Русский народный совет»⁷³. Судя по тому, что в Ростове-

⁶⁹ Ельфимов П. Львовским бобчинским и добчинским! // Червонная Русь. 1915. 27 мая. № 14. С. 2.

⁷⁰ Икар. Спешить — позор! // Червонная Русь. 1915. 30 мая. № 17. С. 1.

⁷¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3646. Л. 62–63об.

⁷² Там же. Л. 64–67.

⁷³ Гайсенюк В. Початок кінця. Москвофіли у Великій війні (1914–1918). Чернівці, 2017. С. 175.

на-Дону газета так и не стала издаваться, Курносова это предложение не устроило.

Итак, «Новый край» и «Червонная Русь», по существу, были одной и той же газетой, которая выходила с небольшим перерывом и сменила название. Помещение конторы и редакции, часть сотрудников во главе с редактором В.Я. Курносовым, оформление, состав рубрик и подача материала, цена и стоимость подписки — всё было идентичным. Главным различием и ключевой причиной реорганизации газеты была фигура ее первого издателя Н.И. Капеллера, неприемлемая для штаба главнокомандующего армиями фронта и, по всей видимости, для редактора «Львовского военного слова» Н.Ф. Наркевича. Единичное несоблюдение цензурных ограничений и штраф, к которым апеллировало военно-цензурное отделение штаба при вынесении решения по газете, стали лишь поводом для устранения Капеллера.

Что касается штаба генерал-губернатора, который, вероятно, был более благосклонен к «Новому краю», то он никак не мог повлиять на сложившуюся ситуацию, поскольку в военной иерархии занимал более низкое положение по отношению к штабу главнокомандующего армиями фронта. По сути, любой орган печати на подведомственной генерал-губернатору территории мог быть запрещен вопреки его воле. Неслучайно в отчете 1916 г. Бобринский писал, что «не может не указать, что вообще разрешение каких-либо периодических изданий в районе генерал-губернаторства без ведома и контроля генерал-губернатора <...> вызывает значительные неудобства в отношении единства власти в крае»⁷⁴. Думается, это замечание можно отнести не только к разрешению, но и к запрету изданий.

В целом же опыт «Нового края» и «Червонной Руси» показал, что попытка создать на отвоеванной у противника территории местную частную газету без финансовой поддержки властей отнюдь не была обречена на провал: издания хорошо распространялись и выдерживали конкуренцию с другими местными и российскими изданиями за счет более низкой цены, оперативности в сообщении новостей и разнообразного содержания.

References

Bakhturina A.Yu. *Okrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoye upravleniye i natsional'naya politika v gody Pervoy mirovoy voiny (1914–1917 gg.)* [The Outskirts

⁷⁴ Отчет временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 года по 1-е июля 1915 года. С. 22.

of the Russian Empire: State Administration and Nationalities Policy during the First World War (1914–1917)]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 392 p.

Bakhturina A.Yu. *Politika Rossiyskoy imperii v Vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia during the First World War]. Moscow: AIRO-XX, 2000. 264 p.

Belyaeva L.N., Zinov'eva M.K., Nikiforov M.M. *Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii 1901–1916* [A Bibliography of Periodical Publications in Russia, 1901–1916]. Vol. 2, 1–P. Leningrad: GPB imeni M.E. Saltykova-Shchedrina, 1959. 716 p.; Vol. 3, R–Ya. Leningrad: GPB imeni M.E. Saltykova-Shchedrina, 1960. 688 p.

Haid E. Im Blickfeld zweier Imperien. Galizien in der österreichischen und russischen Presseberichterstattung während des Ersten Weltkriegs (1914–1917). Marburg: Verlag Herder-Institut, 2019. 296 S.

Haisenjuk V. *Pochatok kintsia. Moskvofily u Velykii viini (1914–1918)* [The Beginning of the End: Russophiles in the Great War (1914–1918)]. Chernivtsi: Druk Art, 2017. 304 p.

Jarowiecki J. *Prasa lwowska w latach 1864–1918. Bibliografia* [Lviv Press, 1864–1918: A Bibliography]. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2002. 556 p.

Kan Shisin'. *Gazeta “Novyy kray” i kraj imperii — Port-Artur* [The Newspaper *Novyy kray* and the Edge of the Empire: Port Arthur] // *Klio*. 2024. N 1 (205). P. 20–24.

Kolonitskiy B.I. “*Tragicheskaya erotika*”: *obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny* [“Tragic Erotica”: Images of the Imperial Family during the First World War]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2021. 664 p.

Ukrains'ki chasopysy Lvova 1848–1939 rr. Istoryko-bibliohrafichne doslidzhennia [Ukrainian Periodicals of Lvov, 1848–1939: A Historical and Bibliographical Study]. Vol. 2. 1901–1919. Lviv: Svit, 2002. 692 p.

Поступила в редакцию
12 февраля 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-91-112

Е.А. Суслопарова

**ТРАГЕДИЯ «ИЗУМРУДНОГО ОСТРОВА»
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ: ЛЕЙБОРИСТСКИЕ
КОМИССИИ В ИРЛАНДИИ В 1920 Г.**

E.A. Susloparova

**THE “EMERALD ISLE’S” TRAGEDY
THROUGH CONTEMPORARY EYES: LABOUR
PARTY COMMISSIONS TO IRELAND, 1920**

Аннотация. В центре внимания автора статьи — деятельность двух комиссий, направленных британскими лейбористами в Ирландию в 1920 г. Напряженная обстановка на острове, продолжавшееся противостояние между католиками-республиканцами и протестантами-юнионистами, выступавшими за сохранение союза с Лондоном, вызывали пристальное внимание в лагере социал-демократов. Не добившись от правительства Д. Ллойд Джорджа согласия организовать независимое расследование происходивших нарушений закона со стороны сил порядка, лейбористы предприняли в 1920 г. две попытки самостоятельного изучения ситуации на острове. Комиссии, направленные в Ирландию, состояли из известных лейбористов, в том числе членов парламента. В ходе первого визита партийные активисты посетили в основном крупные города и беседовали с представителями ирландских рабочих, членов профсоюзов. Второй визит оказался лучше подготовлен и охватил, наряду с городами, ряд деревень, населенные пункты на юго-западном побережье Ирландии, где наблюдалась особо сложная ситуация. Автор отмечает, что во время второй поездки члены партии смогли взять свидетельские показания у большего числа

Суслопарова Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Susloparova Elena Alekseevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

susloparovaelena@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-8889-7937

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University

людей, включая многочисленных жертв насилия и поджогов. Особое внимание в статье уделено впечатлениям лейбористов от жестоких событий, произошедших в Балбриггане 20–21 сентября 1920 г., а также стрельбе на стадионе Кроук Парк в Дублине 21 ноября 1920 г. В работе рассказывается о встречах лейбористов по возвращении в Лондон с представителями правительства. Автор обращается к спорам, имевшим место в рядах партии по ирландской проблематике и отношению к национализму в целом, а также к пропагандистской кампании, организованной партией в начале 1921 г. в различных частях Великобритании с целью донести до населения истинную картину происходящего в Ирландии. Кампания стала кульминацией лейбористских попыток привлечь общественное внимание к вопиющим проявлениям жестокости британских властей на «изумрудном острове».

Ключевые слова: Великобритания, ирландский национализм, Война за независимость Ирландии 1919–1921, «кровавое воскресенье» 1920 г., лейбористская партия, британское рабочее движение.

Abstract. This article examines the activity of two commissions sent by the British Labour Party to Ireland in 1920. The tense situation on the island, and the ongoing confrontation between Catholic republicans and Protestant unionists who supported the continuation of the union with London, attracted close attention in social-democratic circles. Having failed to secure from David Lloyd George's government an agreement to establish an independent investigation into violations of the law committed by the forces of order, the Labour Party undertook, in 1920, two attempts to study the situation on the island on its own. The commissions dispatched to Ireland were composed of well-known Labour figures, including members of Parliament. The article analyzes the first visit, during which party activists focused mainly on large cities and held conversations with Irish workers and trade-union representatives. The second visit was better prepared and covered, in addition to urban centers, a number of villages and small towns on the south-western coast of Ireland, where the situation was particularly acute. The author notes that during this second trip the commissioners were able to gather testimony from a larger number of people, including numerous victims of violence and arson. Particular attention is paid to Labour's impressions of the brutal events in Balbriggan on 20–21 September 1920 and of the shootings at Croke Park in Dublin on 21 November 1920. The author addresses debates within the party over the "Irish question" and nationalism more broadly, as well as the propaganda campaign organized by Labour in early 1921 across Great Britain to convey to the public a true picture of events in Ireland. This campaign marked the culmination of Labour's efforts to draw public attention to the British authorities' flagrant acts of brutality on the "Emerald Isle".

Keywords: Great Britain, Irish nationalism, The Irish War of Independence 1919–1921, Bloody Sunday, 1920, Labour Party, British labor movement.

* * *

Пасхальное восстание, поднятое в Дублине весной 1916 г. лидерами движения за независимость Ирландии и жестко подавленное Лондоном, спровоцировало пристальное внимание современников

и стало неким рубежом, перейдя который местные националисты уже не могли довольствоваться прежним лозунгом самоуправления (гомруля) для данного региона. После парламентских выборов в Соединенном Королевстве, прошедших в декабре 1918 г., ирландские депутаты, выступавшие за создание независимой Ирландской республики, отказались прибыть в Вестминстер и заседать в палате общин. Напротив, они собрались в Дублине, образовали свой собственный ирландский парламент и провозгласили независимость. Правительство Великобритании приступило к подавлению действий националистов, а в начале 1920 г. в Ирландии было введено осадное положение.

Эти драматичные события неоднократно рассматривались на страницах как зарубежной, так и отечественной историографии¹. В данной статье хотелось бы заострить внимание на восприятии лейбористской партией Великобритании ситуации в Ирландии после завершения Первой мировой войны. В те годы партия стремительно развивалась, ее место на политической авансцене страны становилось все более весомым, в 1924 г. лейбористы впервые получили возможность сформировать собственный однопартийный кабинет.

В 1920 г. партия дважды направляла в Ирландию свои комиссии с целью изучить ситуацию, не доверяя правительственной информации. Первая из них побывала на «изумрудном острове» в январе, вторая — в декабре 1920 г. По итогам обеих поездок были опубликованы отчеты, которые и стали главной источниковой базой данной статьи. Отношение лейбористов к созданию Ирландского свободного государства рассматривалось в разные годы в монографиях таких британских авторов, как Дж. Белл, А. Гиббонс². Однако в силу относительно широких хронологических рамок последний из них лишь очень коротко упоминал два этих лейбористских визита, что оставляет несомненный резерв для более детального ознакомления с ними.

¹ См., например: *Gwynn D. The History of Partition, 1912–1925.* Dublin, 1950; *The Irish Struggle, 1916–1926* / Ed. by T.D. Williams. London, 1966; *Lawlor S. Britain and Ireland, 1914–1923.* Dublin, 1983; *Nationalism and Unionism: Conflict in Ireland 1885–1921* / Ed. by P. Collins. Belfast, 1994; *Hennessey T. Dividing Ireland: World War One and Partition.* London, 1998; *Smith J. Britain and Ireland. From Home Rule to Independence.* London, 1999; *Augusteijn J. The Irish Revolution, 1913–1923.* Basingstoke, 2002; *Costello F. The Irish Revolution and Its Aftermath, 1916–1923. Years of Revolt.* Dublin, 2003; *Coleman M. The Irish Revolution, 1916–1923.* London, 2014; *Lynch R. The Partition of Ireland, 1918–1925.* New York, 2019; *Колпаков А.Д. Ирландия на пути к революции, 1900–1918 гг. М., 1976; Полякова Е.Ю. Ольстер: истоки трагедии. М., 1982.*

² *Bell G. Troublesome Business: The Labour Party and the Irish Question.* London, 1982; *Gibbons I. The British Labour Party and the Establishment of the Irish Free State, 1918–1924.* London, 2015.

В предвоенные годы партийные активисты в целом с пониманием относились к умеренному проявлению националистических настроений в Ирландии, а также Шотландии и Уэльсе. Например, будущий лейбористский премьер-министр Р. Макдональд в работе 1909 г. «Социализм и правительство» писал о необходимости «откровенного признания» национальных интересов жителей этих регионов³. В то же время у членов лейбористской партии имелись определенные «исторические обиды» на ирландских рабочих. Они заключались в том, что в дополнение к существовавшему с 1868 г. Британскому конгрессу тред-юнионов (БКТ), верховной профсоюзной организации страны, ирландцы создали в 1894 г. свой отдельный конгресс. Многие представители партии воспринимали это событие как стремление внести раскол в рабочее движение королевства. В результате отношение лейбористов к Пасхальному восстанию 1916 г. оказалось гораздо более сдержанным, нежели это могло быть при иных обстоятельствах. В речах партийных активистов периодически даже проскальзывала идея о том, что рабочим Ирландии вместо поддержки националистических лозунгов, выдвигаемых партией Шинн Фейн, следовало больше внимания уделять общим проблемам и сложностям, которые связывали всё профсоюзное движение независимо от региона⁴.

Первая лейбористская комиссия, прибывшая в Ирландию в начале 1920 г., включала шестерых членов парламента: ее руководителя и лидера партии У. Адамсона, секретаря партии А. Гендерсона, старшего парламентского организатора Т. Уилсона, а также Дж. Клайнса, А. Паркинсона, У. Смита. Секретарем прибывшей в Ирландию группы был Г. Линдси. В ходе поездки лейбористы посетили лишь относительно крупные города — Дублин, Терлс, Типперэри, Корк, Лимерик и Белфаст⁵.

Накалившаяся политическая обстановка в Ирландии, на взгляд членов комиссии, уходила корнями в давние проблемы социально-экономического характера, повлекшие за собой горькое разочарование местного населения в британской администрации, передававшееся из поколения в поколение. «Большинство ирландцев несчастливы под британским правлением», — было заявлено в 1920 г. в первом докладе комиссии⁶. Политика же репрессий по от-

³ *Macdonald J.R. Socialism and Government. In 2 vols. Vol. 1. London, 1909. P. 120.*

⁴ *Report of Proceedings at the 50-th Annual Trades Union Congress. London, 1918. P. 291.*

⁵ *Report of the Commission of Inquiry into the Present Conditions in Ireland. London, 1920. P. 3.*

⁶ *Ibid. P. 7.*

ношению к местным жителям, с точки зрения лейбористов, лишь способствовала пополнению рядов недовольных и усилению позиций Шинн Фейн⁷.

Среди острых проблем, с которыми сталкивалось население Ирландии, комиссия, во-первых, выделила рост налогов (в сравнении с 26 865 тыс. фунтов в 1918 г. общее количество сборов составило в 1919 г. 37 257 тыс.). Значительная часть поступлений уходила за пределы региона⁸. Во-вторых, был обозначен острейший жилищный кризис в городах, несмотря на то что Ирландия вполне могла, как утверждали лейбористы, увеличить выпуск собственных строительных материалов. В-третьих, комиссия указала на нехватку угля для отопления помещений. В-четвертых, отмечались вопиющие проблемы в транспортной инфраструктуре, в частности, невозможность в полной мере использовать каналы, водные пути сообщения, находившиеся в запущенном состоянии. В-пятых, было отмечено крайне вялое стимулирование развития промышленности и сельского хозяйства в целом. Вердикт комиссии был неумолим: «...на территории, дважды превосходящей по размеру Данию или Швейцарию, трижды Бельгию, с населением в два раза больше, чем в Дании и значительно превышающим Швейцарию, бедность <...> является экономической аномалией»⁹.

Судя по изученным материалам, в основном прибывшие в Ирландию в январе 1920 г. лейбористы общались с местными рабочими, представителями профсоюзов. У делегации сложилось мнение об очевидной неоднородности их взглядов. Однако в целом лейбористы пришли к выводу, что на юге, населенном главным образом католиками-сепаратистами, и на протестантском севере были вполне различимы компромиссные точки зрения. Так, члены комиссии отметили, что южане, с которыми им довелось общаться, осознавали, что в их части Ирландии, наряду с католиками, проживало немало протестантов. К тому же, призывая к отделению, они не исключали предоставления в дальнейшем самоуправления Ольстеру, где в основном были сконцентрированы протестанты-юнионисты, сторонники союза с Лондоном, но лишь в отсутствие там оккупационной английской армии¹⁰.

Что касается северной Ирландии, то комиссия заявляла, что среди ее рабочего населения имелось значительное число опрошен-

⁷ Ibid. P. 3.

⁸ Ibid. P. 8.

⁹ Ibid. P. 8–9.

¹⁰ Ibid. P. 7.

ных, готовых по-прежнему принять идею гомруля, несмотря на то что официально ирландский конгресс тред-юнионов, расположенный в Дублине, и ирландские лейбористы отвергли ее в специальной резолюции. Ирландская лейбористская партия была образована в 1912 г. Она практически в полном составе отказалась от участия в парламентских выборах 1918 г. с тем, чтобы не раскалывать голоса националистов. Лейбористская комиссия, тем не менее, пришла к выводу, что многие рабочие северной части Ирландии все еще верили, что самоуправление всего острова в течение нескольких лет способно будет снять требование о его независимости с повестки дня¹¹.

Основной вердикт январской комиссии 1920 г. состоял в том, что при современном разбросе мнений в Ирландии найти одно подходящее для всех решение проблем совершенно нереально. Каждое предлагаемое средство урегулирования чревато осложнениями. Однако «отделение — не выход», говорилось на страницах доклада. Члены партии считали, что пути урегулирования следовало искать, отталкиваясь от двух противоположных и в целом неприемлемых вариантов: позиции убежденных юнионистов, не желавших вообще ничего менять в регионе, и призывов Шинн Фейн к полному отделению от королевства¹².

Комиссия во главе с Адамсом настаивала на принципе самоопределения для ирландцев, согласно которому население должно было само решить свое будущее. В ее отчете выражалась уверенность в том, что если местным жителям позволят спокойно, без нажима со стороны Лондона выбрать, остаться ли в рамках империи либо полностью отделиться, то они наверняка склонятся к тому, что «связь не должна быть полностью разорвана». Лейбористы отмечали, что огромную роль в достижении согласия в регионе должна сыграть возможность для ирландцев осуществить свой выбор не под нажимом, а добровольно¹³. Для того, чтобы сделать правильный выбор, необходим был некий успокоительный период, в течение которого Лондон имел бы возможность решить вопиющие социально-экономические проблемы острова. Комиссия рассматривала в докладе вариант предоставления Ирландии статуса доминиона с сохранением за Лондоном верховных полномочий в сфере внешней и оборонной политики. Она также отмечала, что форма самоуправления, приемлемая для большинства жителей, могла быть рассмотрена Консти-

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid. P. 9–10.

¹³ Ibid. P. 10.

туционной ассамблеей всего острова, образованной на основе пропорционального представительства¹⁴.

После завершения визита первой комиссии ирландский вопрос обсуждался в июне 1920 г. на ежегодной конференции лейбористской партии в Скарборо. Выступивший на ней известный представитель Фабианского общества С. Вебб отмечал, что Ирландия (по его словам, британская «страна-сестра») находилась в отчаянном положении. Плохо, когда жестокая система подавления применялась в Египте или Индии, заявил фабианец, однако еще более пугает, когда подобное имеет место совсем близко от родных берегов, «поскольку то, что происходит в Ирландии сегодня, завтра может случиться в самой Англии»¹⁵. В его обращении к участникам конференции вновь прозвучал тезис, что ирландцы должны сами определить свою судьбу.

В то же время на конференции 1920 г. было выражено мнение, что шинфейнеры на основе принципа самоопределения готовы строить только и исключительно независимую от Лондона республику, что не отвечает интересам большинства ирландских рабочих. В частности, против самоопределения выступили такие известные в партии фигуры, как Э. Шинвелл и Дж. Томас. Любопытно, что первый из них был в те годы представителем левого лейбористского политического фланга, второй — правого. Это свидетельствует о том, что скепсис в отношении ирландского национализма присутствовал среди лейбористов, придерживавшихся различных взглядов. Томас открыто от лица скептиков провозгласил на конференции 1920 г., что лейбористское движение никогда не согласится на создание Ирландской республики¹⁶.

В то же время в поддержку Вебба выступили авторитетный партийный и профсоюзный деятель Б. Тиллетт, а также ряд других. Тиллетт отметил, что ему всё равно, будет ли на «изумрудном острове» республика либо иная форма правления, и призвал хотя бы раз в 200 лет дать возможность ирландцам реализовать свои права и обязанности. Несмотря на разногласия, резолюция о самоопределении, праве ирландцев на политическую независимость в решении своей судьбы, созыве общеирландской Конституционной ассамблеи на основе пропорционального представительства, а также о немедленном выводе британских оккупационных войск, в целом, по сути, совпадающая с тем, что было рекомендовано январской комиссией, была принята большинством голосов¹⁷.

¹⁴ Ibid. P. 11.

¹⁵ Report of the 20-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1920. P. 161.

¹⁶ Ibid. P. 165–167.

¹⁷ Ibid. P. 164, 168.

Настойчивая апелляция лейбористов к идее пропорционального представительства в ирландской ассамблее была неслучайной. В январском докладе в связи с этим приводилась красноречивая статистика, свидетельствующая о том, что если бы парламентские выборы проводились в Ирландии в 1918 г. не по мажоритарной (принятой в королевстве), а по пропорциональной системе, то шинфейнеры по приблизительным подсчетам получили бы не 73, а всего 57 мест. Это почти уравнило бы их с юнионистами, давая надежду на сохранение острова в составе королевства¹⁸.

20 октября 1920 г. секретарь партии А. Гендерсон выступил в парламенте с резкой критикой политики правительства в отношении «изумрудного острова». Палате общин было предложено принять формулировку о том, что она «сожалеет о беззаконии в Ирландии и отсутствии дисциплины в рядах королевских вооруженных сил», а также объявить об инициировании независимого расследования творящихся там безобразий¹⁹. Предложение было отвергнуто 346 голосами депутатов против 79²⁰. В результате в декабре 1920 г. лейбористская партия направила собственную — вторую — комиссию в Ирландию. На этот раз во главе ее находился упомянутый А. Гендерсон. В нее вошли У. Адамсон (сохранявший за собой пост лидера партии), профсоюзные функционеры, члены лейбористского исполкома Дж. Бромли и А. Кэмерон, члены парламента Дж. Лоусон и У. Ланн. Наряду с ними в комиссии был представлен известный лейбористский деятель левого толка, активист Независимой рабочей партии Ф. Джоуэтт. В числе прибывших были юридический и военный консультанты, пресс-секретарь и стенографистка. Секретарем комиссии был А. Гринвуд, в дальнейшем сделавший внушительную министерскую карьеру в лейбористских правительствах. В поездке гостей из Лондона сопровождал секретарь ирландской лейбористской партии и местного конгресса тред-юнионов Т. Джонсон²¹. Адамсон и Гендерсон покинули Ирландию раньше остальных, в оставшееся время руководителем комиссии оставался Кэмерон. Периодически участники поездки разбивались на группы, чтобы иметь возможность посетить большее количество мест.

Второй визит лейбористов в Ирландию был гораздо обширнее. В подробном отчете комиссии, изданном в 1921 г., подчеркивалось, что она пользовалась благосклонным приемом со стороны офици-

¹⁸ Report of the Commission of Inquiry into the Present Conditions in Ireland. P. 6.

¹⁹ Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 1920. Vol. 133. Col. 925.

²⁰ Ibid. Col. 1036–1037.

²¹ Report of the Labour Commission to Ireland. London, 1921. P. 1–2.

альной гражданской и военной администрации, ее члены имели возможность ездить куда желали, без каких-либо ограничений. Лейбористы отправились в путь 30 ноября и пробыли на «изумрудном острове» до середины декабря 1920 г. Несколько дней они находились в Дублине, далее осмотрели Корк, Килларни, Трали и еще несколько населенных пунктов в графстве Керри, съездили в Лимерик, Типперэри, затем вернулись в Дублин. В ходе путешествия гости посетили целый ряд деревень²².

Члены партии не скрывали, что прибыли на этот раз с целью внимательно оценить степень жестокости власти и правомерность ее действий, непредвзято разобраться в ситуации. Особое внимание было уделено тому, чтобы изучить происходящее в отдалении от столицы, пристальный взгляд был прикован к крайне беспокойному юго-западному побережью. По возвращении представитель лейбористской делегации Кэмерон отмечал, что увиденное вызвало всеобщее отвращение и повергло в шок²³. То обстоятельство, что вооруженные люди имели право действовать на стороне закона и порядка от имени британского правительства, вовсе не должно было давать им права выходить за рамки этого закона, говорилось в отчете²⁴.

Участники комиссии были поражены «атмосферой террора», которая присутствовала даже там, где на первый взгляд ничего не происходило. У лейбористов сложилось ощущение, что местные жители были крайне напуганы арестами и поджогами. Особое впечатление на наблюдателей из Лондона произвели грузовики с военными, державшими винтовки наперевес, привычно разъезжавшие по городам и сельской местности и, как говорилось в докладе, косвенно нагнетавшие и без того зловещую обстановку²⁵. Отчет второй комиссии был снабжен многочисленными фотографиями, подтверждавшими увиденное: сгоревшие здания, следы разрушений на улицах, выбитые окна.

Комиссия описывала в докладе конкретные места, где она исследовала результаты карательных действий сил порядка: пострадавшие маслобойни в деревнях Шанаголден и Аббидорни, сгоревшую в конце октября чулочную фабрику в Бандене, сожженное административное здание муниципального совета Трали, местный театр, а также типографию, ущерб от уничтожения которой оценивался в

²² Ibid. P. 2–3.

²³ Report of the 21-st Annual Conference of the Labour Parry. London, 1921. P. 146.

²⁴ Report of the Labour Commission to Ireland. P. 52.

²⁵ Ibid. P. 9.

50 тыс. фунтов, поврежденные пламенем многочисленные конторы и магазины в Корке и многое другое. Например, лейбористы подробно описывали на страницах отчета вопиющий случай в одной из деревень, где полицейские сожгли дом 75-летней женщины, прикованной к постели. Вместе с ней проживали две взрослые дочери и маленький мальчик. Силы порядка разыскивали ее старшего сына. Не обнаружив его, они выгнали домочадцев из жилища, не позволив им даже одеться, залили бензином мебель и подожгли. Часть воспламеняющейся жидкости досталась находившимся в сарае свиньям и домашней птице. Утром после пожара на скотном дворе были найдены канистры из-под бензина²⁶.

Лейбористы открыто провозглашали, что поджоги — это целенаправленная политика местных властей²⁷. На взгляд комиссии, если бы на секретаря по делам Ирландии оказывалось более жесткое давление в парламенте с целью разоблачения всех поджогов, число официально признанных случаев подготовленного намеренного их совершения силами порядка было бы гораздо больше. Это неизбежно повлияло бы на общественное восприятие происходившего в Ирландии.

В некоторых случаях представители власти пытались внушить прибывшим лейбористам, что шинфейнеры сами совершали поджоги, используя чужую полицейскую и военную униформу, чтобы запутать следы и подогреть антиправительственные настроения среди местного населения. Члены комиссии, однако, не верили в подобные версии событий. Они подчеркивали, что, как правило, пожары охватывали места, где проживали видные представители шинфейнеров, либо были сконцентрированы дома националистов. Гости из Лондона заявляли в докладе, что не доверяют версии, будто бы шинфейнеры сами поджигали свое жилье и имущество с сомнительной целью бросить тень на британское правительство²⁸.

Помимо поджогов комиссия отметила такие характерные черты, как постоянная стрельба на улицах, а также грабежи, обыски и жестокое унижение людей. На страницах отчета приводилась беседа лейбористов с ветераном Первой мировой войны, которого подозревали в обучении шинфейнеров стрельбе из пулемета. Пострадавший сообщал, что был избит полицейскими, они заставили его встать на колени и поклясться, что он не является повстанцем. Затем ему был показан портрет одного из лидеров националистов И. де Валеры, на

²⁶ Ibid. P. 19.

²⁷ Ibid. P. 21.

²⁸ Ibid. P. 21–23.

который ему велели плюнуть три раза под угрозой расстрела. Похожая история произошла с 18-летним ирландцем, в кармане которого был найден портрет представителя националистов писателя Т. Макссуини, недолгое время находившегося на посту лорда-мэра Корка, затем арестованного в августе 1920 г. и скончавшегося в английской тюрьме Брикстон в результате голодовки незадолго до прибытия на остров лейбористской комиссии. Молодой человек рассказывал, что его также ставили на колени и заставляли осквернить изображение де Валеры²⁹. Подобное обращение, с точки зрения социалистов, являлось позором для всех, кто был за него прямо или косвенно ответственен.

Что касается обысков, то лейбористы, например, посетили в Дублине офис профсоюза художников и декораторов, разгромленный полицией 24 ноября 1920 г. Как было отмечено в отчете, помещения не были приведены в порядок после обыска, и члены партии нашли их точно в том состоянии, в котором их оставили силы порядка. Столы были везде перевернуты, деловые бумаги и корреспонденция валялись на полу. С точки зрения комиссии, даже если обыск с целью найти компрометирующие документы был правомерен, то подобный дикий разгром помещений сложно было оправдать³⁰.

Члены партии были особенно возмущены постоянным унижением в ходе полицейских рейдов ни в чем не повинных женщин и детей. В отчете приводились красочные примеры, которые стали известны лейбористам благодаря интервью с жертвами обысков. Например, группа из шести представителей сил порядка, один из которых был пьян, ворвалась в час ночи в дом в поисках отсутствовавшего в это время 76-летнего мужчины. В результате жертвами обыска оказались его престарелая жена и дочь, которые были подвергнуты оскорблениям и угрозам пистолетом. Один из участников обыска, одетый в гражданскую одежду, по свидетельству очевидцев, говорил с североирландским акцентом. Другой обыск, красочно описанный на страницах отчета, произошел дважды в доме несчастной вдовы. В поисках ее сыновей военные по привычке угрожали пистолетом ей, а также ее больной дочери, лежавшей на кровати на втором этаже³¹. Также лейбористы сообщали об известных им по опросам свидетелей неоднократных случаях убийства людей прямо на улицах, эпизодах, которые превратились в ужасающую обыденность.

²⁹ Ibid. P. 26–27.

³⁰ Ibid. P. 24–25.

³¹ Ibid. P. 28–29.

Если говорить о восприятии комиссией обстановки в конкретных городах, то ее неприятно поразил Корк, считавшийся в ту пору одним из оплотов шинфейнеров. Атмосфера в этом городе «не поддается описанию», подчеркивалось в отчете. За последние 12 месяцев в Корке сменились 3 лорда-мэра: первый был убит в присутствии своей жены, второй, упомянутый выше Максуйни, скончался в тюрьме вследствие голодовки, третий — «в бегах», сокрушались авторы отчета³². Результатом террора в Корке стал экономический упадок. Непосредственно в период пребывания комиссии в Ирландии в городе произошел мощный пожар в ночь с 11 на 12 декабря 1920 г. Лейбористы фотографировали сгоревшие здания и опрашивали многочисленных свидетелей, видевших, как незадолго до возгорания в дома входили люди в форме. В целом члены партии не выразили ни малейшего сомнения, что трагические события стали карательной акцией «черно-пегих» (особого резерва Королевской ирландской полиции) и так называемой Вспомогательной дивизии, также входившей в состав полицейских сил Ирландии³³.

Особое возмущение комиссии вызвали события в Балбриггане в ночь с 20 на 21 сентября 1920 г. В ответ на убийство двух полицейских в городе последовала масштабная карательная акция с целью устрашения местного населения. Лейбористы заявляли в отчете, что королевские силы порядка вышли из-под контроля, начав мстить целому городу. Опросы очевидцев событий, проведенные членами партии, свидетельствовали, что напуганные люди, спасаясь от пожара и стрельбы, вынуждены были в ночной одежде в панике выбегать из Балбриггана прямо в близлежащие поля, в результате чего улицы и дома города практически полностью опустели³⁴.

Отдельная часть доклада была посвящена «кровавому воскресенью» 21 ноября 1920 г. в Дублине. После гибели от рук Ирландской республиканской армии (ИРА) свыше десяти сотрудников правительственных спецслужб ирландские полицейские ворвались на футбольный матч, проходивший на дублинском стадионе Кроук Парк. Согласно официальной версии, полицейские якобы не открывали первыми огонь по находившимся там людям, а лишь действовали в ответ на то, что в них начали стрелять с двух сторон из толпы. Об этом было официально заявлено в палате общин 23 ноября секретарем по делам Ирландии Х. Гринвудом. Он признал, что в результате были убиты 12 человек, серьезно ранены 11, легкие

³² Ibid. P. 33.

³³ Ibid. P. 35.

³⁴ Ibid. P. 38–40.

ранения и повреждения получили около 50 присутствовавших на стадионе³⁵.

Интерпретация событий, изложенная Гринвудом, была оспорена в ходе парламентской дискуссии либералом Дж. Кенворти (вскоре перешедшим в ряды лейбористской партии)³⁶. Члены второй комиссии, находившиеся в это время в Ирландии, со своей стороны, самостоятельно опросили свидетелей. Протоколы интервью были приложены к отчету. Они позволили лейбористам по горячим следам усомниться в правительственной версии. Напротив, опрошенные партийными активистами люди утверждали, что полицейские первыми открыли огонь в сторону толпы сразу по прибытии на место. Более того, самые ранние выстрелы начали раздаваться, когда «черно-пегие» еще даже не зашли на стадион³⁷. В частности, в докладе особо отмечалось, что никого из националистов не удалось задержать с оружием. Лейбористы не оправдывали действия ИРА, тем не менее, оценивали события на стадионе как трагедию, иллюстрацию некомпетентности властей, допустивших невинные жертвы. «Случившемуся нет оправдания» — таков был вердикт лейбористского доклада. Ирландская полиция обвинялась в «спланированной жестокости» и неспособности себя контролировать³⁸. Члены партии называли «карикатурой на происходящее» на острове и иные приводимые в отчете заявления в парламенте секретаря по делам Ирландии Гринвуда относительно неизменной невинности сил порядка в гибели людей³⁹.

Комиссия не исключала, что в Лондон целенаправленно и систематически направлялась искаженная информация из Ирландии, представлявшая резонансные столкновения националистов с полицией в выгодном для последней свете. Невозможно представить, чтобы «черно-пегие» передавали вышестоящему начальству сообщения об изученных лейбористами трагических эпизодах в ущерб себе, опираясь на достоверные факты, говорилось на страницах отчета⁴⁰.

Что касается ИРА, то у лейбористов сложилось впечатление, что она фактически неуловима и не подпадает под определение армии и

³⁵ Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 1920. Vol. 135. Col. 200–201.

³⁶ Ibid. Col. 201.

³⁷ Report of the Labour Commission to Ireland. P. 73.

³⁸ Ibid. P. 42.

³⁹ Ibid. P. 45.

⁴⁰ Ibid. P. 52.

прямом смысле слова, которую можно было бы заставить принять бой и разгромить, имея внушительный военный ресурс. «Она постоянно присутствует везде и нигде в конкретный момент». Без симпатии и поддержки огромного большинства населения ИРА не смогла бы существовать, заявляли лейбористы. Ее участникам дают еду и кров те ирландцы, которые три года назад еще не были шинфейнерами, а многие являлись юнионистами, утверждали члены партии. Казни и репрессии, на их взгляд, не могли служить сдерживающим фактором. В связи с этим в лейбористском документе приводился пример, как после событий, связанных с повешением в ноябре 1920 г. 18-летнего волонтера ИРА К. Барри, несколько сотен юношей Дублина изъявили желание немедленно пополнить ряды повстанческой армии⁴¹.

А. Гендерсону и У. Адамсону удалось во время поездки посетить тюрьму Маунтджой в Дублине и встретиться с А. Гриффитом, одним из создателей партии Шинн Фейн, арестованным незадолго до этого в ноябре 1920 г. Они также нанесли визит архиепископу Дублина Уолшу. Гендерсон совершил отдельное путешествие в Арму для разговора с авторитетным ирландским католическим священником кардиналом Логом. Два церковных иерарха заметно отличались друг от друга. Оба до войны поддерживали идею гомруля. Однако Лога принято было считать более консервативным и менее интеллектуально утонченным в сравнении с Уолшем. Один из лидеров ирландских националистов де Валера называл последнего человеком, к которому чувствовал сыновью привязанность и на которого всегда мог опереться в поисках мудрости и совета⁴².

Члены лейбористской партии провели беседы с представителями Ирландского конгресса тред-юнионов и местной лейбористской партии. На встречах с ними, а также с упомянутыми иерархами католической церкви речь шла о подготовке комиссией специального совместного с ними воззвания к правительству. Оно должно было положить конец провокациям и насилию со стороны как короны, так и националистов с целью достижения некоей обязательной передышки, после которой можно было бы начать переговоры о постоянном прекращении огня и выработке политических договоренностей о будущем Ирландии⁴³. Лейбористы также имели возможность поговорить в Дублине с секретарем по делам Ирландии, офицерами

⁴¹ Ibid. P. 8.

⁴² *Keogh D. The Vatican, The Bishops and Irish Politics 1919–1939. Cambridge; London; New York, 1988. P. 12, 25.*

⁴³ Report of the Labour Commission to Ireland. P. 62.

полицейскими, гражданскими служащими, представлявшими британское правительство.

В целом выводы комиссии состояли в том, что даже во имя сохранения империи и наведения порядка недопустимо было применять столь жестокие средства. Политика террора и насилия была названа постыдной для Британии. Члены партии не могли скрыть возмущения тем, что с целью наказать виновных военные силы держали в страхе и ужасе целые населенные пункты. Силы порядка в Ирландии вышли из-под контроля, говорилось в отчете, и тот факт, что Лондон этого не признаёт, компрометирует его еще больше даже в том случае, если не все карательные акции осуществлялись по его прямым распоряжениям⁴⁴.

Социалисты пришли к выводу, что бытующее среди некоторых политиков мнение о том, что шинфейнеры готовы сложить оружие без всяких условий, в действительности преувеличено. Члены комиссии пытались убедить современников, что шинфейнеры будут способны к диалогу только на условиях признания их равноправной стороной подобного процесса, «как выборных представителей одной нации, ведущих переговоры с выборными представителями другой нации». У британских наблюдателей сложилось лестное впечатление о самих себе: будто бы большинство ирландцев рассматривало именно лейбористскую партию как последнюю надежду на согласие в регионе⁴⁵.

Население Ирландии находилось в постоянном напряжении, это негативно отражалось на его здоровье, говорилось во втором отчете. Экономика также оказалась доведенной до плачевного состояния, особенно страдала торговля из-за разрушений, страха перед террором, закрытия рынков и приостановки во многих местах работы железнодорожного транспорта. Члены партии оценивали подобную политику как провальную. Они допускали, что временный успех Лондона в деле подавления повстанцев возможен, однако его следствием станет еще большая ненависть местного населения. Лейбористы утверждали, что поколение молодых ирландцев будет расти, обуреваемое чувством ненависти ко всему британскому⁴⁶.

Раньше других уехавшие из Дублина А. Гендерсон и У. Адамсон были приняты премьер-министром Д. Ллойд Джорджем 7 декабря 1920 г. и получили возможность поделиться с ним впечатлениями от поездки. Однако никакого прорыва после этого не последовало.

⁴⁴ Ibid. P. 53–54.

⁴⁵ Ibid. P. 61, 64.

⁴⁶ Ibid. P. 54–56.

10 декабря Ллойд Джордж выступил в парламенте по ирландскому вопросу. Он заявил, что правительство в целом желает мира. Однако подчеркнул, что в некоторых районах Ирландии есть радикальные силы, без скорейшего силового подавления которых наступление мира и переговоры невозможны. Напротив, с точки зрения премьер-министра, правительству необходимо было усилить давление на повстанцев в «неспокойных районах». Речь шла в первую очередь о юго-западном побережье⁴⁷.

16 декабря, когда все члены комиссии уже вернулись в Лондон, лейбористам удалось добиться еще одной встречи участников поездки с главой кабинета в расширенном составе. На этот раз на ней присутствовали не только все члены комиссии, но также со стороны правительства лидер консервативной партии, лорд-хранитель Малой печати Э. Бонар Лоу и секретарь по делам Ирландии Х. Гринвуд. Лейбористы обратились к правительству с призывом немедленного прекратить насилие с целью создания благоприятной почвы для переговоров. Однако, к разочарованию социалистов, обещание последовать данному совету от Ллойд Джорджа в ходе встречи получено не было⁴⁸.

В целом уже вскоре после возвращения в Лондон членов комиссии, рассчитывавших на немедленную реакцию правительства под влиянием привезенной ими свидетельской информации, наступило разочарование. 23 декабря 1920 г. У. Адамсон и А. Гендерсон написали Ллойд Джорджу письмо. В нем говорилось, что упомянутая выше речь премьер-министра в палате общин 10 декабря вызвала глубокое разочарование у ирландской лейбористской партии и конгресса тред-юнионов, которые сообщили авторам письма, что не готовы будут присоединиться к лейбористскому воззванию о скорейшем прекращении насилия с обеих сторон, хотя ранее выражали такое намерение в ходе взаимных консультаций во время визита комиссии в Ирландию. «Нас это не удивляет», — подчеркивали британские лейбористы в послании к Ллойд Джорджу. Адамсон и Гендерсон обращались к премьер-министру с просьбой еще раз подумать о возможности «неофициального перемирия», настаивая, что из создавшегося тупика выход может найти только правительство, благородно пообещав в одностороннем порядке немедленное прекращение насилия⁴⁹. Фактически это означало бы отказ от обещанного Ллойд Джорджем подавления националистов на юго-западе.

⁴⁷ Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. 1920. Vol. 135. Col. 2608.

⁴⁸ Report of the Labour Commission to Ireland. P. 62.

⁴⁹ Ibid. P. 63.

Отчет второй лейбористской комиссии был подписан 28 декабря и рассмотрен на специальной партийной конференции в Лондоне 29 декабря 1920 г. На мероприятии присутствовали участники поездки, а также двое ирландцев. Всего собралось около 800 человек. Перед ними выступили А. Кэмерон, А. Гринвуд, Дж. Бромли, А. Гендерсон, У. Ланн, У. Адамсон, военный советник комиссии бригадный генерал К.Б. Томсон, вкратце повторившие основные положения своего отчета. Гринвуд отметил, что несмотря на ужас от увиденного в Ирландии, авторы доклада постарались воздержаться от истерии на его страницах и сдобности сдержанную тональность повествования, полагая, что это придаст весомость свидетельскому документу и вызовет большее доверие читателей⁵⁰.

Особого интереса заслуживает выступление Томсона. Он поделился с участниками конференции некоторыми наблюдениями, которые не были отражены непосредственно в отчете. Например, Томсон обратил внимание на то, что встречавшиеся ему британские солдаты, проходившие службу в Ирландии, были в основном очень юны, некоторые «всего лишь дети». На взгляд генерала, в силу молодости и отсутствия опыта они были явно не подготовлены к тому, чтобы нести службу в столь сложной обстановке, требовавшей от солдат строжайшей дисциплины. Что касается Королевской ирландской полиции, то Томсон подчеркнул, что в ее рядах пребывали люди вполне зрелые, однако среди них попадались наредкость злые по характеру, которые злоупотребляли спиртным, вели себя как самодовольные хулиганы, пьяные дебоширы и таким образом бросали тень на подразделения в целом. Лейбористский военный советник задал ироничный вопрос присутствовавшим на конференции, ощущали бы англичане безопасность, если бы их британские констебли вместо поддержания порядка вели себя подобным образом⁵¹. О Вспомогательной дивизии ирландской полиции Томсон отзывался в целом более сдержанно, отметив, что в ее рядах имелось немало образованных и интеллигентных людей. Тем не менее, среди них сильны антикатолические настроения, напомнил партийный советник, и они неспособны оставаться нейтральными на фоне бушующих в Ирландии страстей. Именно участники данной дивизии, на взгляд Томсона, были авторами наиболее изощренных и спланированных карательных акций⁵².

⁵⁰ Ibid. P. 103.

⁵¹ Ibid. P. 106.

⁵² Ibid. P. 107.

Представителям ирландского профсоюзного и лейбористского движения Ш. Макпартлену и Т. Джонсону, сопровождавшему комиссию, также было дано слово. Приведенные ирландцами дополнительные примеры расправ сил порядка над местными жителями сопровождалась возгласами присутствовавших: «Позор!» Первый из выступивших подчеркнул, что, по его мнению, несмотря на отправку комиссии, британские рабочие в целом пребывали в состоянии определенной апатии в отношении ирландского вопроса, и необходима была интенсивная пропаганда, чтобы ее преодолеть. Вторым же откровенно признался в том, чего как раз опасалась часть скептически настроенных в отношении национализма лейбористов: если бы ирландским рабочим была дана возможность завтра же выбрать будущее своего региона на основе самоопределения, сказал Джонсон, то они проголосовали бы за рабочую республику⁵³.

Конференция 29 декабря приняла в итоге две резолюции. Первая из них призывала к немедленному юридическому расследованию бесчинств в Ирландии. Вторая требовала скорейших переговоров противоборствующих сторон, вывода вооруженных сил и созыва Конституционной ассамблеи Ирландии на основе пропорционального представительства для выработки Конституции, которую пожелает местное население. В то же время было подчеркнуто, что Конституция в любом случае обязана охранять интересы меньшинства на «изумрудном острове», а он сам не должен превратиться в военную либо морскую угрозу для Великобритании⁵⁴.

В начале 1921 г. последовала партийная пропагандистская кампания в различных частях страны с целью популяризации отчета комиссии среди населения и разъяснения лейбористской точки зрения на происходившее в Ирландии. Во всех крупных мероприятиях неизменно принимали участие члены комиссии, а также парламента. Кампания началась 17 января 1921 г. с массового собрания в Зале свободной торговли в Манчестере. Всего было проведено свыше 500 мероприятий по всей Британии, число собравшихся на них варьировалось от сотен до нескольких тысяч человек. Наиболее массовой, пожалуй, стала акция 15 февраля 1921 г. в лондонском Альберт-холле⁵⁵. Еще с довоенных времен лейбористы традиционно использовали эту площадку для важнейших многолюдных мероприятий. Всего в ходе кампании партия распространила по 10 тыс. экземпляров

⁵³ Ibid. P. 108–110.

⁵⁴ Report of the 21-st Annual Conference of the Labour Party. P. 23; Report of the Labour Commission to Ireland. P. 110, 113.

⁵⁵ Report of the 21-st Annual Conference of the Labour Party. P. 24.

первого и второго изданий декабрьского отчета комиссии, а также многочисленные листовки и фотографии с последствиями пожаров, взрывов, сделанные во время поездки. Наряду с этим популярностью среди участников кампании пользовался памфлет «Кто сжег город Корк?», опубликованный отдельной брошюрой. В завершение всех митингов принималась неизменная резолюция, повторявшая формулировки, одобренные ранее на специальном лейбористском мероприятии 29 декабря⁵⁶.

На ежегодной партийной конференции, проходившей в июне 1921 г. в Брайтоне, ирландский вопрос вновь был вынесен на обсуждение. Дискуссия стала очередным подтверждением того, что настроения в рядах партии в отношении националистов были весьма противоречивыми.

С одной стороны, участник второй лейбористской комиссии в Ирландию Ф. Джоуэтт и его сторонники говорили на конференции о том, что после публикации отчета правительство так и не назначило разбирательства, напротив, зверства на острове со стороны королевских вооруженных сил продолжались. Лейбористка М. Карлинг, например, эмоционально заявляла, что с детства была приучена думать, будто бы принадлежность к английской нации должна внушать гордость, поскольку она выступает за правду и справедливость, в защиту слабых. Теперь же Карлинг испытывала стыд от того, как ее соотечественники-мужчины обходились с ирландскими женщинами⁵⁷. В процессе обсуждения один из делегатов конференции отметил, что лейбористы всегда были сторонниками интернационализма, однако он призвал современников осознать, что прежде чем ставить во главу угла данный принцип, необходимо признать индивидуальность каждой нации и каждого отдельного человека. Попытка подменить доводы силой, а разум пулями способна в конечном счете лишь разрушить Британскую империю, предостерегал оратор⁵⁸.

С другой стороны, во время лейбористского обсуждения была отчетливо высказана точка зрения, что именно шинфейнеры своими зверствами спровоцировали возмездие со стороны сил порядка в Ирландии. Спокойствие не могло быть достигнуто в регионе до тех пор, пока радикальное крыло националистов не подавлено, заявил на конференции представитель одного из влиятельных профсоюзов. От лица сторонников жесткого решения ирландской проблемы прозвучал тезис о том, что либеральное правительство Г. Асквита сво-

⁵⁶ Ibid. P. 25.

⁵⁷ Ibid. P. 196.

⁵⁸ Ibid. P. 197–198.

ими уступками ирландцам в виде закона о самоуправлении 1914 г. лишь спровоцировало обострение обстановки на острове, разожгло своего рода пожар, которого могло и не быть⁵⁹.

6 декабря 1921 г. британскому правительству удалось наконец заключить с Ирландией договор, по которому шесть ее северных графств сохранялись в составе королевства со столицей в Белфасте. Подавляющее же большинство территории было провозглашено Ирландским свободным государством со статусом доминиона. Тем не менее, эти события не привели к миру в регионе, поскольку радикальное крыло шинфейнеров так и не приняло достигнутый компромисс. На парламентских выборах 1922 г. лейбористы призывали в своем предвыборном документе к признанию новой Конституции Ирландского свободного государства, выдвинув наряду с этим довольно абстрактный лозунг: предпринять меры, чтобы сделать Ирландию «единой, процветающей и довольной»⁶⁰.

Подводя итог, необходимо отметить, что вторая лейбористская комиссия, побывавшая в Ирландии в конце 1920 г., провела заметно более тщательную работу, чем первая. Если январский отчет партийных активистов был практически лишен детальных зарисовок, рассказов об отдельных людях, пострадавших в результате репрессивных действий властей, то второй документ был заметно шире по своему географическому охвату и буквально изобиловал подробностями. К тому же он содержал немало обширных цитат, протоколов интервью, которые члены партии брали у пострадавших, в том числе женщин, а также богатый иллюстративный материал. Последний должен был наглядно представить современникам картину происходившего в Ирландии. Для того времени он был поистине уникален. Лейбористы сами прекрасно понимали ценность именно второго отчета. Его многотысячный тираж, быстро разошедшийся среди населения, являлся ярким тому подтверждением.

Лейбористские комиссии в Ирландию должны были всколыхнуть общественное мнение, поднять интерес к происходившим там событиям среди британских рабочих. Их создание было продиктовано и желанием нанести удар по политическим соперникам, указать на неудачи курса, проводимого консервативно-либеральным кабинетом Ллойд Джорджа.

Взгляд британских социалистов интересен в первую очередь тем, что представляет собой специфический срез восприятия событий.

⁵⁹ Ibid. P. 198.

⁶⁰ Labour Party General Election Manifestos, 1900–1997 / Ed. by I. Dale. London; New York, 2002. P. 19.

Приехавшие на «изумрудный остров» члены партии не были ни историками, ни журналистами, ни представителями властей. В целом подобный формат поездок в горячие точки того времени был весьма распространен в лейбористской партии. Например, после Первой мировой войны она направляла активистов в Венгрию, в Советскую Россию. Лейбористские очевидцы, как правило, придерживались той позиции, что местному населению должно быть дано право самим определять будущее без вмешательства извне. Отчеты комиссий из Ирландии не стали в этом плане исключением.

В то же время изученный материал демонстрирует, что в 1920 г. британские социалисты еще явно не теряли надежду на то, что Ирландия как единое целое сможет каким-либо образом сохранить свою неразрывную связь с Лондоном. Пожалуй, первый отчет начала 1920 г. в этом плане выглядел более оптимистичным, нежели второй, подготовленный на фоне не прекращавшихся в течение года кровавых столкновений с националистами и репрессивных действий властей. Позиция неофициальных посредников в решении конфликта оказалась тем не менее для второй комиссии, по ее собственному признанию, весьма сложной и неудобной, поскольку она не имела никаких законных полномочий. По возвращении она могла лишь взывать к Ллойд Джорджу, чей кабинет, располагавший абсолютным парламентским большинством, вовсе не обязан был прислушиваться к мнению социалистов.

Характерной особенностью лейбористских оценок стал акцент на том, что недисциплинированность и жестокость местных полицейских подразделений была следствием недостаточного контроля из Лондона. Партия не оправдывала националистов, однако, поскольку она фактически подталкивала Ллойд Джорджа к первому шагу в сторону мира в регионе, ее внимание оказалось приковано в большей степени к примерам бесчинств со стороны властей, подчинявшихся британской короне, нежели к насильственным действиям непосредственно самих шинфейнеров, которые также имели место, но фактически остались за рамками отчетов.

References

- Augusteijn J. *The Irish Revolution, 1913–1923*. Basingstoke: Palgrave, 2002. 248 p.
- Bell G. *Troublesome Business: The Labour Party and the Irish Question*. London: Pluto Press, 1982. 168 p.
- Coleman M. *The Irish Revolution, 1916–1923*. London: Routledge, 2014. 169 p.
- Costello F. *The Irish Revolution and Its Aftermath, 1916–1923. Years of Revolt*. Dublin: Irish Academic Press, 2003. 452 p.

- Gibbons I. The British Labour Party and the Establishment of the Irish Free State, 1918–1924. London: Palgrave Macmillan, 2015. 263 p.
- Gwynn D. The History of Partition, 1912–1925. Dublin: Browne and Nolan, 1950. 244 p.
- Hennessey T. Dividing Ireland: World War One and Partition. London: Routledge, 1998. 302 p.
- The Irish Struggle, 1916–1926 / Ed. by T.D. Williams. London: Routledge, 1966. 193 p.
- Keogh D. The Vatican, The Bishops and Irish Politics 1919–1939. Cambridge; London; New York: Cambridge University Press, 1988. 304 p.
- Kolpakov A.D. *Irlandiya na puti k revolyutsii, 1900–1918 gg.* [Ireland on the Road to Revolution, 1900–1918]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. 280 p.
- Lawlor S. Britain and Ireland, 1914–1923. Dublin: Gill and Macmillan, 1983. 291 p.
- Lynch R. The Partition of Ireland, 1918–1925. New York: Cambridge University Press, 2019. 248 p.
- Nationalism and Unionism: Conflict in Ireland 1885–1921 / Ed. by P. Collins. Belfast: Queen's University, 1994. 207 p.
- Polyakova E.Yu. *Olster: istoki tragedii* [Ulster: The Origins of the Tragedy]. Moscow: Nauka, 1982. 167 p.
- Smith J. Britain and Ireland. From Home Rule to Independence. London: Routledge, 1999. 174 p.

Поступила в редакцию
3 февраля 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-113-137

А.Г. Цыпкина

ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ПРОЕКТА АКАДЕМИКА В.А. СТЕКЛОВА

A.G. Tsyapkina

THE HISTORY OF AN UNREALIZED PROJECT BY ACADEMICIAN V.A. STEKLOV

Аннотация. Создание и ликвидация Особого временного комитета науки (1922–1924) уже исследовались. Однако в научный оборот не была введена большая часть относящихся к этой теме документов, а сама она рассматривалась в отрыве от взаимоотношений Академии наук с Наркомпросом в целом и Главнаукой в частности, что привело к некоторым искажениям. Настоящая статья воссоздает контекст событий и введением в научный оборот новых архивных документов устраняет лакуны, образовавшиеся из-за рассмотрения только верхнего пласта документации. 1923 год в отношениях Академии наук и Наркомпроса стал переломным: Наркомпрос ревниво относился к праву Академии наук иметь особую смету и некоторую самостоятельность в решении научных вопросов. Особенно остро эти противоречия и претензии Наркомпроса на полную власть над Академией наук проявились, когда Наркомпрос и Главнаука стали оспаривать прежде полученные Академией благодаря Особому временному комитету науки льготы. Острая фаза конфликта Академии наук с Главнаукой была так или иначе улажена в начале 1924 г., однако последующее возникновение в Со-

Цыпкина Анна Георгиевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Наука и научная политика в индустриальных и постиндустриальных обществах» Института всеобщей истории РАН

Tsyapkina Anna Georgievna, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Laboratory “Science and Science Policy in Industrial and Post-Industrial Societies”, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

anna021090@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5267-7924

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-78-00097 «Академия наук и органы власти: особенности, принципы и способы взаимодействия в XX в.»).

This work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 24-78-00097 “Academy of Sciences and the Authorities: Features, Principles and Methods of Interaction in the 20th Century”).

внаркоме вопроса о том, Совнаркому СССР или Совнаркому РСФСР должен подчиняться Особый временный комитет науки, скорее всего, было связано именно с противоречиями между Академией и Главнаукой. Затеянное юридическое обсуждение вопроса о превращении этого комитета в постоянный и всесоюзный привело к его ликвидации, при этом за формальными возражениями скрывались сущностные, о которых не говорилось напрямую. Автор высказывает и обосновывает мнение о том, что подобные действия были частью одной политической линии как с одной стороны, так и с другой, имели системный и стратегический характер. В результате реализации подобной политики СССР на долгие годы остался без крайне эффективного координирующего и наделенного в том числе исполнительной властью органа управления наукой в масштабе всей страны.

Ключевые слова: Особый временный комитет науки, всесоюзный орган управления наукой, Академия наук, Наркомпрос, В.А. Стеклов, Совет народных комиссаров СССР, М.Н. Покровский, А.Е. Ферсман, П.П. Лазарев, А.И. Рыков, Л.Б. Красин, Б.П. Нестеров.

Abstract. The creation and dissolution of the Special Temporary Committee for Science (1922–1924) have already attracted scholarly attention. However, most of the relevant documentation has not yet been introduced into scholarly circulation, and the issue has often been examined in isolation from the broader relationship between the Academy of Sciences and Narkompros, and in particular Glavnauka, which has led to certain distortions. The present article reconstructs the context of these events and, by bringing new archival documents into circulation, fills the lacunae created by consideration only of the upper layer of the documentation. The year 1923 marked a turning point in relations between the Academy of Sciences and Narkompros. Narkompros jealously guarded its prerogatives with regard to the Academy's right to a separate budget and a measure of autonomy in scientific matters. These tensions, and Narkompros's claims to full power over the Academy, emerged with particular sharpness, when Narkompros and Glavnauka began to challenge the privileges previously granted to the Academy through the Special Temporary Committee for Science. The acute phase of the conflict between the Academy and Glavnauka was settled, in one way or another, in early 1924. The subsequent discussion in the Sovnarkom over whether the Special Temporary Committee for Science should be subordinated to the Sovnarkom of the USSR or that of the RSFSR was likewise rooted in these contradictions. The legal deliberations on transforming this committee into a permanent, all-Union body ultimately led to its liquidation, yet behind the formal objections lay substantive considerations that were not articulated openly. The author argues that these actions formed part of a single political line and possessed a systemic and strategic character. As a result of this policy, the USSR for many years lacked a highly effective body for the coordination and executive administration of science on a countrywide scale.

Keywords: Special Temporary Committee for Science, all-Union organ of science governance, Academy of Sciences, Narkompros, V.A. Steklov, Council of People's Commissars of the USSR, M.N. Pokrovskiy, A.E. Fersman, P.P. Lazarev, A.I. Rykov, L.B. Krasin, B.P. Nesterov.

Деятельность вице-президента Академии наук СССР академика В.А. Стеклова уже освещалась в научной литературе, однако недостаточно подробно. Выдающийся математик и механик, В.А. Стеклов одним из первых понял необходимость сотрудничества Академии с большевиками. Однако интерес историков прежде всего к представителям гуманитарных специальностей породил некий перекос в изложении истории Академии наук начала века. Все достижения тех лет были приписаны в основном востоковеду С.Ф. Ольденбургу, хотя вести переписку от лица всей Академии наук было его обязанностью как неперменного секретаря. Исследователи хотя и отмечали выдающиеся заслуги В.А. Стеклова в налаживании диалога с властью, но далее общих фраз, краткого перечисления заслуг¹ и редких ссылок на воспоминания² дело практически не шло. Математики более определенно оценили заслуги В.А. Стеклова³, однако к архивным документам никто из них, видимо, не обращался, ограничиваясь анализом доступных в печати сведений и фокусируясь в основном на его научных открытиях.

В.А. Стеклов принял на себя заботу об Академии наук в один из самых сложных периодов ее существования, когда она оказалась практически на грани вымирания. Ему принадлежит заслуга в получении для Академии продовольственных карточек и пособий, именно он смог договориться о пайках⁴. Стеклов активно создавал новые институты в Академии⁵, для которой добился всесоюзного статуса⁶, был «архитектором» 200-летнего юбилея Академии наук,

¹ Кольцов А.В. Академик В.А. Стеклов — вице-президент Академии наук СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1959. Вып. 7. С. 107–112.

² Колчинский Э.И., Синельникова Е.Ф. Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922 гг. СПб., 2020.

³ Демидов С.С. Владимир Стеклов — математик на рубеже эпох // Труды Математического института имени В.А. Стеклова. Т. 289. М., 2015. С. 17–30; Козлов В.В., Павлов В.П., Сергеев А.Г. В.А. Стеклов (1863–1926) // Труды Математического института имени В.А. Стеклова. Т. 289. М., 2015. С. 7–16.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 162. Оп. 3. Д. 46; Ф. 208. Оп. 3. Д. 562. Л. 12–13.

⁵ Есаков В.Д. От императорской к Российской. Академия наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 120–132; Кольцов А.В. Академик В.А. Стеклов — вице-президент Академии наук СССР; Колчинский Э.И. Советизация науки в годы НЭПа (1922–1927): послереволюционный кризис и поиск форм сотрудничества // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э.И. Колчинский, СПб., 2003. С. 440–549; Колчинский Э.И., Синельникова Е.Ф. Указ. соч.; Кольцов А.В. Неравноправный брак по расчету // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. С. 480–499.

⁶ Цыпкина А.Г. Прения о всесоюзном статусе Российской академии наук (1925) // Российская история. 2024. № 6. С. 95–102.

организованного как всесоюзный праздник⁷. В налаживании контактов с властью Стеклову помогло и то, что они с В.И. Лениным понравились друг другу. Воспоминания об их встрече были описаны А.М. Горьким, она не раз упоминалась биографами ученого⁸. Через день после этой встречи Ленин просил Горького спросить Стеклова, будет ли он работать с большевиками, надеясь с его помощью «перетянуть» «всех русских и европейских архимедов», — и «тогда мир не хочет, а перевернется»⁹. В.А. Стеклов писал о В.И. Ленине: «Ленин обладал редкой способностью проводить в осуществление раз намеченную им цель, выбирая для этого средства наиболее целесообразные для данного места и времени»¹⁰. С точки зрения вице-президента Академии наук, именно эти качества, необходимые для успешного политического деятеля, и позволили Ленину занять лидерскую позицию.

А.В. Луначарский впоследствии вспоминал о личных указаниях от Ленина Наркомпросу «относиться к академии бережно и осторожно»¹¹. Однако такой завет «вождя пролетариата», как показывают документы, исполнялся с большим трудом. В своих воспоминаниях Стеклов напишет, что Наркомпрос, «не имея в своей среде людей государственного масштаба»¹², чинил для Академии наук всяческие препоны, которые, хотя и не имели принципиального характера¹³, но отнимали много времени и сил на их решение. Частично преодолеть бюрократические затруднения удалось благодаря созданию Особого временного комитета науки.

О Комитете науки при Совнаркоме была опубликована статья В.Н. Макеевой¹⁴, однако тема не получила достаточного продолжения в научной литературе. Историческая канва, контекст принятых решений и причинно-следственные связи не были воссозданы в пол-

⁷ Стеклов В.А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991 (Научное наследство. Т. 17). С. 297. Это подтверждается и документами, см.: СПбФ АРАН. Ф. 162 и др.; см. также: Лиманова С.А. «Настала, кажется, пора воплощать в жизнь... слова о первенствующем значении науки для преуспевания народной жизни». Документы о праздновании 200-летия Российской академии наук в 1925 г. // Отечественные архивы. 2024. № 2. С. 81–89.

⁸ Игнациус Г.И. Владимир Андреевич Стеклов. 1864–1926. М., 1967.

⁹ Цит. по: Там же. С. 95.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 184. Стеклов о Ленине [1924–1925 гг.].

¹¹ Владимиров В.С., Маркуш И.И. Владимир Андреевич Стеклов — ученый и организатор науки. М., 1981. С. 66.

¹² Стеклов В.А. Указ. соч. С. 293.

¹³ Там же.

¹⁴ Макеева В.Н. Комитет науки при Совнарком в 1922–1924 гг. (неопубликованные документы) // Вестник Академии наук СССР. 1966. № 5. С. 110–114.

ном объеме, в том числе по причине использования ограниченного комплекса документов. Так, вне поля зрения остались взаимоотношения Академии наук с Наркомпросом и их влияние на создание и ликвидацию Комитета науки, не были привлечены в достаточной мере документы из личного фонда В.А. Стеклова¹⁵. Этот пробел был заполнен только частично в исследовании М.С. Бастраковой, которая не касалась причин ликвидации комитета¹⁶. Между тем в архиве Стеклова сохранились не только копии его ответов и постановлений правительства, разбросанных по разным фондам и архивам¹⁷, но и черновики писем, скорее всего, не сохранившиеся в беловиках, что позволяет лучше реконструировать ситуацию.

В марте 1922 г. от Академии наук был подан проект организации при СНК Особого временного комитета науки. В.А. Стеклов был одним из его инициаторов: «Мне пришлось добиться свидания и переговорить откровенно со многими руководителями современной политики — с А.Д. Цюрупой, А.И. Рыковым, Л.Б. Красиным, Л.Б. Каменевым, Н.А. Семашко, — писал В.А. Стеклов в своих воспоминаниях. — В результате добились соответствующего постановления Совнаркома, на заседании которого я лично защищал наш проект. Комитет науки сблизил академию с выдающимися представителями власти»¹⁸.

Этот Временный комитет науки состоял из представителей наркоматов¹⁹ и академии. Он созывался по мере необходимости и в свой первый год существования (1922 г.) должен был решить первоочередные задачи Академии наук — такие, как финансирование и налаживание контактов с заинтересованными ведомствами. Таких ведомств, учитывая «разделение России [Российской империи] на республики», было много по всей территории СССР. «На комитет было возложено выяснение научных и материальных потребностей ученых учреждений и принятие всех необходимых мер зампредсед-

¹⁵ Окунева М.О. «Интересы научных исследований отдельных частей Союза будут полностью обеспечены»: Конституция 1924 г. и управление советской наукой // Неприкосновенный запас. 2024. № 6 (158). С. 121–132.

¹⁶ Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). М., 1973. С. 259–265.

¹⁷ См., например: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 7; Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1165 и др.

¹⁸ Стеклов В.А. Указ. соч. С. 294.

¹⁹ «Учредить при СНК Особый временный комитет под председательством зампредсовнаркома в составе представителей наркоматов: Наркомпроса, Наркомфина, Наркомвнешторга и ВСНХ из числа членов коллегий указанных наркоматов и трех представителей науки, назначаемых СНК». Постановление Малого Совнаркома. СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 10.

совнаркома А.И. Рыкова»²⁰. Комитет был создан для осуществления «наиболее важных научных изданий», выяснения «неотложных потребностей научных экспедиций и командировок» с «правом непосредственного доклада Совнаркому и его председателю» и правом непосредственного обращения по делам науки ко всем наркоматам. В подготовленном Академией наук проекте постановления СНК было также предложено, чтобы комитет «имел право срочной выработки декретов, касающихся науки, и право представления их к срочному утверждению Совнаркома»²¹. 10 мая 1922 г. Малый Совнарком постановил учредить при СНК Особый временный комитет науки. Хотя «непосредственные сношения с наркоматами» были предоставлены комитету как привилегия, в особый пункт было выделено, что «комитет осуществляет возложенные на него задачи посредством аппарата Наркомпроса при содействии соответствующих наркоматов»²². Так властями снова подчеркивалась роль Наркомпроса.

Поскольку изначально Рабоче-крестьянская инспекция и Наркомат по иностранным делам²³ вынесли отрицательное заключение по делу создания такого комитета («функции которого выполняются другими уже действующими органами власти»²⁴), чтобы он «не дублировал» функции Наркомпроса, М.Н. Покровский как заместитель наркома просвещения и руководитель Главнауки И.И. Гливенко прислали специальное письмо в Рабоче-крестьянскую инспекцию, в Наркомат иностранных дел и в Малый Совнарком. В нем они написали, что «существование учреждения, обладающего большими практическими полномочиями, имеющего возможность не только устанавливать необходимость тех или иных мероприятий, но и имеющего право проводить эти постановления в жизнь», является насущной необходимостью²⁵. Положение русской науки в этом письме было «признано катастрофическим», «причины такого упадка» авторы письма видели в «недостатке средств», «недостаточном сознании колоссальной государственной важности науки для страны» и особенно в «отсутствии своевременной и организованной помощи»²⁶.

²⁰ Там же. Л. 20. Записка Стеклова о деятельности Комитета науки.

²¹ Там же. Л. 8.

²² Там же. Л. 10.

²³ Наркомат по иностранным делам в лице наркома Г.В. Чичерина будет также выступать против создания всесоюзной Академии наук. См.: ГАРФ. Ф. 8429. Оп. 1. Д. 54. Л. 25.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 5. Заключение от 27 апреля 1922 г.

²⁵ Там же. Л. 9 об.

²⁶ Там же. Л. 9.

В письме подчеркивалось, что «без научной основы не может существовать никакое производство»²⁷.

После такого письма, подписанного представителями конкурирующего ведомства²⁸, в начале мая 1922 г. проект наконец получил одобрение. Предстояло его утверждение в Большом Совнарком. 17 мая В.А. Стеклов, узнав на вокзале от А.Е. Ферсмана о возможных затруднениях в принятии проекта (финансовые опасения), прислал А.И. Рыкову письмо²⁹ с объяснением мотивации создания такого комитета и его необходимости для организации науки. Стеклов сообщил Рыкову, что комитет создается в первую очередь не для получения финансирования, хотя он «считает своей священной обязанностью как вице-президента» «поддерживать финансовые заявки» Академии, самой первой и важной целью Особого временного комитета науки он назвал «вопросы чисто организационного характера»³⁰, оперативное решение которых без исполнительной власти невозможно. Главной задачей Стеклов считал устранение чиновной и бюрократической волокиты, которая «пресекает всякую научную работу»³¹.

Представителями Академии наук в комитете были В.А. Стеклов, А.Е. Ферсман и П.П. Лазарев. В случае невозможности представителя Академии посетить заседание заместителем назначался С.Ф. Ольденбург, но такой случай ему не представился, потому что Стеклов присутствовал на всех заседаниях комитета. Предстояло восстановить и наладить работу сети сейсмических станций и метеорологической службы, получить деньги на празднование юбилея, ремонт зданий и необходимое строительство. На заседаниях комитета В.А. Стеклов взаимодействовал с такими видными политическими деятелями, как Каменев, Рыков, Красин, Луначарский и др. Изначально предполагалось, что возглавлять комитет будет заместитель председателя СНК. За один год было сделано столько, что секретарь и управделами комитета Б.Н. Нестеров предложил Стеклову написать целую статью в «Известия ВЦИК»³², которую он предполагал опубликовать в виде интервью. В этой статье Стеклов отмечал, что сделанные Академией предложения «получили единодушное одобрение», а он

²⁷ Там же. Л. 9 об.

²⁸ Конкурирующего — с точки зрения Главнауки. Представители Главнауки присутствовали на заседаниях Особого временного комитета науки. См.: ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 593; СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 12–13 об.

³⁰ Там же. Л. 12 об.

³¹ Там же. Ф. 208. Оп. 3. Д. 353. Л. 10.

³² Там же. Л. 31 об.

как вице-президент «получил полномочие войти по этому вопросу в соглашение с Наркомпросом, заручиться поддержкой Главнауки и провести проект в качестве особого декрета в Совнарком. Мысль об учреждении Комитета науки была одобрена Главнаукой, не встретила особых возражений со стороны других наркоматов», а также была поддержана А.И. Рыковым, А.Д. Цюрупой, М.И. Калинин³³. 7 июля 1922 г. уже на заседании комитета «рабочий аппарат» Особого временного комитета науки было решено «выделить из секретариата зампреда СНК и СТО³⁴ А.И. Рыкова»³⁵.

За два года существования комитетом была проведена большая работа. Осуществлена «правильная и планомерная организация научных экспедиций, научных командировок ученых за границу», поводился «обмен изданиями между учеными учреждениями России и за границей», были облегчены «почтовые и телеграфные сношения с научными целями, цензурные формальности при обмене изданиями, перевозки грузов с научными принадлежностями, беспроцентное получение из заграничной страны книг, инструментов, реактивов», отрегулировался «отпуск золотой валюты», началось «правильное по степени важности ее распределение между учеными учреждениями»³⁶. Академия и некоторые другие учреждения Наркомпроса получили «право непосредственного сношения с такими же учреждениями других стран», а также ряд льгот: «бесплатные перевозки обмениваемых изданий по железной дороге», «беспроцентный их ввоз», возможность «получения известного числа экземпляров непосредственно в собственный адрес без цензуры» и экземпляра «всех изданий, выходящих за границей на русском языке, по новым спискам, утверждаемым Главлитом»³⁷. По поручению Совнаркома совместно с редактором-консультантом СНК и СТО СССР Н.И. Бернштейном В.А. Стеклов составил инструкцию Наркомпочте³⁸.

Сильной стороной Стеклова как администратора и организатора науки было то, что он не игнорировал предложения и задачи власти так, как она их понимала, но обоснованно и ненавязчиво предлагал свое решение. Так, Стеклов писал, что Временный комитет науки, включающий в себя специалистов высокого уровня, может принести пользу и в вопросе сокращения штатов, который

³³ Там же. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 20.

³⁴ Совет труда и обороны.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 38.

³⁶ Там же. Л. 22.

³⁷ Там же. Л. 22 об.

³⁸ Стеклов В.А. Указ. соч. С. 297.

стал особенно актуальным накануне 1923 г.: «В первую очередь мы предполагали поставить решение спешного и практически весьма важного вопроса о сокращениях как штатов, так и самых ученых учреждений страны. Здесь пока царствует полный хаос. Так называемые ученые учреждения возникли в последнее время во множестве при всех наркоматах, и сейчас даже не имеется точного их учета. <...> Несомненно, среди них немало “дутых”. <...> Попытки <...> произвести этот подсчет обычным ведомственным порядком потерпели полную неудачу. Только Комитет науки, <...> снабженный сверхведомственными полномочиями, мог бы <...> справедливо и безболезненно разрешить задачу о необходимых при настоящих условиях сокращениях»³⁹.

Через Временный комитет науки были проведены сверхсметные ассигнования (на ремонт, строительство, подготовку и празднование юбилея, издательство, книгообмен)⁴⁰, и Наркомпрос, видимо, испугавшийся, что часть денежного потока пойдет мимо него, стал пытаться отвоевать полученные Академией через Временный комитет привилегии и льготы.

Рассмотрение взаимоотношений Наркомпроса и Академии — отдельный вопрос. В частности, в 1923 г. в процессе конфликта с Главнаукой Наркомпрос стал оспаривать право Академии наук иметь особую смету⁴¹, стал запрещать непосредственно «сноситься» с другими учреждениями внутри Союза и за его пределами, обращаться к представителям власти, минуя отдел науки Наркомпроса⁴². В обращениях и письменных заявлениях Стеклов доказывал необходимость особого статуса Академии, что в конце концов и было закреплено в Уставе АН СССР 1927 г. и даже 1930 г., что свидетельствует о том, что Академия наук одержала частичную победу. Но полной победы не получилось. Несмотря на результативность мер, предпринятых Особым временным комитетом науки, после письма начальника Главнауки Ф.Н. Петрова и руководителя отдела научных учреждений В.Т. Тер-Оганесова А.В. Луначарскому 2 января 1924 г. на специальном заседании президиума коллегии Наркомпроса, посвященном взаимоотношениям Академии наук и Главнауки, было постановлено, что «коллегия Наркомпроса и нарком по просвеще-

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 12 об. Письмо Стеклова Рыкову от 12 мая 1922 г.

⁴⁰ Стеклов В.А. Указ. соч. С. 297.

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 12. Письмо Ф.Н. Петрова и В.Т. Тер-Оганесова А.В. Луначарскому.

⁴² Все циркуляры Главнауки от осени 1923 г. см.: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 172; Ф. 162. Оп. 3. Д. 3.

нию могут контролировать работу Академии наук только через свои аппараты, т.е. через Главнауку и Государственный ученый совет»⁴³. В этом постановлении прослеживается положительный ответ на попытку Главнауки разорвать отношения между Академией наук и наркомом просвещения⁴⁴.

В феврале 1924 г. именно на заседании президиума коллегии Наркомпроса было поручено заслушать проект Устава Академии наук, и 13 февраля 1924 г. на заседании СНК СССР, по-видимому, неслучайно был поставлен вопрос о том, к какому органу отнести Комитет науки («к СНК РСФСР или СНК СССР»⁴⁵) — как главную конфликтующую с Наркомпросом организацию. Дело закончилось ликвидацией Комитета науки 12 июля 1924 г., несмотря на все представленные Стекловым аргументы. Было постановлено, что Особый временный комитет науки «подлежит ликвидации» как выполнивший свою задачу. Добиться его сохранения В.А. Стеклову не удалось. Комиссии в составе замнаркома просвещения М.Н. Покровского, А.П. Пинкевича (в 1920–1923 гг. — председатель Центральной комиссии по улучшению быта ученых), В.Н. Ипатьева (член Президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), член Госплана, руководитель Главхима) и С.П. Середы (заместитель председателя ВСНХ) было поручено разработать проект нового органа власти «для обсуждения общесоюзных вопросов, касающихся ученых предприятий»⁴⁶. То есть комиссии, наполовину состоявшей из представителей Наркомпроса, было поручено сформировать состав нового подобного комитета. 18 июля СНК СССР тоже счел Особый временный комитет науки подлежащим ликвидации⁴⁷.

Таким образом прекратил существование орган, который, по мысли академика В.А. Стеклова, должен был состоять «из авторитетных представителей науки в непосредственном общении с высшими представителями власти» и иметь полномочия «не только устанавливать необходимость тех или иных мероприятий общего характера, но и проводить их в жизнь»⁴⁸ «без особых проволочек,

⁴³ Там же. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 56.

⁴⁴ См. письмо Ф.Н. Петрова и В.Т. Тер-Оганесова А.В. Луначарскому: «...непрочная связь с наркомом...». СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 3. Л. 11.

⁴⁵ Так начинается письмо, посланное В.А. Стекловым А.И. Рыкову и Л.Б. Красину о всесоюзном значении Комитета науки. См.: СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 90.

⁴⁶ *Макеева В.Н.* Указ. соч. С. 114.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 12–13 об. Письмо В.А. Стеклова А.И. Рыкову.

гибельных для всякого начинания»⁴⁹. Чаения Стеклова о том, что Особый временный комитет науки разовьет дальнейшую деятельность «еще шире» и принесет пользу науке и «делу хозяйственного строительства республики», не оправдались. Идеи Стеклова, что комитет «окажет существенную помощь Наркомпросу и другим наркоматам в деле организации научных исследований и их важнейших практических приложений»⁵⁰, не суждено было реализоваться.

На примере метеорологических и геофизических исследований Стеклов также говорил о важности связи науки с производством (о чем будут говорить президенты АН СССР в 1950–1960-х гг.⁵¹): «Чтобы понять важность правильных метеорологических и геофизических исследований для хозяйственной жизни страны, достаточно напомнить, что с ними связано разрешение задачи о предсказании погоды, установление точных приемов изыскания ископаемых богатств земли (преимущественно тяжелых руд), использование вод для самых разнообразных нужд, как то: навигация, орошение, исследование причины землетрясений и в идеале их предупреждение и т.п. В правильной постановке этих исследований одинаково заинтересованы земледелие, пути сообщения, горное дело, морское и военное ведомство, авиация, торговля и промышленность, лесоводство и т.д.»⁵². Но эти аргументы остались не до конца учтенными.

Пройдут годы, прежде чем руководство страны поймет насущную необходимость создания такого органа управления — «с авторитетом государственного положения и с авторитетом научным»⁵³ одновременно, — который помогает координировать исследования с их внедрением в промышленность, а также координировать деятельность Академии наук и министерств. Для истории Государственного комитета по науке и технике важно, что еще в первые годы советской власти подобный ему орган не только существовал, но и обладал исполнительной властью. В.Н. Макеева видела преемственность Особого временного комитета науки при СНК с Комиссией содействия научным работам при СНК СССР, учрежденной в 1926 г.,

⁴⁹ Там же. Л. 21 об. Письмо Стеклова Нестерову для «Известий ВЦИК».

⁵⁰ Там же. Л. 21.

⁵¹ *Цыпкина А.Г.* Президенты АН СССР о развитии науки и промышленности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 11 (133). — URL: <https://history.jes.su/s207987840029135-7-1/> (дата обращения 03.01.2025).

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 21–21 об.

⁵³ Там же. Л. 34.

а М.О. Окунева — с научным отделом⁵⁴. Точка зрения В.Н. Маковой представляется более обоснованной, но тоже не полностью. Поиск новых форм управления впоследствии займет годы. Но даже Государственный комитет по науке и технике — наиболее долго просуществовавшая подобная форма управления — был скорее консультативным советом, несмотря на всё чаще повторяющиеся жалобы об отсутствии координации⁵⁵ и прямого взаимодействия Академии наук с властью или об отсутствии «рычагов давления на министерства»⁵⁶.

Несмотря на свое поражение в этом вопросе, Стеклов добился другого принципиального решения для Академии наук — признания за нею всесоюзного статуса, а также ряда льгот, способствовавших работе, которые впоследствии были законодательно закреплены за Академией в уставе 1927 г. Однако проблема координации (которой не хватало на протяжении практически всего XX в.) взаимодействия различных наркоматов, Академии и обеспечивавших хозяйственные решения структур оставалась нерешенной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикуемые ниже документы (докладная записка В.А. Стеклову, А.И. Рыкову и Л.Б. Красину, ответ Н.И. Бернштейна А.И. Рыкову по поводу докладной записки В.А. Стеклова и комментариев последнего Б.П. Нестерову на ответ Н.И. Бернштейна) свидетельствуют, что позиция академика В.А. Стеклова не имели ни случайного, ни формального характера, была частью общей стратегии Академии наук и опиралась на принципиальные основания.

Документы из фонда вице-президента АН СССР академика В.А. Стеклова о его предложении превратить Особый временный комитет науки в постоянно действующий Всесоюзный комитет науки публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей подлинника. Сокращения раскрыты без оговорок, количество абзацев сокращено.

⁵⁴ Окунева М.О. Указ. соч.

⁵⁵ См. речи М.В. Келдыша и А.Н. Несмеянова: Цыпкина А.Г. Указ. соч.

⁵⁶ Гладышева А.И. Научно-техническая политика СССР 1950–1960-х гг.: от проблемы внедрения к попыткам системного реформирования // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 4 (114). — URL: <https://history.jes.su/s207987840021221-2-1/> (дата обращения 03.01.2025).

**Докладные записки В.А. Стеклова А.И. Рыкову
и Л.Б. Красину⁵⁷**

Подано Рыкову и Красину⁵⁸. 22.02.1924 г.

В Совнаркоме СССР 13 февраля 1924 г. возник вопрос, отнести ли Комитет науки к СНК РСФСР или СНК СССР.

Постановлено запросить по этому предмету мнение Комитета науки в недельный срок.

Вопрос об организации Комитета науки и его положение в настоящее время представляется чрезвычайно важно и приобретет не только общесоюзное, но до известной степени и общемировое значение.

Временный комитет науки возник в то время, когда вновь образовавшиеся республики России⁵⁹ находились еще в периоде образования, некоторые их части были даже разобщены с центром, о союзе республик не было еще и речи.

Еще внутри центрального ядра этих республик, РСФСР, многое было не устроено, не оформлено. Поэтому был образован Временный комитет науки, захватывающий практические интересы науки в узкой области одной РСФСР и ставивший себе ближайшую практическую задачу: установить на этой территории нормальное положение науки и ее деятелей, устраняя, по мере возможности, различные ведомственные трения в организации научной жизни, выясняя путем непосредственного общения представителей науки и правительства те общие мероприятия вневедомственного порядка, которые были необходимы для поддержания должного хода научной работы, и проводя их в жизнь через высшие государственные органы.

Этот Временный комитет науки за два года своего существования оказал весьма большие услуги в деле устройства и усовершенствования научной жизни главнейших ученых учреждений РСФСР, которые, быть может, не особенно бросаются в глаза людям, не стоящим близко к деятельности ученых учреждений, но большинством работников, принимающих ближайшее участие в научном строи-

⁵⁷ Ряд документов и постановлений об Особом временном комитете науки был опубликован в сборнике: Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925) / Отв. ред. К.В. Островитянов. Л., 1968. С. 70–76. В том числе там впервые была опубликована эта докладная записка, но без последующего обсуждения и исторического контекста, а комментарии не исчерпывали сюжет. Поскольку она печаталась по материалам другого архива, при издании не был учтен ряд существенных фактов, как, например, то, что она изначально была подана не только председателю СНК.

⁵⁸ Член ЦК ВКП(б) в 1924–1926 гг., член ЦИК 1–3-го созывов.

⁵⁹ Имеется в виду Российская империя.

тельстве, признаются весьма ценными. Благодаря ряду мероприятий, проведенных именно через Комитет науки, и оказался возможным тот подъем научной работы и то ее расширение, которые мы наблюдаем в настоящее время.

Но работу государственного учреждения, подобного Комитету науки, ни в коем случае нельзя считать законченной. Временный комитет науки дал только первый толчок делу, и теперь возникает серьезный вопрос уже не о Временном комитете, разрешающем некоторые затруднения лишь внутреннего порядка, но Постоянном комитете науки при высшем объединенном органе государства — при Совнаркоме СССР. Создание такого рода комитетов стихийно вызывается восстанавливающейся жизнью не только нашей страны, но и всех других стран мира, начинающих отвыкать от кошмаров мировой войны 1914 г.

Необходимость такого рода организаций, связывающих ученые и правительственные органы различных стран, была очевидна еще за несколько лет до войны. И тогда уже начали зарождаться такого рода международные союзы, но только отдельными группами отдельных исследовательских учреждений. Так был образован Союз по метеорологии, Международная постоянная комиссия по сейсмологии, по исследованию солнца, Международный союз академий и т.п., в деятельности которых были заинтересованы не только сами ученые учреждения, объединенные по отдельным специальностям, но и правительства соответствующих стран.

Во время войны эти международные организации заглохли и частью распались, но вскоре по ее окончании начали восстанавливаться в гораздо более широких масштабах.

Таким путем, например, в 1922 г. (на международном конгрессе в Риме) различные объединения по метеорологии, сейсмологии, геодезии и т.д. соединились в один Международный союз по геодезии и геофизике (*L'Union géodésique et géophysique internationale*⁶⁰), а все подобные союзы были объединены под общим руководством Международного союза исследований (*Conseil international de recherche*), иначе говоря, Международного комитета науки, одной из задач которого является (пункт d Статута) входить в сношения с правительствами стран, входящих в совет с целью «рекомендовать» их вниманию желательность исследования различных вопросов научного и прикладного характера.

⁶⁰ Существует с 1919 г. и до сих пор. — URL: <https://iugg.org/> (дата обращения 05.02.2025).

Каждая страна, желающая вступить в тот или иной союз, должна обязательно и прежде всего войти в состав этого объединяющего все союзы совета, а затем уже и в члены самого союза. Каждая страна, входящая в тот или иной союз, должна образовать свой национальный комитет, при посредстве которого она и входит в союз международный.

Список государств, которые могут входить в *Conseil de recherches*, утвержденный единогласно международным конгрессом в 1919 г. и пополненный в 1922 г., содержит 19 стран, среди которых, однако, нет ни России, ни Германии.

Но исследования и наблюдения в таких науках, как метеорология, сейсмология, аэродинамика, вообще география и т.п., каждой отдельной страны, не согласованные и оторванные от таких же наблюдений других стран, объединенных общими правилами, теряют всякий практический смысл и превращаются в ненужный балласт.

Такая оторванность особенно губительна для союза наших республик, занимающих чуть не одну треть всего материка Евразии; она нарушает существенным образом и возможность плодотворной работы всех других стран, так как вырывает из их поля зрения громадные области геофизических явлений (сейсмических, метеорологических и т.п.), оказывающих иногда существенное влияние на такие же космические процессы, происходящие в других странах.

Российская академия наук, занимавшая до войны одно из первых мест в международных организациях академий, в Международной сейсмической ассоциации в Международной комиссии по исследованию солнца и т.п., сознавала крайнюю необходимость связи с международными организациями, обратилась прежде всего в центральное бюро Союза геодезии и геофизики (к проф. *Rothé*⁶¹ в Страсбурге) с частным вопросом о включении сети сейсмических станций Физико-математического института академии, восстановленных благодаря содействию Особого временного комитета науки, в Международный союз по отделу сейсмологии. Поводом послужил запрос президента этого отдела проф. *H. Turner*'a⁶² (*Oxford*) о возможности совместной работы и сотрудничества в этой области, причем он сам подчеркивал важность и необходимость такого сотрудничества для вновь созданного отдела Международной сейсмической ассоциации.

⁶¹ *Rothé Edmond* (1873–1942) — французский физик и геофизик, профессор, основатель и первый директор Института физики Земли в Страсбурге.

⁶² *Turner Herbert Hall* (1861–1930) — английский сейсмолог и астроном, президент сейсмологической секции Международного геофизического союза с 1922 г.

Несмотря на то, что Россия не включена в число государств, могущих вступать в Международный совет исследований (Conseil international de recherches), статутом этого совета, действие которого определено до 1931 г., представители центрального бюро Союза геодезии и геофизики, президент и генеральный секретарь его проф. Rothe (Страсбург), Zalemant (Париж, академия), Lyons⁶³ (Музей наук, Лондон) и проф. Н. Turner (Отдел сейсмологии) сейчас же снеслись с генеральным секретарем du Conseil de recherches проф. Shuster'ом⁶⁴ (известный астроном, Лондон) и в скором времени прислали в академию официальное уведомление, в котором пишут: «Heureux de l'occasion qui l'offre ainsi de renouer, avec la plus haute institution scientifique de Russie des relations, depuis trop longtemps interrompues, nous exprimons de vous adresser avec cette lettre, un exemplaire de Statut de notre Union ainsi que du Conseil international de recherches, auquel il vous faudrait adhérer en même temps»⁶⁵.

Далее они просят как можно скорее сообщить список членов национального комитета геодезии и геофизики, который, по примеру всех других стран, входящих в союз, должен быть образован у нас и через посредство которого академия должна связаться как с международным Союзом геодезии и геофизики, так и с Международным советом.

Участие в Международном совете требует ежегодного взноса в 2000 франков, участие в Союзе геодезии и геофизики — ежегодного взноса в 20 800 франков, т.е. в общем около 3000 рублей золотом в год⁶⁶.

Признавая вступление в указанные международные организации делом первостепенной важности, в котором заинтересована не только Российская академия наук, но и многие другие ученые учреждения СССР, в такой же мере и высшие правительственные ор-

⁶³ Lyons Henry (1864–1944) — английский ученый, военный инженер, администратор и директор Метеорологической службы. — URL: <https://collection.sciencemuseumgroup.org.uk/people/ap25250/lyons-henry> (дата обращения 05.02.2025).

⁶⁴ Schuster Franz Arthur Friedrich, Sir (1851–1934) — английский физик, в 1919–1920 гг. — избранный вице-президент Королевского общества. Посвящен в рыцари Георгом V.

⁶⁵ «Обрадованные возможностью возобновить прерванные уже давно отношения с высшим научным учреждением России, спешим послать Вам вместе с настоящим письмом копию Устава нашего союза и Международного совета исследований, в которые Вам следует одновременно вступить» (*фр.*).

⁶⁶ Так как взнос, а также и число голосов в совете определяется числом единиц населения страны. Число жителей населения, принимаемых за единицу, 5 000 000, взнос за каждую единицу — 250 франков в год. Страны с населением больше 20 000 000 [жителей] имеют пять голосов и делают взнос 8 единиц. Более пяти голосов никакой стране не предоставляется (сноска В.А. Стеклова).

ганы СССР, академия пришла к убеждению, что дело это необходимо вести при содействии Комитета науки, который, в силу уже одних вышеизложенных обстоятельств, должен быть реорганизован в Постоянный комитет науки при Совнаркоме СССР, ибо здесь идет дело уже не о внутренних частных нуждах ученых учреждений РСФСР, одной из составляющих союза республик, но о всей их совокупности.

Только такой постоянно действующий комитет, имеющий авторитет и в научных, и в правительственных кругах СССР, и может оказать существенную помощь этому делу, развитие которого существенно важно и для науки, и для хозяйственного строительства страны, и с точки зрения более широких общегосударственных интересов.

При содействии и по поручению такого комитета Академия наук могла бы вступать в международные организации не как отдельное учреждение, а как представительница союзных республик, т.е. не только она одна, но и само государство СССР вошло бы в число стран, объединяемых в Международный совет и различные союзы.

Здесь Постоянный комитет науки при СНК СССР мог бы сыграть крупнейшую роль в деле культурного сближения народов.

По этой одной причине Российская академия наук, стоя на точке зрения общегосударственных интересов, не сочла удобным отдельно от своего имени и на свои средства вести дело, что фактически легко исполнимо, но обращается к представителям высших правительственных органов страны и прежде всего к председателю СНК СССР и РСФСР с пожеланием осуществить это дело в общегосударственном масштабе, считая, что наилучшим исполнителем его мог бы быть Постоянный комитет науки при Совнаркоме СССР.

С осуществлением этого дела связан ряд важнейших вопросов научного и прикладного характера, которые возникают и будут постоянно возникать при текущей работе по сейсмологии, метеорологии, аэрологии, гидрологии, геодезии и вообще геофизике, астрономии и будут затрагивать коренные практические интересы всех республик, входящих в Союз ССР. Объединять, регулировать все разнообразные интересы этих составляющих республик, не имеющих одного объединяющего органа по вопросам науки и ее практических приложений, может только орган, в состав которого входят выдающиеся представители науки и представители высшей власти СССР.

Без такого правительственного органа, непосредственно связывающего науку с представителями власти, органа, обладающего известными полномочиями, способного объективно охватить всё

разнообразии интересов на громадной территории и регулировать их, работа может встретить неодолимые затруднения, и Россия, вступившая на путь культурного объединения народов участием в международных исследовательских организациях, может оказаться не на высоте положения, а «на поприще ума», как говорил наш гениальный Ломоносов, «нельзя нам отступить».

Думается, что этих одних соображений достаточно, чтобы признать необходимым учреждение особого, но не временного, а Постоянного комитета науки и притом при Совнаркомех СССР.

Общие задачи того комитета можно формулировать примерно следующим образом:

1) Объединять и регулировать деятельность ученых учреждений различных республик Союза в научных исследованиях, имеющих важные практические применения к хозяйственному и экономическому строительству Союза СССР.

2) Содействовать осуществлению различных мероприятий научно-практического характера, затрагивающих жизненные интересы всего Союза, и организации таковых в его отдельных частях СССР, вносимых на рассмотрение комитета Госпланом СССР.

3) Входить в высшие государственные органы с представлениями об организации новых предприятий, вызываемых потребностями науки и жизни, затрагивающих общие интересы всех республик Союза или отдельных его составляющих.

4) Организовать исследовательские работы в тех частях Союза, где не имеется соответствующих учреждений или научного кадра работников.

5) Организовать при помощи компетентных научных учреждений особые комитеты исследований общесоюзного характера, которые могли бы вступать в международные союзы и ассоциации.

6) Оказывать этим Комитетам содействие и поддержку в их работах международного характера и содействовать их начинаниям, могущим оказать влияние на развитие науки и ее приложений в международном масштабе.

Развитие этих общих положений, более точная их формулировка, состав комитета и дальнейшие подробности этой организации должны быть выяснены на ближайшем заседании ныне существующего Комитета науки и затем внесены на утверждение Совета народных комиссаров СССР.

Само собой разумеется, что предполагаемый Комитет науки не должен касаться вопросов просвещения, лежащих в ведении учебных учреждений различных республик Союза, т.е. вопросов

педагогических, так как педагогические задачи, тесно связанные с особенностями уклада жизни и быта отдельных республик, не могут регулироваться повсюду одинаковыми нормами. В сферу же действия Постоянного комитета науки будут входить лишь задачи научного характера и притом имеющие всесоюзное и международное значение, не затрагивающие и частную текущую работу отдельных научных учреждений, входящую в круг их специального ведения.

Вице-президент Российской Академии наук
академик В. Стеклов

Москва «21» февраля 1924 г.

СПбФ АРАН. Л. 90–93 об.⁶⁷

Копия. Москва, Кремль, 26 февраля 1924 г.

в[есьма] срочно

СССР. Совет народных комиссаров

26-го февраля [19]24 г.

№ 946/СНК

**Председателю Совета народных комиссаров СССР
тов. Рыкову А.И.**

По поводу докладной записки академика Стеклова о Комитете науки считаю необходимым высказать следующие соображения.

Основным мотивом в пользу создания общесоюзного Комитета науки, согласно докладной записке, является необходимость вступления Союза как единого целого в сношения с международными научными организациями. Необходимость такого общения не нуждается в доказательствах, но вряд ли для него необходимы те организационные формы, которые предлагаются в докладной записке и которые, безусловно, выпирают из рамок Конституции Союза ССР.

По Конституция Союза ССР (ст. 1 п. «с») к компетенции Союза относится лишь установление общих начал в области народного просвещения. Можно ли под это подвести образование специального органа при СНК СССР с теми задачами, которые перечислены в докладной записке (объединение и регулирование деятельности ученых учреждений различных республик Союза в научных исследованиях; содействие осуществлению различных мероприятий научно-практического характера, затрагивающих интересы всего Союза;

⁶⁷ То же самое — на л. 106–112, 201–205 об. в копиях, но от 22 февраля 1924 г., которые и были отправлены. Из версии 21 февраля 1924 г. В.А. Стеклов вычеркнул только один абзац. Здесь публикуется полный изначальный вариант.

вхождение в высшие органы СССР с представлениями о мероприятиях, вызываемых потребностями науки и т.д.)?

Как ни заманчиво образование такого органа и как ни плодотворно оно могло бы оказаться, необходимо признать, что перечисленные функции придают Комитету науки характер объединенного Наркомпроса. Несомненно, отсутствие объединенного Наркомпроса связано со многими неудобствами и дефектами; но ведь это — одно из коренных положений Конституции Союза, и не следует забывать, что сессией ЦИК СССР были исключены из всех положений даже совещания необъединенных наркоматов как институт, являющийся суррогатом объединенного Наркомпроса. Таким образом, на вопрос о конституционной правильности организации постоянного Комитета науки при СНК СССР приходится ответить отрицательно.

Что же касается участия Союза ССР в международных научных организациях, я думаю, что, если даже признать неудобным самостоятельное выступление в этой области каждой из союзных республик, вопрос разрешим и без организации общесоюзного Комитета науки. Практически вопрос сводится к тому, чтобы Академия наук могла вступать в международные организации не только как представительница РСФСР, но и как представительница союзных республик. Я полагаю, что такой мандат на представительство научных интересов союзных республик в международных сношениях с союзными республиками [может быть дан] Российской академии наук, [и это решение не противоречило бы]⁶⁸ союзной Конституции и могло бы быть проведено и без специального общесоюзного органа вроде Комитета науки.

Редактор-консультант СНК и СТО СССР

Бернштейн

С подлинным верно

СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 213–213 об.

Записка В.А. Стеклова к Б.П. Нестерову

Отрицательное заключение тов. Бернштейна относительно конституционной правильности организации постоянного Комитета науки при СНК СССР объясняется, на мой взгляд, в основе неправильным подходом к рассматриваемому вопросу. Задачи предполагаемого комитета отнюдь не входят в область народного просвещения, находящуюся в ведении Наркомпросов, и, конечно, под ст. 1 п. «с» Конституции Союза СССР не подходят, ибо перечисленные в отзыве

⁶⁸ Текст размыт чем-то пролитым на него.

тов. Бернштейна функции, если их сформулировать более точно и подробно, сами выходят из круга ведения Наркомпроса. Если сказать: «Объединение и регулирование деятельности ученых учреждений различных республик Союза в научных исследованиях», — то получается видимость функции, непосредственно связанной с вопросами просвещения, т.е. Наркомпроса.

Но речь идет не просто о научных исследованиях, но, как сказано в записке, «об исследованиях, имеющих важные практические применения к хозяйственному и экономическому строительству Союза ССР».

Такого рода исследования выходят из ведомства Наркомпроса и носят характер вне- или междуведомственный, затрагивают по преимуществу интересы других наркоматов, как, например, ВСНХ, НКПС⁶⁹, Военного ведомства и т.п.

Исследования, например, в области Курской магнитной аномалии, будучи научными, и в настоящее время не входят в круг деятельности Наркомпросов, а ведаются ВСНХ. Изучение интермиттенции минеральных источников по методам сейсмологии отнюдь не касаются Наркомпросов, а составляют заботу Горного управления. Изучение спасательного дела в Донбассе, также основанное на научных данных сейсмологии и геологии, не принадлежит Наркомпросу. Организация экспедиций по исследованию минеральных богатств СССР (платины, угля и др. полезных ископаемых) совершается в Госплане СССР. Сюда же относятся вопросы картографии, геодезии и т.п., которыми заинтересованы по преимуществу отделы Военного ведомства. Исследования о сотрясении почвы при прокладке рельсовых путей, при постройке мостовых ферм и пр. хотя и ведутся научными работниками и на основе научных данных, но входят в круг работ НКПС, выходя из пределов текущей научной работы ученых учреждений, как учреждения Наркомпроса. Таких примеров можно привести сколько угодно, и лишь о такого рода исследованиях и идет речь в записке. Регулирование такого рода работ, производимых на всей территории СССР и выходящих из компетенций отдельных (необъединенных) Наркомпросов Союза, возможно только для особого общесоюзного органа.

Точно также и в п. 3 записки имеются в виду такие мероприятия, которые затрагивают не только интересы науки, но и ЖИЗНИ. Здесь, быть может, весьма кратко и потому недостаточно ясно одним словом «и ЖИЗНИ» хотелось охарактеризовать мероприятия указанно-

⁶⁹ Народный комиссариат путей сообщения.

го выше типа, а не те, которые относятся непосредственно к области просвещения.

В конце записки это обстоятельство подчеркнуто особо, во избежание недоразумений. Даже самый ход суждений записки показывает, что вопрос ставится не только в общесоюзном, но и общемировом масштабе в прямой связи с деятельностью международных союзов, возникших или особо развившихся в настоящее время, что определенно указывается в п.п. 5 и 6.

Функции предполагаемого комитета, определяемые этими пунктами, совершенно лишают его характера объединенного Наркомпроса, который ни в коем случае не мог бы взять на себя их выполнение, если бы и [имело место его] существование.

Именно на почве согласования такого рода задач международного характера во всех областях территории СССР, которые будут неизбежно возникать при вступлении СССР в международные организации, и будут возникать те вопросы общесоюзного значения для СССР, о которых упоминается в п.п. 1,2,3 и 4 записки, т.е. на почве задач, ни в какой мере не носящих ведомственного характера Наркомпросов республик.

Поэтому и предполагаемый комитет характера объединенного Наркомпроса отнюдь не может иметь и не должен иметь. Эта мысль лежит на основе предполагаемого проекта и, быть может, только недостаточно выражена.

Записка не касается подробностей, а представляет лишь предварительный, эскизный характер; поэтому в ней не говорится, например, о составе такого комитета.

Считаю нужным дополнить, что в состав предполагаемого комитета даже не предполагается включить представителей наркоматов (от правительства), за которыми Конституцией не признано общесоюзного значения, именно для того, чтобы придумать комитету исключительно общесоюзное значение, каковым он должен быть по существу дела.

В этот Комитет должны входить только: представитель СНК СССР (его председатель), представители: ВСНХ, НКФ⁷⁰, НКПС, Военкома и Госплана СССР, а представителями науки должны быть назначены выдающиеся представители ее от всех республик Союза в небольшом числе и со строгим выбором, ибо комитет должен, по проекту, преследовать задачи главным образом практического характера и притом широкого, не только общесоюзного, но, как уже

⁷⁰ Народный комиссариат финансов.

сказано, и международного характера, и это последнее по преимуществу.

При таком положении дела противоречие с основными положениями Конституции СССР и особенно со ст. 1 п. «с» совершенно исключается, и тем большее значение приобретает замечание тов. Бернштейна, что образование комитета в той его конструкции, какая имеется в виду в записке, представляется не только заманчивым, но окажется до чрезвычайности плодотворным.

Добавлю еще следующее. Записка предполагает создание такого органа при СНК СССР, но не настаивает безусловно на таком предложении. Быть может, удобнее было бы организовать Постоянный комитет науки при ЦИК СССР.

Возможность такой организации подтверждается, например, тем, что, по сообщению газет, Л.Б. Каменев входил уже в ЦИК с докладом о желательности образования при ЦИК особой Комиссии по культурному сближению народов.

Предполагаемый комитет имеет в виду преимущественно эту же самую цель, но ставит ее на чисто деловую почву задач практического характера, касающихся преимущественно вопросов физико-механического характера (геология, минералогия, сейсмология, аэрология, земной магнетизм и электричество, гидрология, физика, геофизика вообще и т.д.).

Задачи, которые ставил тов. Каменев, еще шире и заключают в себе перечисленные как частный случай. И если осуществление последних при ЦИК СССР вполне согласуется с Конституцией СССР, то тем более согласуются с ней задачи и устройство предполагаемого запиской комитета.

Что касается предположения тов. Бернштейна о возможности для Российской академии наук вступать в международные организации в качестве представителя не только от РСФСР, но и от СССР, то, во-первых, речь идет не только об одной Академии наук, а многих других учреждениях, несомненно, носящих общесоюзный характер, а, во-вторых, хотя с теоретической точки зрения и нельзя возражать и против такого, хотя и частично только (далеко не полного) решения поднимаемого вопроса, но практически такое решение едва ли осуществимо и только крайне затянет осуществление живого, не терпящего отлагательства дела.

Замечу, наконец, что в настоящее время комитеты исследований созданы почти во всех странах мира и ни в какой формальной связи с министерствами просвещения не находятся. Даже Международный

комитет исследований⁷¹, объединяющий все исследования в области физико-математических наук, ни в какой мере не захватывает функции министерства просвещения, и ни одно из таких министерств всего мира не усматривает в нем характера международного органа просвещения.

Рукописно: «Верно: Шапошникова»
СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 70. Л. 95–99.

References

Armashova A.V., Maksimova D.D., Maksimova O.D., Okuneva M.O. *Pravovaya politika sovetskogo gosudarstva v sfere razvitiya nauki* [The Legal Policy of the Soviet State in the Sphere of the Development of Science]. Moscow: URSS, 2023. 432 p.

Bastrakova M.S. *Stanovlenie sovetskoy sistemy organizatsii nauki (1917–1922)* [The Formation of the Soviet System for the Organization of Science (1917–1922)]. Moscow: Nauka, 1973. 294 p.

Demidov S.S. *Vladimir Steklov — matematik na rubezhe epoch* [Vladimir Steklov: A Mathematician at the Turn of an Era] // *Trudy Matematicheskogo instituta imeni V.A. Steklova* [Proceedings of the Steklov Institute of Mathematics]. Vol. 289. Moscow: Nauka, 2015. P. 17–30.

Esakov V.D. *Ot imperatorskoy k Rossiyskoy. Akademiya nauk v 1917 g.* [From Imperial to Russian: The Academy of Sciences in 1917] // *Otechestvennaya istoriya*. 1994. N 6. P. 120–132.

Gladysheva A.I. *Nauchno-tehnicheskaya politika SSSR 1950–1960-kh gg.: ot problemy vnedreniya k popytkam sistemnogo reformirovaniya* [The Scientific and Technical Policy of the USSR in the 1950s–1960s: From the Problem of Implementation to Attempts at Systemic Reform] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2022. Vol. 13. N 4 (114). — URL: <https://history.jes.su/s207987840021221-2-1/>
Ignatsius G.I. *Vladimir Andreevich Steklov. 1864–1926*. Moscow: Nauka, 1967. 212 p.

Kolchinskiy E.I. *Sovetizatsiya nauki v gody NEPa (1922–1927): poslerevolnyut-sionnyy krizis i poisk form sotrudnichestva* [The Sovietization of Science in the Years of the NEP (1922–1927): The Post-Revolutionary Crisis and the Search for Forms of Cooperation] // *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical-Comparative Essays] / Ed. by E.I. Kolchinskiy. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. P. 440–549.

Kolchinskiy E.I., Sinel'nikova E.F. *Samoorganizatsiya rossiyskoy nauki v gody krizisa: 1917–1922 gg.* [The Self-Organization of Russian Science in Years of Crisis: 1917–1922]. Saint Petersburg: Skifiya Print, 2020. 273 p.

Kol'tsov A.V. *Akademik V.A. Steklov — vitse-prezident Akademii nauk SSSR* [Academician V.A. Steklov as Vice-President of the Academy of Sciences of the USSR] // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1959. Issue 7. P. 107–112.

⁷¹ Далее было оставлено место для иностранного названия, которое использовал Стеклов — Conseil international de recherches (*фр.*).

Kol'tsov A.V. *Lenin i stanovlenie Akademii nauk kak tsentra sovetsoy nauki* [Lenin and the Formation of the Academy of Sciences as the Center of Soviet Science]. Leningrad: Nauka, 1969. 280 p.

Kol'tsov A.V. *Neravnopravnyy brak po raschetu* [An Unequal Marriage of Convenience] // *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki* [Science and Crises: Historical-Comparative Essays] / Ed. by E.I. Kolchinskiy. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. P. 480–499.

Kozlov V.V., Pavlov V.P., Sergeev A.G. V.A. Steklov (1863–1926) // *Trudy Matematicheskogo instituta imeni V.A. Steklova* [Proceedings of the Steklov Institute of Mathematics]. Vol. 289. Moscow: Nauka, 2015. P. 7–16.

Letopis' Rossiyskoy akademii nauk [Chronicle of the Russian Academy of Sciences]. Vol. IV. 1901–1934 / Ed. by E.I. Kolchinskiy, G.I. Smagina. Saint Petersburg: Nauka, 2007. 1050 p.

Limanova S.A. “*Nastala, kazhetsya, pora voploshchat' v zhizn'... slova o pervenstvuyushchem znachenii nauki dlya preuspeyania narodnoy zhizni*”. *Dokumenty o prazdnovanii 200-letiya Rossiyskoy akademii nauk v 1925 g.* [“The Time Has Come, It Seems, to Put into Practice... the Words about the Preeminent Importance of Science for the Prosperity of National Life”. Documents on the Celebration of the 200th Anniversary of the Russian Academy of Sciences in 1925] // *Otechestvennye arkhivy*. 2024. N 2. P. 81–89.

Makeeva V.N. *Komitet nauki pri Sovnarkome v 1922–1924 gg. (neopublikovannyye dokumenty)* [The Committee for Science under the Council of People's Commissars in 1922–1924 (Unpublished Documents)] // *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1966. N 5. P. 110–114.

Okuneva M.O. “*Interesy nauchnykh issledovaniy otdel'nykh chastey Soyuzu budut polnost'yu obespecheny*”: *Konstitutsiya 1924 g. i upravlenie sovetsoy naukoy* [“The Interests of Scientific Research in the Various Parts of the Union Will Be Fully Safeguarded”: The 1924 Constitution and the Governance of Soviet Science] // *Neprikosnovennyy zapas*. 2024. N 6 (158). P. 121–132.

Tsyapkina A.G. *Preniya o vsesoyuznom statuse Rossiyskoy akademii nauk (1925)* [Debates on the All-Union Status of the Russian Academy of Sciences (1925)] // *Rossiyskaya istoriya*. 2024. N 6. P. 95–102.

Tsyapkina A.G. *Prezidenty AN SSSR o razvitii nauki i promyshlennosti* [Presidents of the Academy of Sciences of the USSR on the Development of Science and Industry] // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya”*. 2023. Vol. 14. N 11 (133). — URL: <https://history.jes.su/s207987840029135-7-1/>

Vladimirov V.S., Markush I.I. *Vladimir Andreevich Steklov — uchenyy i organizator nauki* [Vladimir Andreevich Steklov: Scholar and Organizer of Science]. Moscow: Nauka, 1981. 95 p.

Поступила в редакцию
1 марта 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-138-154

**Ю.А. Жукова, В.А. Подейко,
А.Г. Гаджиламаммаев, А.П. Солопов**

**ИЗМЕНЕНИЯ В МИГРАЦИОННОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ 2024 Г.**

**Yu.A. Zhukova, V.A. Podeiko,
A.G. Gadzhilammaev, A.P. Solopov**

**CHANGES IN THE MIGRATION LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2024**

Аннотация. В последние годы в миграционное законодательство Российской Федерации вносится большое количество изменений, и 2024 год не стал исключением. Изменения в законодательстве в значительной степени обусловлены объективными факторами политического и экономического характера, связанными с динамично меняющимся политическим и экономическим состоянием российского государства, органов его публичной власти. Авторами статьи приведен обзор и анализ основных изменений законодательства в сфере миграционной политики и регулирования правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Предметом междисциплинарного исследования являются нормы российского законодательства, регламентирующие правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в России, их права, обязанности, а также ответственность за совершенные правонарушения в сфере миграции, порядок пребывания и нахождения указанных лиц на территории Российской Федерации. Нормы федерального законодательства, как

Жукова Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Zhukova Iuliia Aleksandrovna, PhD Candidate in Jurisprudence, Associate Professor, Department of Civil Procedure, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University
zhukovaya@my.msu.ru

ORCID: 0009-0006-3763-034X

Подейко Вадим Андреевич, кандидат юридических наук, заместитель начальника юридического управления МГУ имени М.В. Ломоносова

Podeiko Vadim Andreevich, PhD Candidate in Law, Deputy Head, Legal Department, Lomonosov Moscow State University

vpodeiko@gmail.com

ORCID: 0009-0003-1995-0065

вновь принятые, так и уже существующие, рассмотрены в историческом контексте. В статье исследованы значимые изменения в законодательстве РФ в сфере миграционной политики по состоянию на 2024 г. Особое внимание уделено ряду частных вопросов, связанных с уточнением правового положения высококвалифицированных специалистов из числа иностранных граждан и лиц без гражданства. В связи с тем, что в современной юридической доктрине большое внимание уделяется различным организациям, не являющимся органами публичной власти в организационном отношении, но наделенным отдельными государственными или иными публичными полномочиями, авторы статьи рассмотрели применительно к миграционной сфере новое правовое регулирование статуса федеральных государственных унитарных предприятий, функции учредителя которых осуществляются Министерством внутренних дел РФ, а также государственных бюджетных учреждений города Москвы. Кроме того, уделено внимание мерам принуждения и мерам ответственности (как административной, так и уголовной), которые предусмотрены принятыми федеральными законами. Описаны конструкции новых составов преступлений и административных правонарушений в сфере миграции.

Ключевые слова: миграция, иностранные граждане, лица без гражданства, миграционная политика Российской Федерации, уголовные преступления, административные правонарушения.

Abstract. In recent years, the migration legislation of the Russian Federation has been subject to a substantial number of amendments, and the year 2024 has proved no exception. These legislative changes are to a considerable degree condi-

Гаджиламмаев Алихан Гаджимурадович, старший преподаватель кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Gadzhilammaev Alikhan Gadzhimuradovich, Senior Lecturer, Department of the History of the Near Abroad Countries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

myrad532@mail.ru

ORCID: 0009-0008-2693-1045

Солопов Арсений Павлович, аспирант кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник Института российской истории РАН

Solopov Arseniy Pavlovich, Postgraduate Student, Department of the History of Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Junior Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

arssolopov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6952-1160

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-11 «Междисциплинарное изучение современных миграций: новые аналитические подходы».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-11 “Interdisciplinary Study of Modern Migrations: New Analytical Approaches”.

tioned by objective political and economic factors, which are linked to the rapidly changing political and economic situation of the Russian state and its organs of public authority. The article offers a survey and analysis of the principal amendments to the legislation governing migration policy and the legal regulation of the status of foreign nationals and stateless persons in the Russian Federation. The subject of this interdisciplinary research is the body of Russian legal norms that regulate the legal status of foreign nationals and stateless persons in Russia — their rights and obligations, their liability for migration-related offences, and the rules governing their entry into, stay in, and presence in the territory of the Russian Federation. Provisions of federal legislation, both newly enacted and already in force, are examined in their historical context. The article analyzes the most significant changes in the migration legislation of the Russian Federation of 2024. Particular attention is devoted to a number of specific issues relating to the refinement of the legal status of highly qualified specialists among foreign nationals and stateless persons. In contemporary legal doctrine, considerable attention is paid to organizations that, while not organs of public authority in the strict institutional sense, are nonetheless endowed with certain state or other public powers. With specific reference to the field of migration, the authors therefore consider the new legal regulation of federal state unitary enterprises for which the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation acts as founder. They likewise examine the status of state budgetary institutions of the city of Moscow. In addition, attention is paid to coercive measures and sanctions — both administrative and criminal — introduced by recent federal statutes. The article describes the legal structure of the newly introduced criminal and administrative offence-types in the field of migration.

Keywords: migration, foreign nationals, stateless persons, migration policy of the Russian Federation, criminal offences, administrative offences.

* * *

В последние годы в общественном и научном дискурсах, в российских СМИ одним из наиболее дискуссионных сюжетов стала миграционная политика России и сопряженные с ней процессы. Бурные дискуссии разворачиваются в социальных сетях и мессенджерах, главным образом в «ВКонтакте» и «Телеграм», где создаются площадки для обсуждения миграционной тематики. К таким площадкам, например, можно отнести сообщество в социальной сети «ВКонтакте» и канал в мессенджере «Телеграм» «Мигранты — всё как есть»¹, общее количество подписчиков которых составляет более 300 тыс. человек.

Всё более остро стоящая проблема этнических анклавов², а также наблюдавшийся на протяжении долгого времени рост числа

¹ Группа в «ВКонтакте» «Мигранты — всё как есть». — URL: https://vk.com/migranty_rus/ (дата обращения 11.01.2025); канал в мессенджере «Телеграм» «Мигранты — всё как есть». — URL: https://t.me/migranty_RUS (дата обращения 11.01.2025).

² Этнический анклав — это квазитерриториальное образование, внутри которого сконцентрировано проживание объединенной по определенному этнокуль-

правонарушений, совершаемых выходцами из мигрантской среды³, придали данному вопросу особую актуальность, сделав очевидным формирующиеся конфликты, в том числе между интересами крупного бизнеса и вопросами национальной безопасности страны.

На этом фоне действовавшее ранее миграционное законодательство показало свою негибкость и неспособность адекватно реагировать на существующий и растущий общественный запрос, а тем более способствовать планомерной реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, постулирующей, в частности, в качестве приоритетов в этой сфере укрепление гражданского единства и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве⁴, и исполнению Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Развернувшаяся в СМИ, социальных сетях и мессенджерах полемика по теме демонстрирует ее актуальность и наличие массового общественного запроса на изменение подходов к регулированию миграционных процессов в Российской Федерации⁵.

Стоит отметить основные характеристики миграционных процессов в России на современном этапе. Во-первых, массовая миграция в страну, преимущественно трудовая, исходит из стран Средней Азии и Южного Кавказа (Узбекистан, Таджикистан, Кир-

турному признаку группы людей, сознательно обособляющихся от принимающего общества, системно реализующих практики, характерные для разных компонентов своей культуры, не свойственные принимающей стороне. См.: Солопова О.В., Демидова Е.Е., Веракса А.Н., Козополянская-Соловьева А.В., Робышев В.О., Роева-Мкртчян Е.Б., Солопов А.П., Дранова М.В. Историко-географический ландшафт миграций в Россию из стран ближнего зарубежья в конце XX — начале XXI в. Взгляд изнутри // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65. № 2. С. 120–151.

³ В России выросло число преступлений среди мигрантов. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/18336751> (дата обращения 11.12.2024).

⁴ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в редакции Указов Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703, от 15.01.2024 № 36). — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения 10.01.2025).

⁵ См., например: Депутатский саботаж привел к русскому бунту: хроника мигрантского беспредела похожа на ад // Дайджест «Освещение миграционных процессов в СМИ». № 10 (24.07.2023–04.09.2023). Лаборатория истории диаспор и миграций МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 26. — URL: [https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%9610%20\(24.07.2023-04.09.2023\).pdf](https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%9610%20(24.07.2023-04.09.2023).pdf) (дата обращения 11.01.2025); Провокация диаспор в Москве // Там же. С. 64. — URL: [https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%9610%20\(24.07.2023-04.09.2023\).pdf](https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%20%E2%84%9610%20(24.07.2023-04.09.2023).pdf) (дата обращения 11.01.2025).

гизия, Армения и Казахстан)⁶. Во-вторых, основной поток мигрантов сегодня приходится на мусульман, в том числе исповедующих радикальный ислам, существенно отличающийся от традиционного ислама коренных народов России. В-третьих, миграция в Россию зачастую имеет транснациональный характер, который предполагает одновременное участие в экономической и социальной жизни как принимающего общества, так и государства происхождения мигранта.

Наиболее бурно обсуждение проблемы негативных последствий от неконтролируемой миграции в сфере безопасности России стало происходить после теракта 22 марта 2024 г. в «Крокус Сити Холле» в подмосковном Красногорске, когда жертвами террористов — выходцев из стран Средней Азии — стали десятки людей.

В связи с этим 2024 год ознаменовался существенными изменениями как в риторике представителей государственной власти при обсуждении миграционного вопроса⁷, так и существенным количеством изменений, внесенных в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее — Закон о правовом положении иностранных граждан).

Федеральным законом от 10.07.2023 № 316-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”» дополнена ст. 5 Закона о правовом положении иностранных граждан, и с 7 января 2024 г. образовательная или научная организация, в которой обучается иностранный гражданин, обязана уведомлять территориальный орган МВД России не только о завершении или досрочном прекращении обучения данного иностранного гражданина, но и о предоставлении иностранному гражданину академического отпуска в течение трех рабочих дней со дня издания распорядительного акта о таком отпуске или о его отчислении. Введение такой обязанности, очевидно, связано с усилением миграционного контроля и пресечения нахождения на территории Российской Федерации иностранных граждан без законных оснований.

⁶ Аналитики рассказали, откуда чаще всего приезжают трудовые мигранты в РФ. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/16/23930347.shtml> (дата обращения 11.01.2025).

⁷ Зампред Госдумы Толстой считает многомиллионную нелегальную миграцию позором для России // Дайджест «Освещение миграционных процессов в СМИ». № 19/20 (25.10.2024–07.11.2024). Лаборатория истории диаспор и миграций МГУ имени М.В. Ломоносова. С. 36. — URL: [https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%E2%84%9619%20\(25.10.2024-07.11.2024\).pdf](https://www.palitra-diaspor.ru/doc/journal/%D0%94%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%E2%84%9619%20(25.10.2024-07.11.2024).pdf) (дата обращения 15.01.2025).

По общему правилу вид на жительство высококвалифицированному специалисту и членам его семьи выдается на срок действия разрешения на работу, выданного указанному высококвалифицированному специалисту. Однако Федеральным законом от 10.07.2023 № 316-ФЗ п. 3 ст. 8 Закона о правовом положении иностранных граждан был дополнен абзац 7, в котором установлено, что при определенных условиях вид на жительство высококвалифицированным специалистам и членам их семей будет выдаваться без ограничения срока действия.

Таковыми условиями являются осуществление высококвалифицированным специалистом трудовой деятельности в Российской Федерации в этом качестве не менее двух лет и то, что данный высококвалифицированный специалист и члены его семьи проживают в Российской Федерации по полученному в соответствии со статьей 13.2 Закона о правовом положении иностранных граждан виду на жительство. При этом за указанный период осуществления трудовой деятельности в отношении такого высококвалифицированного специалиста работодателем или заказчиком работ (услуг) должны быть исчислены, удержаны и перечислены в бюджетную систему Российской Федерации налоги в соответствии с действующим законодательством.

Статус высококвалифицированных специалистов затронуло еще одно изменение, введенное Федеральным законом от 10.07.2023 № 316-ФЗ и вступившее в силу 1 марта 2024 г. Так, для отдельных иностранных граждан повышен размер заработной платы с целью признания их высококвалифицированными специалистами: для иностранных граждан, не относящихся к специалистам, указанным в подпунктах 1–2² п. 1 ст. 13² Закона о правовом положении иностранных граждан, размер заработной платы должен составлять не менее 750 тыс. рублей из расчета за один квартал (ранее он составлял не менее 167 000 рублей из расчета за один календарный месяц). Одновременно на указанных высококвалифицированных специалистов не распространяется правило о соблюдении размера получаемой ими заработной платы при наличии перерыва в трудовой деятельности.

Федеральными законами от 10.07.2023 № 316-ФЗ, от 08.08.2024 № 253-ФЗ был расширен перечень категорий иностранных граждан, которым может быть выдан вид на жительство без получения разрешения на временное проживание, а именно: иностранный гражданин, заключивший в период проведения специальной военной операции контракт о прохождении военной службы в Вооружен-

ных силах Российской Федерации или воинских формированиях на срок один год (далее — военнослужащий); члены его семьи, в том числе в случае гибели (смерти) военнослужащего; иностранный гражданин — соотечественник, получивший статус участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее — Государственная программа) в качестве репатрианта; иностранный гражданин, получивший статус члена семьи участника указанной Государственной программы.

При этом для последних двух категорий было уточнено, что заявление о выдаче вида на жительство может быть подано в дипломатическое представительство или консульское учреждение Российской Федерации в государстве, в котором было подано заявление об участии в Государственной программе. Вид на жительство выдается территориальным органом МВД России по субъекту Российской Федерации, выбранному для переселения в рамках Государственной программы, после прохождения обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования, а также представления медицинских документов, подтверждающих прохождение иностранным гражданином медицинского освидетельствования.

Федеральным законом от 25.12.2023 № 648-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Закон о правовом положении иностранных граждан был дополнен ст. 4¹, в соответствии с которой расширена практика привлечения на территориях отдельных субъектов Российской Федерации, перечень которых установлен Приказом МВД России от 20.03.2024 № 121, государственных унитарных предприятий, находящихся в ведении МВД России (далее — подведомственное предприятие), а также уполномоченной городом федерального значения Москвы организации (далее — уполномоченная организация) к оказанию содействия в предоставлении государственных услуг в сфере миграции.

К таким государственным услугам отнесены:

- проведение обязательной государственной дактилоскопической регистрации иностранных граждан и их фотографирование;
- прием заявлений, ходатайств и иных документов, необходимых для выдачи иностранным гражданам разрешений на временное проживание или разрешений на временное проживание в целях получения образования;

- прием заявлений, ходатайств и иных документов, необходимых для выдачи (замены) вида на жительство, за исключением вида на жительство лица без гражданства, содержащего электронный носитель информации;
- прием заявлений, ходатайств и иных документов, необходимых для оформления, выдачи и переоформления патентов;
- прием заявлений, ходатайств и иных документов, необходимых для выдачи разрешений на работу и продления срока их действия;
- прием заявлений, ходатайств и иных документов, необходимых для выдачи разрешений на привлечение и использование иностранных работников, для оформления и выдачи приглашений на въезд в Российскую Федерацию, для продления срока временного пребывания иностранного гражданина в Российской Федерации;
- прием уведомлений от иностранных граждан о подтверждении своего проживания в Российской Федерации;
- прием уведомлений об осуществлении трудовой деятельности от иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, и др.

Примером подведомственного предприятия является федеральное государственное унитарное предприятие «Паспортно-визовый сервис» МВД России, а в качестве уполномоченной организации определено государственное бюджетное учреждение города Москвы «Многофункциональный миграционный центр».

Порядок оказания содействия в осуществлении отдельных полномочий подведомственным предприятием, а также осуществления контроля за соблюдением подведомственным предприятием требований к оказанию такого содействия утвержден Приказом МВД России от 31.05.2024 № 300.

В п. 6 ст. 4¹ Закона о правовом положении иностранных граждан отдельно отмечается, что решения и (или) действия (бездействие) работников подведомственного предприятия и уполномоченной организации, оказывающих содействие в осуществлении отдельных полномочий, могут быть обжалованы в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел и (или) его территориальные органы либо в суд. Таким образом, допускается обжалование решений и (или) действия (бездействия) указанных работников как в административном, так и в судебном порядке по правилам главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Фе-

дерации или главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Кроме того, ответственность, установленная для должностных лиц за неисполнение либо ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей, в том числе уголовная и административная, распространена на работников подведомственного предприятия и уполномоченной организации при выполнении ими своих служебных обязанностей в рамках оказания указанными подведомственным предприятием и уполномоченной организацией содействия МВД России или его территориальным органам в осуществлении отдельных полномочий.

Немаловажным нововведением Закона о правовом положении иностранных граждан является то, что обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографированию подлежат иностранные граждане и лица без гражданства, желающие въехать на территорию Российской Федерации в целях осуществления трудовой деятельности, а также в целях, не связанных с осуществлением трудовой деятельности, на срок свыше девяноста дней. Они проходят такую проверку на территории иностранных государств (а именно — Узбекистана и Таджикистана), а не прошедшие ее за пределами Российской Федерации должны проходить всё это на территории России.

Поправки, внесенные Федеральным законом от 25.12.2023 № 648-ФЗ, вступили в силу 23 июня 2024 г.

Ряд существенных изменений в законодательство в сфере миграции был внесен Федеральным законом от 08.08.2024 № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так, Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее — Закон о выезде и въезде) был дополнен новой статьей 25¹⁶⁻², в соответствии с которой Правительством Российской Федерации могут проводиться эксперименты по апробации не предусмотренных Законом о выезде и въезде правил и условий выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства.

В случае проведения таких экспериментов предусматривается, что:

- добровольная государственная геномная регистрация иностранных граждан и лиц без гражданства может проводиться при наличии согласия таких лиц и на безвозмездной основе;

- органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации может оказываться содействие подразделениям органов внутренних дел (полиции) в проведении добровольной государственной геномной регистрации посредством получения, хранения, уничтожения биологического материала, а также получения и передачи геномной информации.

Кроме того, Федеральным законом от 08.08.2024 № 253-ФЗ были уточнены правила формирования сведений об иностранных гражданах и о лицах без гражданства в информационных системах государственных органов и организаций. Формирование таких сведений обеспечивается путем единообразного перевода фамилий и имен, содержащихся в документах, удостоверяющих личность иностранных граждан и лиц без гражданства, с латинского написания на кириллическое написание.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 08.08.2024 № 253-ФЗ, вступили в силу 7 ноября 2024 г.

Федеральным законом от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» с 5 февраля 2025 г. вводится режим высылки, под которым согласно легальному определению понимается правовой режим, применяемый на основании Закона о правовом положении иностранных граждан в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, находящихся в Российской Федерации, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, в целях обеспечения их выезда из Российской Федерации или приобретения ими законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации. Этот правовой режим предусматривает установление в отношении таких лиц ограничений отдельных прав и свобод, применение мер федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции.

В рамках режима высылки к иностранным гражданам и лицам без гражданства, у которых нет законных оснований находиться на территории Российской Федерации, будут применяться следующие меры федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции:

- включение в реестр контролируемых лиц;
- ограничение отдельных прав и свобод;
- установление места нахождения контролируемого лица;
- доставление;
- задержание;
- помещение в специальное учреждение;

- проверка документов, удостоверяющих личность контролируемого лица (идентификация), и иных документов, представляемых в отношении такого лица;
- установление личности;
- проведение обязательной государственной дактилоскопической регистрации и фотографирования;
- согласование маршрута следования контролируемого лица до пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации;
- наблюдение за соблюдением контролируемым лицом установленных ограничений и вынесенных предписаний, за выполнением возложенных на него обязанностей, совершаемыми действиями.

К ограничению отдельных прав и свобод таких контролируемых лиц относятся:

- запрет на государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;
- запрет на приобретение недвижимого имущества, транспортных средств, самоходных машин и других видов техники;
- запрет на постановку недвижимого имущества на государственный кадастровый учет и (или) на государственную регистрацию прав;
- запрет на государственную регистрацию транспортных средств, самоходных машин и других видов техники;
- ограничение на пользование правом на управление транспортными средствами;
- отказ в допуске к сдаче экзаменов на право управления транспортными средствами, в выдаче (замене, обмене) российского национального или международного водительского удостоверения;
- отказ в открытии банковского счета и осуществлении иных банковских операций за исключением переводов денежных средств в целях уплаты обязательных платежей, установленных законодательством Российской Федерации, а также переводов денежных средств на счет контролируемого лица и выдачи наличных денежных средств контролируемому лицу в сумме не более 30 тысяч рублей в месяц;
- запрет на заключение брака;
- запрет на изменение места жительства или места пребывания в Российской Федерации без разрешения соответствующего территориального органа МВД России;

- запрет на выезд за пределы территории субъекта Российской Федерации, муниципального образования, в которых контролируемое лицо пребывает (проживает), за исключением выезда из Российской Федерации.

Перечень таких ограничений является открытым.

При этом устанавливается административная ответственность за оказание иностранному гражданину, включенному в реестр контролируемых лиц, услуг, предоставление которых запрещается (ограничивается) в соответствии с законодательством Российской Федерации (абзац 1 ч. 3 ст. 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ))⁸.

Для учета иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации и не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, сведения о них, в том числе персональные данные, будут вноситься в реестр контролируемых лиц. При этом информация о наличии (отсутствии) сведений об иностранном гражданине в реестре контролируемых лиц будет размещаться на официальном сайте МВД России в сети Интернет и предоставляться бесплатно в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

Режим высылки будет применяться к иностранному гражданину и лицу без гражданства, находящемуся в России без законных оснований, с момента внесения сведений о нем в реестр контролируемых лиц и прекращаться со дня исключения сведений о нем из данного реестра. Основаниями для исключения таких сведений будут являться выезд иностранного гражданина из Российской Федерации, приобретение иностранным гражданином законных оснований для пребывания (проживания) в России, отмена решения, послужившего основанием для применения к иностранному гражданину режима высылки, признание судом незаконным решения, послужившего основанием для применения к иностранному гражданину режима высылки, смерть иностранного гражданина или объявление его судом умершим.

С целью приведения к единообразию механизмов депортации и административного выдворения иностранных граждан и сосредоточения полномочий по их высылке у органов внутренних дел (полиции) последние с 5 февраля 2025 г. наделены полномочиями по принятию решений об административном выдворении за преде-

⁸ Пункт 5 ст. 1 Федерального закона от 08.08.2024 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

лы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства.

В пояснительной записке к Федеральному закону от 08.08.2024 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» указывается, что необходимость унификации правил высылки иностранных граждан и выработки единого алгоритма действий по организации высылки за пределы Российской Федерации иностранных граждан, нахождение которых в стране нежелательно, обозначена в подпункте «ж» пункта 12 предложений по реформированию миграционных режимов и института гражданства Российской Федерации, утвержденных Президентом Российской Федерации (перечень поручений от 06.03.2020 № Пр-469)⁹.

Предполагается, что данная поправка в КоАП РФ обеспечит сокращение временных и финансовых затрат, связанных с доставкой иностранных граждан в суды, и позволит оперативно удалять с территории Российской Федерации иностранных граждан, нарушивших российское законодательство.

С целью исключения использования фиктивных браков и фиктивного установления отцовства для незаконного получения иностранными гражданами или лицами без гражданства миграционного статуса на территории Российской Федерации Федеральным законом от 26.10.2024 № 358-ФЗ был установлен минимальный срок — три года — состояния в браке с гражданином Российской Федерации, постоянно проживающим в Российской Федерации, при отсутствии общего ребенка, рожденного (усыновленного) в браке, для получения иностранным гражданином разрешения на временное проживание в упрощенном порядке (вне квоты).

Кроме того, Закон о правовом положении иностранных граждан был дополнен такими основаниями для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание, вида на жительство, как расторжение или признание судом недействительным брака иностранного гражданина с гражданином Российской Федерации, послужившего основанием для получения разрешения на временное проживание, а также ситуации, если иностранный гражданин получил разрешение на временное проживание по основанию, предусматривающему наличие ребенка, рожденного (усыновленного) в браке с гражданином Российской Федерации, постоянно проживающим в Российской Федерации, либо ребенка, состоящего

⁹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 615003-8. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/615003-8> (дата обращения 15.12.2024).

в гражданстве Российской Федерации и постоянно проживающего в Российской Федерации, и вступившим в законную силу решением суда лишен родительских прав или ограничен в родительских правах в отношении такого ребенка, либо отменено усыновление, либо сведения о данном иностранном гражданине исключены из записи акта о рождении такого ребенка.

Федеральный закон от 26.10.2024 № 358-ФЗ закрепляет условия получения вида на жительство без оформления разрешения на временное проживание иностранными гражданами, имеющими детей, состоящих в гражданстве Российской Федерации (например, наличие подтвержденных в судебном порядке фактов совместного проживания на территории Российской Федерации данного иностранного гражданина с таким ребенком и участия в его содержании, воспитании или совместного проживания на территории Российской Федерации данного иностранного гражданина с матерью (отцом) такого ребенка и ведения с ней (с ним) общего хозяйства не менее трех лет до дня обращения с заявлением о выдаче вида на жительство).

Указанные изменения вступили в силу 25 января 2025 г.

С целью упреждения и пресечения противоправной деятельности, связанной с незаконной миграцией, и обеспечения государственной и общественной безопасности¹⁰ Федеральным законом от 23.11.2024 № 402-ФЗ были внесены изменения в ст. 19.23 КоАП РФ, вступившие в силу со дня официального опубликования этого закона, в части повышения размера штрафов за подделку документов, штампов, печатей, бланков, их использование, передачу либо сбыт, а также установления повышенных мер ответственности (квалифицированный состав) за те же действия, но осуществляемые в целях организации незаконной миграции, в том числе нарушения установленных правил въезда в Российскую Федерацию, правил миграционного учета, передвижения или порядка выбора места пребывания или жительства, транзитного проезда через территорию Российской Федерации, а также незаконного осуществления трудовой деятельности в Российской Федерации.

За подобное правонарушение для юридических лиц предусмотрен административный штраф в размере от 5 млн до 10 млн рублей с конфискацией орудий совершения административного правонарушения. При этом за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.23 КоАП РФ, установ-

¹⁰ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 729113-8. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/729113-8> (дата обращения 15.12.2024).

лена административная ответственность в виде наложения административного штрафа на юридических лиц в размере от 10 млн до 60 млн рублей с конфискацией орудий совершения административного правонарушения.

Ряд существенных изменений в части пресечения незаконной миграции был внесен и в уголовное законодательство.

Так, Федеральным законом от 09.11.2024 № 384-ФЗ ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) дополнена новым п. «у», согласно которому со дня официального опубликования указанного закона отягчающим уголовное наказание обстоятельством признается совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации.

Федеральным законом от 09.11.2024 № 383-ФЗ ст. 322¹ «Организация незаконной миграции» УК РФ дополнена квалифицирующими признаками: совершение данного преступления с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность, а также с использованием сети Интернет.

Частью 3 ст. 322¹ УК РФ к числу особо тяжких преступлений отнесена организация незаконной миграции, совершенная организованной группой или в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений на территории Российской Федерации, и установлено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере от 3 млн до 5 млн рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до 5 лет либо без такового.

Поправками также предусматриваются повышенная уголовная ответственность за преступления, связанные с фиктивной регистрацией (ст. 322² УК РФ) и постановкой на учет иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 322³ УК РФ), а также меры квалифицированной и повышенной ответственности за подделку, изготовление или оборот поддельных документов (ст. 327 УК РФ).

С 10 декабря 2024 г. вступили в силу поправки в ст. 15¹, 15² Закона о правовом положении иностранных граждан, внесенные Федеральным законом от 09.11.2024 № 377-ФЗ, в части установления полного запрета для посреднических организаций принимать участие в приеме экзаменов у мигрантов, а также выдавать сертификаты о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации. Такую деятельность вправе осуществлять исключительно государственные учреждения, вклю-

ченные в установленный Правительством РФ перечень. Очевидно, ужесточение правил стало результатом выявления многочисленных нарушений при проведении такого рода экзаменов¹¹.

Федеральным законом от 09.11.2024 № 385-ФЗ информация, содержащая предложения о предоставлении незаконных услуг в сфере миграции, а также о способах организации незаконной миграции, отнесена к информации, распространяемой с нарушением закона, и доступ к ней может быть ограничен во внесудебном порядке Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Изменения вступили в силу 20 ноября 2024 г.

Проектом Федерального закона № 778084-8 «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» предусматривается, что лица, незаконно находящиеся на территории Российской Федерации, не могут быть приняты на обучение по основным общеобразовательным программам. Кроме того, лица, не прошедшие тестирование на знание русского языка, достаточное для освоения образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, не допускаются до освоения указанных образовательных программ. Порядок проведения такого тестирования будет устанавливаться Министерством просвещения Российской Федерации. Есть основания полагать, что данный Федеральный закон будет принят в ближайшее время.

Таким образом, большинство внесенных в российское миграционное законодательство изменений и предложений по реформированию направлены, с одной стороны, на пресечение нахождения на территории Российской Федерации без законных оснований иностранных граждан и лиц без гражданства, на усиление государственного контроля и надзора в сфере миграции, а, с другой стороны, способствуют добровольному переселению в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые готовы и способны успешно интегрироваться в российское общество.

Стоит отметить, что реализованные в области принятия нормативных актов меры соответствуют складывающейся ситуации,

¹¹ См., например: Рособннадзор вынес предостережение вузам за нарушения на экзамене для мигрантов. — URL: <https://rg.ru/2024/09/09/rkn-vynes-predosterezenie-semi-vuzam-iz-za-narushenij-na-ekzamene-dlia-migrantov.html> (дата обращения 15.12.2024); В вузах оценили итоги ужесточения экзамена по русскому для мигрантов. — URL: <https://www.rbc.ru/society/08/08/2024/66b1390b9a79474fd815bbf9> (дата обращения 15.12.2024).

являются системными и обладают существенным потенциалом для решения проблем национальной безопасности, что особенно актуально в условиях проведения специальной военной операции.

References

Solopova O.V., Demidova E.E., Veraksa A.N., Kozopolianskaia-Soloveva A.V., Robyshev V.O., Roeva-Mkrtychyan E.B., Solopov A.P., Dranova M.V. *Istoriko-geograficheskij landshaft migracij v Rossiju iz stran blizhnego zarubezh'ya v konce XX — nachale XXI v. Vzglyad iznutri* [The Historical and Geographical Landscape of Migration to Russia from the Near Abroad in the Late 20th and Early 21st Centuries: A View from Within] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2024. Vol. 65. N 2. P. 120–151.

Поступила в редакцию
5 февраля 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-155-169

Е.К. Столярова

**ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
ПЕРЕГОРОДЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ: ПИСЬМЕННЫЕ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ**

E.K. Stolyarova

**TECHNOLOGY OF CLOISONNÉ ENAMEL PRODUCTION:
WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE**

Аннотация. Вопрос технологии изготовления перегородчатых эмалей, несмотря на его длительное изучение, до сих пор до конца не решен. Автор предпринял попытку разобраться в сложностях этой проблемы, для чего были привлечены данные письменного источника, а именно, трактат Теофила и исследования некоторых археологических находок с эмальями. В результате было установлено, что описание технологического процесса изготовления изделий с эмальями, приводимое Теофилом, соответствует эмальям, изготавливавшимся главным образом в Европе, а также в Китае. В зарубежной литературе их называют *Zellenemail*. Здесь металлические перегородки припаивают на поверхность металлической, как правило, золотой пластины с рамкой, напаянной по краю. Полученные ячейки заполняются эмальями, не оставляя свободного металлического фона. Другой вид эмали, происхождение которого связывается с Византией, в зарубежной литературе обозначают термином *Senkemail*. В этом случае перегородки припаивают ко дну углубления, отгиснутого в золотой пластине либо полученного более сложным способом, когда в ней вырезается контур будущего изображения, а углубление в виде лотка припаивается снизу. В результате эмалевое изображение оказывается помещенным на золотой фон.

Столярова Екатерина Карленовна, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Stolyarova Ekaterina Karlenovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Archaeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

kath.stoliarova@gmail.com

ORCID: 0009-0001-9963-717X

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

В отечественной историографии эти виды эмалей не разделяются, для них используется единый термин — клуазоне. Наибольшее распространение на территории Древней Руси получили эмали византийского типа, *Senkemail*. Видимо, это и послужило причиной путаницы в расшифровке технологии их изготовления на основе текста Теофила, описывающего способ изготовления *Zellenemail*. Изучение некоторых бронзовых археологических предметов с эмальями, обнаруженных на территории Владимиро-Суздальской Руси, показало, что перегородки в них накладывались уже после того, как были выполнены эмалевые изображения. Такой способ изготовления в сочетании с использованием дешевого материала — бронзы — автор оценивает как имитацию дорогих золотых украшений. Можно предположить, что наклад металлических деталей на эмаль для передачи складок тканей и драпировок одежд использовался и в технологии изготовления византийских эмалей на золоте — *Senkemail*.

Ключевые слова: технология перегородчатых эмалей, эмаль клуазоне, *Zellenemail*, византийская эмаль, *Senkemail*, трактат Теофила, имитация перегородчатых эмалей.

Abstract. The technological processes involved in the production of cloisonné enamels, despite long-standing scholarly interest, have not yet been fully clarified. The present article aims to address some of the complexities of this problem by drawing on written evidence, above all the treatise of Theophilus, as well as on the results of scientific investigations of selected archaeological finds bearing enamels. The analysis suggests that Theophilus's description of the technological sequence for producing enamelled objects corresponds to enamels manufactured primarily in Europe and also in China. In the international literature, these are designated as *Zellenemail*: in this technique, metal cloisons are soldered to the surface of a metal (typically gold) plaque with a frame soldered along its edge, and the resulting cells are filled with enamels so as to leave no exposed metal ground. A second type of enamel, whose origins are associated with Byzantium, is referred to in the international literature as *Senkemail*. Here, the cloisons are soldered to the floor of a recess sunk into a gold plaque, or produced by a more complex procedure in which the outline of the future image is cut out in the plaque and a trough-like backing is soldered on from below. As a result, the enamelled image is set against a gold background. In Russian-language scholarship, these types of enamel are not normally distinguished; the single term *cloisonné* (*l'émal cloisonné*) is applied to both. In the territories of early Rus', enamels of the Byzantine *Senkemail* type are most widely attested. This circumstance appears to have contributed to confusion in attempts to reconstruct the relevant technologies on the basis of Theophilus's text, which described the method for producing *Zellenemail*. The examination of several bronze archaeological objects with enamels from the territory of Vladimir-Suzdal' Rus' has shown that in these pieces the cloisons were not soldered either to the plaque or to the floor of a recess; rather, they were applied only after the enamelled images had already been created. The author interprets this mode of manufacture, in combination with the use of a relatively inexpensive metal — bronze — as an imitation of costly gold ornaments. It may be further hypothesized that the application of metal

details onto the enamel surface to render folds of garments and drapery was also employed in the technology of Byzantine gold enamels of the *Senkemail* type.

Keywords: technology of cloisonné enamels, cloisonné enamel, *Zellenemail*, Byzantine enamel, *Senkemail*, Theophilus's treatise, imitation cloisonné enamels.

* * *

Тема технологии средневековых перегородчатых эмалей давно привлекает внимание исследователей. К ней обращались еще в XIX в. Список российских авторов открывают такие имена, как И.Е. Забелин¹ и Н.П. Кондаков². В советское время изучение этой проблемы было продолжено Г.Ф. Корзухиной³ и Б.А. Рыбаковым⁴. Специально перегородчатым эмалям Древней Руси посвятила свою монографию Т.И. Макарова⁵. Позднее она опубликовала совместно с Н.В. Жилиной книгу, где в первой главе рассматривались перегородчатые эмали в уборе Древней Руси⁶. Отдельно технологией византийских перегородчатых эмалей занималась Ю.Л. Щапова⁷.

Все исследователи, за исключением Ю.Л. Щаповой, были единодушны в реконструкции технологии перегородчатых эмалей. По их мнению, в металлической, как правило, золотой, реже медной или серебряной⁸ пластине делается углубление, на дно которого припаиваются тонкие ленточки металла, очерчивающие будущий рисунок. Промежутки между ленточками заполняются эмалями. Единственное, в чем не сошлись исследователи, — это способ изготовления углубления. Некоторые авторы полагали, что его делали оттиском в самой пластине-основе⁹, другие — что его вырезали и припаивали

¹ Забелин И.Е. Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России. СПб., 1853.

² Кондаков Н.П. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892.

³ Корзухина Г.Ф. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 13. М.; Л., 1946. С. 45–54.

⁴ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

⁵ Макарова Т.И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.

⁶ Жилина Н.В., Макарова Т.И. Древнерусский драгоценный убор — сплав влияний и традиций IX–XIII вв. Художественные стили и ремесленные школы. М., 2008.

⁷ Щапова Ю.Л. Древнерусский эмалевый убор (к вопросу о происхождении) // Общество, экономика, культура и искусство славян. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 284–289; Она же. Еще раз о перегородчатых эмалях Древней Руси // Древности Пскова. Археология, история, культура. К юбилею Инги Константиновны Лабутиной. Псков, 1999. С. 62–72.

⁸ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 3; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 2015. С. 345; Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII веков. М., 1978. С. 11.

⁹ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 3; Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 2015. С. 346–348. Рис. 104.

снизу с помощью вертикально поставленных ленточек¹⁰, а Т.И. Макарова признавала возможность существования обоих методов¹¹. При этом она считала оттиск способом получения выемки на Руси, а вырезание (ссылаясь на Н.П. Кондакова) — в Византии¹². Последнему утверждению противоречит корона Константина Мономаха (середина XI в.), византийское происхождение которой бесспорно и которую сама Т.И. Макарова в книге 1975 г. приводит как пример предмета с выемками, оттиснутыми под эмаль¹³.

Оба приема создания выемок исследовательница отнесла только к золотым изделиям, а в медных, по ее мнению, применялась смешанная техника — выемки делались литьем вместе с основными перегородками, а тонкие дополнительно припаивались¹⁴. С такой расшифровкой изготовления эмалей на меди была согласна и Ю.Л. Щапова. Правда, она считала, что по этой схеме были выполнены не древнерусские, а европейские лиможские и мосанские эмали на медной основе, в которых, по ее мнению, использовалась комбинация двух техник — выемчатой *champlevé* и перегородчатой¹⁵. Отчасти она была права (см. ниже), за исключением того, что в этих эмалях литье никогда не применялось, а использовались гравировка, чеканка или резьба¹⁶. На наш взгляд, эмали по литью следует считать отдельным видом эмальерной техники, отличной от выемчатых эмалей.

В отечественной историографии большинство исследователей (за исключением Ю.Л. Щаповой) признают, что описанный выше способ получения перегородчатых эмалей на золоте отражен в тексте трактата «О различных искусствах», написанного в начале XII в. монахом Теофилом из монастыря в Хельмерсхаузене недалеко от Падерборна. В нем автор в 53-й и 54-й главах 3-й книги сообщает о том, как золотую чашу с двумя ручками украсить камнями с четырьмя жемчужинами, чередующимися с эмальевыми вставками¹⁷.

¹⁰ Кондаков Н.П. Указ. соч. С. 91; Корзухина Г.Ф. Указ. соч. С. 53.

¹¹ Макарова Т.И. Указ. соч. С. 11.

¹² Жилина Н.В., Макарова Т.И. Указ. соч. С. 13.

¹³ Макарова Т.И. Указ. соч. С. 11, сн. 13.

¹⁴ Жилина Н.В., Макарова Т.И. Указ. соч. С. 13, 14.

¹⁵ Щапова Ю.Л. Еще раз о перегородчатых эмалях Древней Руси. С. 67.

¹⁶ Biron I., Dandridge P., Wypyski M.T., Vandevyver M. Techniques and Materials in Limoges Enamels // Enamels of Limoges 1100–1350. New York, 1996. P. 49.

¹⁷ Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах» // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных ценностей. М., 1963. С. 143–146. В данной публикации «эмаль» переведена как «янтарь».

Для их изготовления Теофил рекомендует подготовить лист золота, на который будет помещена эмаль. Затем из более толстого листа золота следует нарезать полосы и изогнуть их по краю пластины в два ряда, но так, чтобы между ними оставался пустой промежуток. Теофил называет это «бордюром»¹⁸ или «каймой»¹⁹ эмали. Затем из тонкого золотого листа нужно нарезать полосы и с помощью пинцета выгнуть из них желаемые фигуры, прикрепить их с помощью мучного клея над угольным пламенем к пластине и припаять. После этого следует этап заполнения полученных форм эмалями. Перед этим Теофил описывает процесс превращения кусков эмалей в порошок. Готовый порошок, находящийся во влажном состоянии, нужно набирать с помощью гусяного пера, срезанного наискось, и заостренной медной палочкой закладывать в ячейки. Заключительными этапами служат обжиг и полирование эмалей.

В описании этого процесса нам представляются важными некоторые моменты, на которые следует обратить внимание: в качестве основы для эмали используется золото, золотая пластина не подвергается никакой механической обработке, эмали наносятся в ячейки на пластине, не оставляя свободного золотого фона, мастер сам готовит эмалевый порошок.

Кратко технология, описанная Теофилом, заключается в следующем: на поверхность золотой пластины с напаянной по краю двойной рамкой накладываются перегородки, образующие ячейки, в которые закладываются эмали, рисунок заполняет всю пластину, не оставляя свободного золотого фона.

Анализ процесса, описанного Теофилом, приводят в своих работах Н.П. Кондаков и Т.И. Макарова. Н.П. Кондаков, рассмотрев текст Теофила, приходит к выводу, что это и есть описание технологии византийской перегородчатой эмали²⁰. При этом ниже он указывает, что в Византии перегородчатые эмали никогда не делались на всем предмете, а «устраивались на особых лоточках из возможно тонких листиков золота»²¹. На общей золотой поверхности мастер вырезал соответствующее гнездо по форме лоточка, который затем припаялся «к общей доске с испода»²². Если пластинка была достаточно тонка, то вырезанная часть могла использоваться для из-

¹⁸ Там же. С. 144.

¹⁹ Отрывки из трактата Теофила // Макарова Т.И. Указ. соч. С. 128.

²⁰ Кондаков Н.П. Указ. соч. С. 90.

²¹ Там же. С. 91.

²² Там же.

готовления лоточка. Таким образом, исследователь довольно точно охарактеризовал особенности византийских эмалей — помещение их не на поверхности металла, а в выемке или лоточке, благодаря чему они располагались на одном уровне с металлом, но не объяснил при этом отсутствие этапа изготовления выемки в тексте трактата. Зато в рассмотренных им изделиях он обнаружил, как он считал, «бордюр эмали» Теофила — двойную рамку. Объясняет он это так: «...так как в рисунках фигур и особенно орнаментов иногда требовалось обозначить их контур особой перегородкой, то получался двойной контур, промежуток которого <...> заполнялся красной эмалью»²³. На его взгляд, именно эту полоску и имел в виду Теофил, когда писал о бордюре или кайме эмали. Однако мы видим такой контур лишь в некоторых случаях. Например, они окружают нимбы святых или ограничивают орнаментальные изображения, но только, если они вписаны в круг²⁴. В других ситуациях они отсутствуют. Кроме того, Теофил ничего не пишет о заполнении двойной рамки эмалью. По-видимому, она должна была оставаться пустой.

Такого же мнения о соответствии описания Теофила технологии перегородчатых эмалей Древней Руси придерживалась Т.И. Макарова. При этом в работе 1975 г. она отметила — правда, без каких-либо объяснений — отсутствие в его тексте сведений о создании в пластине углубления, но не обратила внимания на отсутствие на исследуемых вещах «бордюра» эмали, о котором пишет Теофил. В более поздней работе 2008 г. Т.И. Макарова операцию по образованию в пластине лотка почему-то включила в описание технологии перегородчатых эмалей Теофила²⁵, хотя в тексте трактата она отсутствует.

Обращается к тексту Теофила и Ю.Л. Щапова. В отличие от вышеназванных трактовок исследовательница пришла к выводу, что в нем описан процесс получения европейских эмалей — лиможских и мосанских²⁶. Однако такие эмали выполнялись главным образом на меди, а Теофил в своем руководстве медь не упоминает, а говорит лишь об украшении эмалями золотых предметов.

Таким образом, налицо несоответствие между описанием в трактате Теофила и теми реальными предметами, которые являлись

²³ Там же. С. 92, 93.

²⁴ Там же. Табл. 1–11, 16.

²⁵ Жилина Н.В., Макарова Т.И. Указ. соч. С. 13.

²⁶ Щапова Ю.Л. Еще раз о перегородчатых эмалях Древней Руси. С. 62, 63.

объектами исследования вышеназванных авторов. Эти несоответствия либо игнорировались исследователями, либо им находились неверные объяснения.

В 1979 г. вышла работа немецкого эмалиера Э. Бреполя, посвященная художественному эмалированию. В ней автор разделяет все перегородчатые эмали на два вида: *Zellenemail*²⁷ (от нем. *Zelle* — ячейка) и *Senkemail*²⁸ (от нем. *Senke* — углубление, выемка).

Разница между ними заключается, во-первых, в том, куда помещаются перегородки. В первом случае их помещают на поверхность металлической пластины с рамкой, напаянной по краю, во втором — в выемку (а по отечественной терминологии — лоток) в пластине без рамки. При этом выемка могла быть либо оттиснута, либо образована соединением двух пластин, в одной из которых вырезан контур будущего изображения, а вторая играла роль дна. Следует отметить, что литье для получения выемки/лотка в этой традиции не использовалось.

Второе отличие — заполняет ли эмалевый рисунок, полученный перегородками, полностью пластину (так делали в эмалях первого варианта) или оставляет металлический фон свободным, что было свойственно второму варианту.

По-видимому, первый вид *Zellenemail* и был описан Теофилом. Другое его название *cloisonné* (от франц. *cloison* — перегородка). Этот вид характерен в основном для средневековой Западной Европы, на изделиях которой мы как раз и видим ту самую двойную рамку, не заполненную эмалью, о которой пишет Теофил. Например, в такой технике выполнено эмалевое украшение шкатулки-реликвария для хранения частицы Животворящего Креста Фиески-Моргана из музея Метрополитен в Нью-Йорке, датируемого сейчас IX в. Это на сегодня самый ранний из датированных предметов с эмалями. И хотя принято считать, что реликварий был выполнен в Константинополе, тем не менее каролингский стиль эмалей позволяет предполагать, что эмальером был западный мастер, приехавший в Константинополь²⁹.

Еще одним примером техники клуазоне является крест-реликварий Бересфорда Хоупа из Музея королевы Виктории и прин-

²⁷ Brepohl E. Kunsthandwerkliches Emaillieren. Leipzig, 1979. S. 39, 143–145.

²⁸ Ibid. S. 36, 157, 158.

²⁹ Bosselmann-Ruickbie A. Contact between Byzantium and the West from the 9th to the 15th Century: Reflections in Goldsmiths' Works and Enamels // Menschen, Bilder, Sprache, Dinge. Wege der Kommunikation zwischen Byzanz und dem Westen. 1. Bilder und Dinge / F. Daim, D. Heher, C. Rapp (Hrsg.). Mainz, 2018. P. 78, 79.

ца Альберта, датированный также IX в. Исследователи считают его сходным с рассмотренным выше предметом, но менее примитивным. Он отнесен к итальянскому изготовлению³⁰. Западной продукцией оттоновского времени (919–1024 гг.) считаются трапециевидные пластины с эмальями, находящиеся во вторичном использовании на двух предметах — кресте Феофаны и реликварии для Святого Гвоздя (1039–1058 гг.)³¹. С точки зрения А. Катлера, метод эмалирования всех перечисленных выше предметов, полностью скрывавший поверхность золота, был слишком расточительным, что, по его мнению, и привело к технике, где золотые поверхности были открыты в гораздо большей степени³².

Такая же эмальерная технология *cloisonné* применялась в Китае начиная, как считают специалисты, с периода правления монгольской династии Юань (1271–1368 гг.)³³.

Второй вид этой техники — *Senkemail* или *sunken* (англ. — углубленный) *email* — традиционно связывается с Византией³⁴. Считается, что суть ее заключается в соединении двух приемов — перегородчатой *cloisonné* и выемчатой *champlevé* или *Grubenemail*. Однако это не совсем так, поскольку в европейских выемчатых эмалях для создания углублений оттиск не применяли, а, как уже говорилось, использовали гравировку, чеканку или резьбу³⁵. Самым ранним предметом в этой технике считаются пластины диадемы из датированного около 927 г. Преславского клада³⁶. Большое количество предметов с эмальями византийского типа происходит из относящихся к XI–XII вв. кладов Древней Руси³⁷. Среди недавних находок в этой технике следует назвать эмалевую вставку, украшающую золотую

³⁰ Официальный сайт Музея королевы Виктории и принца Альберта. — URL: <https://collections.vam.ac.uk/item/O115274/beresford-hope-cross-cross-unknown/> (дата обращения 07.01.2025).

³¹ *Bosselmann-Ruickbie A.* Op. cit. P. 78, 79.

³² *Cutler A.* The Industries of Art // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century / Ed. by A.E. Laiou. Vol. 2. Washington, D.C., 2002. P. 577.

³³ *Неглинская М.А.* Китайские перегородчатые эмали XV — первой трети XX века. Собрание Государственного музея Востока. М., 2006. С. 9.

³⁴ *Brepohl E.* Op. cit. S. 157. Ю.Л. Щапова называет *Senkschmelz* выемчатой эмалью, относя ее при этом к Византии. См.: *Щапова Ю.Л.* Еще раз о перегородчатых эмалях Древней Руси. С. 68.

³⁵ *Brepohl E.* Op. cit. S. 153–155; *Biron I., Dandridge P., Wypyski M.T., Vandevyver M.* Op. cit. P. 49.

³⁶ *Bosselmann-Ruickbie A.* Op. cit. P. 79.

³⁷ Клады Древней Руси в собрании Русского музея / Авт. ст., сост. С.М. Новаковская-Бухман. СПб., 2015. (Русский музей представляет. Альманах. Вып. 457).

квадрифолийную подвеску начала XIII в. из Новгорода³⁸, находящуюся, на наш взгляд, во вторичном использовании.

В оттоновское время в монастырях на Рейне и в Лотарингии организовывались мастерские, где под влиянием опыта Византии изготавливались не только эмали клуазоне, но и эмали типа *Senkemail*³⁹. Однако таких предметов на золоте сохранилось крайне мало, поскольку, как считают исследователи, их высокая ценность приводила к переплавкам и кражам⁴⁰. Больше сохранилось изделий на меди. Такие экземпляры известны и на юге Франции. Например, в Конке был создан переносной алтарь святой Веры (около 1100 г.) на позолоченной меди, украшенный медальонами в византийской технике⁴¹. Нередко на одном медном произведении *Senkemail* сочетались с выемчатой эмалью⁴², которая начиная с конца XI в. и вплоть до середины XIV в. являлась преобладающей техникой эмалирования в районе Мааса и южной Европы, в том числе в Конке и Лиможе⁴³. В таких объектах эмаль византийского типа использовалась, как правило, для изображения деталей лиц и элементов обрамления⁴⁴. Такое соединение двух эмальерных приемов свойственно для начала XI–XII вв.

С XII в. и в Византии отмечается использование вместо золотой основы — медной как более дешевой. С этого же времени там стали производить перегородчатые эмали по типу европейских *cloisonné*: без выемки/лотка и с заполнением эмалью всей поверхности с рамкой⁴⁵.

Возвращаясь к трактату Теофила, можно утверждать, что приведенный в нем способ описывает только часть эмалевых изделий:

³⁸ Валиулина С.И., Румянцева О.С., Ващенко Е.С., Волков П.А., Исагулов А.М., Мандрыкина А.Н., Ретивов В.М., Куликов А.Г., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Эмалевый медальон золотой подвески из Великого Новгорода // Российская археология. 2022. № 3. С. 107–121.

³⁹ *Brepohl E.* Op. cit. S. 40.

⁴⁰ Западноевропейское декоративное искусство IX–XVI веков из собраний музеев Лувра и Кюни. Каталог выставки. М., 1981. С. 48.

⁴¹ *Biron I., Dandridge P., Wypyski M.T., Vandevyver M.* Op. cit. P. 68.

⁴² Ю.Л. Щапова ошибочно указывает, что для таких предметов с комбинацией двух техник — выемчатой (имеются в виду эмали по литью) и перегородчатой (имеется в виду пайка перегородок в выемках) — Э. Бреполь использует термин *Zellen- und Grubenemail* (Щапова Ю.Л. Еще раз о перегородчатых эмалях Древней Руси. С. 67, 68; *Brepohl E.* Op. cit. S. 39).

⁴³ *Biron I., Dandridge P., Wypyski M.T., Vandevyver M.* Op. cit. P. 72–77.

⁴⁴ Западноевропейское декоративное искусство IX–XVI веков из собраний музеев Лувра и Кюни. Каталог выставки. С. 47–50.

⁴⁵ *Brepohl E.* Op. cit. S. 144. Bild 116.

на золотой пластине с рамкой без металлического фона, т.е. эмали клуазоне. Другие предметы — с эмалью на золотом фоне без рамки, т.е. *Senkemail*, — остались за границами его описания.

Свой вариант расшифровки технологии изготовления эмалей византийского типа предложила Ю.Л. Щапова⁴⁶. По ее мнению, полихромные изображения на золотых украшениях изготовлены в технологии миниатюрной мозаики или миллефиори. Этот прием сложился еще в эпоху бронзы на территории Переднего Востока, а расцвет его приходится на конец эллинизма и начало римского времени. В эпоху Средневековья такую технику использовали не только на Востоке, но и в Венеции⁴⁷.

Суть технологии миниатюрной мозаики заключается в получении изображения путем соединения стеклянных деталей разных цветов (отсюда и название) в одну заготовку в виде стержня так, что на его срезе образуется заданный рисунок. Затем заготовку нагревали и растягивали в длину, используя такое свойство стекла, как пластичность. В результате она становилась длиннее и тоньше, но взаимное расположение деталей, составляющих узор, сохранялось, поэтому сохранялось и изображение, уменьшаясь только в размере. Чем сильнее растягивали заготовку, тем мельче был узор⁴⁸. Доведя изображение до нужных размеров, заготовку разрезали поперек на части, тиражируя таким способом изображение. Известно, что из заготовки длиной 30 см можно было получить 200 «ломтиков» толщиной 1–2 мм⁴⁹. Затем их соединяли между собой, создавая готовые предметы — различные украшения или сосуды, а могли использовать и самостоятельно в виде плакеток или вставок⁵⁰.

Одной из причин, побудивших Ю.Л. Щапову предложить такой вариант технологической реконструкции византийских эмалей, была, на ее взгляд, абсолютная тождественность рисунка и цветовой композиции деталей изображений — таких, как крины, городки, руки, лики, нимбы, детали одежды, евангелия, кресты и прочие

⁴⁶ Щапова Ю.Л. Еще раз о перегородчатых эмалях Древней Руси. С. 68.

⁴⁷ Saldern A., von. Other Mesopotamian Glass Vessels (1500–600 B.C.) // *Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia*. Corning, 1970. P. 213–216. Fig. 1–5; Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Месопотамии и Европы). М., 1983. С. 101, 102; Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. С. 34, 35, 89–91, 94, 95, 100, 101; *Five Thousand Years of Glass* / Ed. by H. Tait. Revised Edition. Philadelphia, 2004. P. 163. Fig. 209.

⁴⁸ Spaer M. *Ancient Glass in the Israel Museum. Beads and Other Small Objects*. Jerusalem, 2001. P. 268–271.

⁴⁹ Щапова Ю.Л. Еще раз о перегородчатых эмалях Древней Руси. С. 65.

⁵⁰ Spaer M. *Op. cit.* P. 118–126, 248–250.

регалии, головки, туловища, крылья, хвосты птиц, «стократно» повторенные «на разных изделиях, будь то киевские колты <...> или оклады икон»⁵¹. Применение техники миниатюрной мозаики, позволяющей получать не индивидуальные, а серийные изображения, детали, которые можно было изготавливать впрок и расходовать по мере надобности, разрешает, по мнению Ю.Л. Шаповой, все выше-названные особенности: и точность реплик, и разнообразие комбинаций деталей и изображений, и декора⁵². Возможно, в какой-то степени такой прием мог иметь место в эмальерном деле, тем более что А. Киза особенностью галльско-рейнского эмальерного искусства считал использование пластинок миллефиори, вставлявшихся в углубление в металле⁵³.

Другой особенностью византийских эмалей Ю.Л. Шапова называет отсутствие в некоторых случаях золотых перегородок между эмальями разных цветов, что не приводило при этом к их смешиванию. Исходя из применения техники миллефиори для изготовления византийских эмалей, исследовательница приходит к выводу, что золотые перегородки не имели технологического значения, а играли техническую роль, обеспечивая сварку мозаичных деталей и на подготовительном этапе, и на этапе объединения элементов в целостное изображение, и на этапе закрепления вставок миллефиори в выемке, куда их помещали⁵⁴. Возможно, действительно мастера в некоторых случаях отказывались от непосредственной сварки стеклянных деталей, а предпочитали соединять разноцветные стекла с помощью металла. По крайней мере, для более раннего времени такие предметы известны. Например, в экспозиции музея Метрополитен в Нью-Йорке выставлены предположительно египетские стеклянные пластинки конца I в. до н.э. — I в. н.э. с изображениями петуха, ящерицы и листа аканта в технике миллефиори, обложенными золотом.

Такую же особенность в виде отсутствия перегородок между разными цветами эмалей либо не полного очерчивания ими изображений мы обнаружили на нескольких бронзовых предметах XII — первой половины XIII в., происходящих с территории Владимиро-Суздальской Руси. Это колт и нательный крест, найденные во Владимире, и двусторонняя иконка-привеска, обнаруженная на

⁵¹ Шапова Ю.Л. Еще раз о перегородчатых эмалях Древней Руси. С. 63, 68.

⁵² Там же. С. 67, 69.

⁵³ Kisa A. Das Glass in Altertume. Bd. 1. Leipzig, 1908. S. 159. Автор благодарит Ю.А. Лихтер за предоставленную информацию.

⁵⁴ Шапова Ю.Л. Еще раз о перегородчатых эмалях Древней Руси. С. 66, 67.

селище Семеновское-Советское 3 в 20 км от Суздаля. Проведенное исследование эмалевых изображений на этих предметах⁵⁵, показало, что для их изготовления перегородки были не нужны, они имели только декоративную, а не технологическую функцию. Это привело нас к выводу о том, что их нанесение было вторичным по отношению к наложению эмалей, перегородки не припаивались к пластине или ко дну выемки, а накладывались уже после того, как были выполнены эмалевые изображения: сначала наносились эмали, затем на определенные места накладывались перегородки, а потом уже совершался обжиг эмали. Исходя из этого, правильнее было бы называть их не перегородками, а контуром, с помощью которого подчеркивалась форма изображений. Мы оценили такой прием отказа от сложной технологии пайки перегородок в сочетании с использованием дешевого материала — бронзы — как имитацию дорогих золотых украшений, выполненных в сложной ювелирной технике. Однако, на наш взгляд, использование наклада металлических деталей на эмаль можно предположительно рассматривать и в качестве дополнительного приема для передачи складок тканей и драпировок одежды на византийских золотых предметах с эмальями типа *Senkemail*.

Технология перегородчатых эмалей вызывает интерес у исследователей уже более 100 лет. Возможно, нам удалось отчасти разрешить некоторые ее проблемы и обозначить сложности на основании комплексного изучения письменных и археологических источников, а также данных, полученных из литературы.

⁵⁵ Kovalenko E.S., Murasheva M.M., Stolyarova E.K., Podurets K.M., Glazkov V.P., Presnyakova N.N., Borisova P.A., Svetogorov R.D., Gogin A.A., Greshnikov E.A., Zaytseva I.E., Yatsishina E.B. Study of Medieval Russian Enamel Pendant Using a Complex of Nondestructive Methods // *Crystallography Reports*. 2020. Vol. 65. N 6. P. 1073–1080; Столярова Е.К., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Подурец К.М., Зайцева И.Е., Грешников Э.А., Преснякова Н.Н., Глазков В.П., Борисова П.А., Светогоров Р.Д., Ениосова Н.В., Гозин А.А. Двусторонняя эмалевая иконка из Суздальского Ополья: технологическое исследование // *Средневековые искусства и ремесла. К 90-летию со дня рождения Татьяны Ивановны Макаровой*. М., 2021. С. 185–213; Столярова Е.К., Зайцева И.Е., Мухина Т.Ф., Коваленко Е.С., Подурец К.М., Мурашев М.М., Трунькин И.Н., Ващенко Е.С., Волков П.А., Ретивов В.М., Исмагулов А.М., Куликов А.Г., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Древнерусский колт с эмальями из Владимира: результаты комплексного аналитического исследования // *Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Симферополь, 5–7 октября 2022 г.)* / Отв. ред. Э.А. Хайрединова, Е.Б. Яцишина. Симферополь, 2022. С. 143–148; Столярова Е.К., Коваленко Е.С., Мурашев М.М., Подурец К.М., Зайцева И.Е., Мухина Т.Ф., Гурьева П.В., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Имитации перегородчатых эмалей в древнерусском искусстве (на примере археологических находок из Владимиро-Суздальской земли) // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Вып. 14. СПб., 2024. С. 766–777.

References

Bank A.V. *Prikladnoye iskusstvo Vizantii IX–XII vekov* [Applied Art of Byzantium in the 9th to 12th Centuries]. Moscow: Nauka, 1978. 312 p.

Biron I., Dandridge P., Wypyski M.T., Vandevyver M. *Techniques and Materials in Limoges Enamels // Enamels of Limoges 1100–1350*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1996. P. 48–62.

Bosselmann-Ruickbie A. *Contact between Byzantium and the West from the 9th to the 15th Century: Reflections in Goldsmiths' Works and Enamels // Menschen, Bilder, Sprache, Dinge. Wege der Kommunikation zwischen Byzanz und dem Westen*. 1. Bilder und Dinge / F. Daim, D. Heher, C. Rapp (Hrsg.). Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2018. P. 73–104.

Brepohl E. *Kunsthandwerkliches Emaillieren*. Leipzig: Fachbuchverlag, 1979. 207 S.

Cutler A. *The Industries of Art // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century* / Ed. by A.E. Laiou. Vol. 2. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 2002. P. 544–587.

Five Thousand Years of Glass / Ed. by H. Tait. Revised Edition. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004. 256 p.

Kisa A. *Das Glass in Altertume*. Bd. 1–3. Leipzig: Verlag von Karl W. Hiersemann, 1908. 340 S.

Klady Drevney Rusi v sobranii Russkogo muzeya [Hoards of Ancient Rus' in the Collection of the Russian Museum] / Compiled by S.M. Novakovskaya-Bukhman. Saint Petersburg: Russkiy muzey; Palace Editions, 2015. 95 p. (*Russkiy muzey predstavlyaet. Al'manakh* [Russian Museum Presents. Almanac]. Issue 457).

Kondakov N.P. *Istoriya i pamyatniki vizantiyskoy emali* [History and Monuments of Byzantine Enamel]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1892. 394 p.

Korzukhina G.F. *O tekhnike tsneniya i peregorodchatoy emali v Drevney Rusi X–XII vv.* [On the Technique of Repoussé and Cloisonné Enamel in Ancient Rus', from the 10th through the 12th Century] // *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture]. Issue 13. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1946. P. 45–54.

Kovalenko E.S., Murasheva M.M., Stolyarova E.K., Podurets K.M., Glazkov V.P., Presnyakova N.N., Borisova P.A., Svetogorov R.D., Gogin A.A., Greshnikov E.A., Zaytseva I.E., Yatsishina E.B. *Study of Medieval Russian Enamel Pendant Using a Complex of Nondestructive Methods // Crystallography Reports*. 2020. Vol. 65. N 6. P. 1073–1080.

Kunina N.Z. *Antichnoye steklo v sobranii Ermitazha* [Ancient Glass in the Collection of the Hermitage]. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh; ARS, 1997. 360 p.

Makarova T.I. *Peregorodchatye emali Drevney Rusi* [Cloisonné Enamels of Ancient Rus']. Moscow: Nauka, 1975. 133 p.

Manuskript Teofila "Zapiska o raznykh iskusstvakh" [Theophilus's Manuscript *Treatise on Diverse Arts*] // *Soobshcheniya Vsesoyuznoy tsentral'noy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii po konservatsii i restavratsii muzeynykh tsennostey* [Reports of the All-Union Central Research Laboratory for the Conservation and Restoration of Museum Values]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1963. P. 66–184.

Neglinskaya M.A. *Kitayskie peregorodchatye emali XV — pervoy trety XX veka. Sobranie Gosudarstvennogo muzeya Vostoka* [Chinese Cloisonné Enamels from the

15th to the First Third of the 20th Century: The Collection of the State Museum of the Orient]. Moscow: Lyubimaya kniga, 2006. 164 p.

Otryvki iz traktata Teofila [Excerpts from Theophilus's Treatise] // Makarova T.I. *Peregordchatye emali Drevney Rusi* [Cloisonné Enamels of Ancient Rus']. Moscow: Nauka, 1975. P. 128–129.

Rybakov B.A. *Remeslo Drevney Rusi* [The Crafts of Ancient Rus']. Moscow: AN SSSR, 1948. 792 p.

Rybakov B.A. *Remeslo Drevney Rusi* [The Crafts of Ancient Rus']. Moscow: Akademicheskii proyekt; Kul'tura, 2015. 715 p.

Saldern A., von. Other Mesopotamian Glass Vessels (1500–600 B.C.) // Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. Corning: The Corning Museum of Glass Press, 1970. P. 203–228.

Shchapova Yu.L. *Drevnerusskiy emalevyy ubor (k voprosu o proiskhozhdenii)* [Old Russian Enamel Ornaments (On the Question of Their Origin)] // *Obshchestvo, ekonomika, kul'tura i iskusstvo slavyan. Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii* [Society, Economy, Culture, and Art of the Slavs. Proceedings of the Sixth International Congress of Slavic Archaeology]. Vol. 4. Moscow: Editorial URSS, 1998. P. 284–289.

Shchapova Yu.L. *Eshche raz o peregordchatykh emalyakh Drevney Rusi* [A Re-appraisal of the Cloisonné Enamels of Old Rus'] // *Drevnosti Pskova. Arkheologiya, istoriya, kul'tura. K yubileyu Ingi Konstantinovny Labutinoy* [Antiquities of Pskov: Archaeology, History, Culture. For the Jubilee of Inga Konstantinovna Labutina]. Pskov: PGOMZ, 1999. P. 62–72.

Shchapova Yu.L. *Ocherki istorii drevnego steklodeliya (po materialam doliny Nila, Mesopotamii i Evropy)* [Essays on the History of Ancient Glassmaking (Based on Materials from the Nile Valley, Mesopotamia, and Europe)]. Moscow: MGU, 1983. 200 p.

Spaer M. Ancient Glass in the Israel Museum. Beads and Other Small Objects. Jerusalem: The Israel Museum, 2001. 384 p.

Stolyarova E.K., Kovalenko E.S., Murashev M.M., Podurets K.M., Zaytseva I.E., Greshnikov E.A., Presnyakova N.N., Glazkov V.P., Borisova P.A., Svetogorov R.D., Eniosova N.V., Gogin A.A. *Dvustoronnjaya emalevaya ikonka iz Suzdal'skogo Opol'ya: tekhnologicheskoye issledovanie* [A Double-Sided Enamel Icon from the Suzdal' Opol'e: A Technological Study] // *Srednevekovye iskusstva i remesla. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Tat'yany Ivanovny Makarovoy* [Medieval Arts and Crafts: For the 90th Anniversary of Tatiana Ivanovna Makarova]. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2021. P. 185–213.

Stolyarova E.K., Kovalenko E.S., Murashev M.M., Podurets K.M., Zaytseva I.E., Mukhina T.F., Guryeva P.V., Tereshchenko E.Yu., Yatsishina E.B. *Imitatsii peregordchatykh emaley v drevnerusskom iskusstve (na primere arkheologicheskikh nakhodok iz Vladimiro-Suzdal'skoy zemli)* [Imitations of Cloisonné Enamels in Old Russian Art (On the Example of Archaeological Finds from the Vladimir-Suzdal' Region)] // *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Topical Issues in the Theory and History of Art]. Issue. 14. Saint Petersburg: NP-Print, 2024. P. 766–777.

Stolyarova E.K., Zaytseva I.E., Mukhina T.F., Kovalenko E.S., Podurets K.M., Murashev M.M., Trun'kin I.N., Vashchenkova E.S., Volkov P.A., Retivov V.M., Ismagulov A.M., Kulikov A.G., Tereshchenko E.Yu., Yatsishina E.B. *Drevnerusskiy kolt s emaluyami iz Vladimira: rezul'taty kompleksnogo analiticheskogo issledovaniya* [An Old Russian Kolt with Enamels from Vladimir: Results of a Comprehensive Analytical

Study] // *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya ob'ektov kul'turnogo naslediya estestvenno-nauchnymi metodami: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Simferopol', 5–7 oktyabrya 2022 g.)* [Interdisciplinary Research on Cultural Heritage Objects Using Methods of the Natural Sciences: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Simferopol, October 5–7, 2022)] / Ed. by E.A. Khayredinova, E.B. Yatsishina. Simferopol': Antikva, 2022. P. 143–148.

Valiulina S.I., Rummyantseva O.S., Vashchenkova E.S., Volkov P.A., Ismagulov A.M., Mandrykina A.N., Retivov V.M., Kulikov A.G., Tereshchenko E.Yu., Yatsishina E.B. *Emalevyy medal'on zolotoy podveski iz Velikogo Novgoroda* [Enamel Medallion of a Gold Pendant from Velikii Novgorod] // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2022. N 3. P. 107–121.

Zabelin I.E. *Istoricheskoye obozrenie fniftianogo i tseninnogo dela v Rossii* [Historical Survey of the Enamel and Majolica Trade in Russia]. Saint Petersburg: Tipografiya Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1853. 101 p.

Zapadnoevropeyskoye dekorativnoye iskusstvo IX–XVI vekov iz sobraniy muzeyev Luvra i Klyuni. Katalog vystavki [Western European Decorative Art from the 9th through the 16th Century from the Collections of the Louvre and Cluny Museums: Exhibition Catalogue]. Moscow: Iskusstvo, 1981. 135 p.

Zhilina N.V., Makarova T.I. *Drevnerusskiy dragotsenny ubor — splav vliyaniy i traditsiy IX–XIII vv. Khudozhestvennyye stili i remeslennyye shkoly* [Old Russian Precious Ornaments: A Fusion of Influences and Traditions from the 9th through the 13th Century. Artistic Styles and Craft Schools]. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2008. 296 p.

Поступила в редакцию
15 января 2025 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2025-66-2-170-187

Р.Р. Холев

**«ТРИ ГИГАНТА» НА ПЛОЩАДИ СИНЬОРИИ
ВО ФЛОРЕНЦИИ: РЕСПУБЛИКАНСКИЕ
И МОНАРХИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ НА СЛУЖБЕ
ГЕРЦОГА КОЗИМО I МЕДИЧИ**

R.R. Kholev

**THE THREE GIANTS IN THE PIAZZA DELLA SIGNORIA
IN FLORENCE: REPUBLICAN AND MONARCHICAL SYMBOLS
IN THE SERVICE OF DUKE COSIMO I DE' MEDICI**

Аннотация. На протяжении раннего и зрелого Возрождения, в XV — первой половине XVI в., площадь Синьории во Флоренции являлась символом флорентийской коммуны и свободы республики. К середине XVI столетия ее пространство претерпело кардинальные изменения, наполнившись многочисленными статуями, внушительными как по своим размерам, так и по пластическому решению. Оно оказалось включенным в систему репрезентации нового правителя — герцога Козимо I Медичи. Из монументов, возведенных на площади в разные годы, сложилась развитая художественная программа, отражавшая амбиции молодой медичейской власти и ее представления о собственных достижениях. Осью ансамбля в 1560-е гг. стали три мраморных гиганта — «Давид» Микеланджело Буонарроти, «Геркулес и Какус» Баччо Бандинелли и «Нептун» Бартоломео Амманати, входивший в состав монументальной фонтанной группы. Дополнила их скульптура, которая находится в Лоджии деи Ланци, примыкающей к площади, прежде всего «Персей с головой медузы» работы Бенвенуто Челлини, а также существенно более ранняя группа «Юдифь и Олоферн» Донателло. Статуи, соединившиеся на площади Синьории, отражали как старореспубликанские идеалы, которые в новом контексте могли бы восприниматься как антимеридианские, так и эксплицитно монархические образы, но в совокупности образовали единый аллегорический замысел,

Холев Роман Русланович, аспирант кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kholev Roman Ruslanovich, Postgraduate Student, Department of General History of Art, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
romanhol@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9487-5438

направленный на прославление флорентийского герцога и проводимой им государственной политики. Вхождение республиканских символов в новый имперский дискурс придворной культуры осуществлялось двумя путями — интеграцией этих образов в галерею аллегорических образов герцога Козимо и полемикой флорентийских мастеров со скульптурами Донателло и Микеланджело. Республиканские образы, прежде символизировавшие независимость и свободу флорентийской коммуны, оказались подчиненными системе репрезентации и прославления герцога Козимо и вместе с работами Бандинелли, Челлини и Амманати отразили важнейшие пункты его политической риторики — идеи божественного происхождения его власти, дарования мира и процветания Флоренции, построения нового «золотого века».

Ключевые слова: Возрождение, флорентийский маньеризм, скульптурный ансамбль, мифологические образы в искусстве, династия Медичи, Палаццо Веккьо.

Abstract. Throughout the early and high Renaissance, in the 15th and first half of the 16th century, the Piazza della Signoria in Florence served as a symbol of the Florentine commune and republican liberty. By the mid-16th century, however, its space had undergone radical transformation, as it became filled with numerous statues, impressive both in scale and in sculptural conception. The piazza was now integrated into the system of representation of the new ruler, Duke Cosimo I de' Medici. Out of the monuments erected there over the years, a complex visual programme gradually emerged, reflecting the ambitions of the young Medici regime and its understanding of its own achievements. In the 1560s the axis of the ensemble was formed by three marble "giants": Michelangelo Buonarroti's *David*, Baccio Bandinelli's *Hercules and Cacus*, and Bartolomeo Ammannati's *Neptune*, the centerpiece of a monumental fountain. They were complemented by sculpture in the adjacent Loggia dei Lanzi — above all Benvenuto Cellini's *Perseus with the Head of Medusa*, as well as the much earlier group *Judith and Holofernes* by Donatello. Taken together, the statues gathered in the Piazza della Signoria articulated both older republican ideals, which in the new context might be read as anti-Medicean, and explicitly monarchical images; yet in combination they formed a unified allegorical design aimed at glorifying the Florentine duke and his policies. The incorporation of republican symbols into the new imperial discourse of court culture proceeded along two lines: the integration of these figures into a gallery of allegorical personifications of Duke Cosimo himself, and a visual polemic by Florentine sculptors with the works of Donatello and Michelangelo. Republican images that had once symbolized the independence and freedom of the Florentine commune thus came to be subordinated to a system of representation and exaltation of Duke Cosimo. Alongside the works of Bandinelli, Cellini, and Ammannati, they articulated key elements of his political rhetoric: the divine origin of his power, the bestowal of peace and prosperity upon a Florence, and the construction of a new "golden age".

Keywords: Renaissance, Florentine Mannerism, sculptural ensemble, mythological imagery in art, Medici dynasty, Palazzo Vecchio.

Эти люди во Флоренции посадили юношу на изумительного коня, потом надели ему шпоры и дали ему в руку поводя на полную волю, и поставили его на прекраснейший луг, где и цветы, и плоды, и всевозможные улады; потом сказали ему, чтобы он не переступал неких назначенных пределов; теперь вы мне скажите, кто тот человек, который сможет его удержать, когда он захочет их переступить?¹

Выразительная характеристика, принадлежащая авторству Бенвенуто Челлини, посвящена флорентийскому герцогу Козимо I Медичи. Семнадцатилетним юношей он пришел к власти во Флоренции после гибели своего предшественника, герцога Алессандро. К 1560-м гг., на которые приходится составление «Жизни...» Челлини, Козимо находился в зените своего могущества. Джорджо Вазари напишет в «Рассуждениях» (1567 г.), что флорентийскому герцогу «мало не достает, чтобы стать королем Тосканы»². Образ Козимо как абсолютного монарха емко сформулировал Бенедетто Варки, официальный историк флорентийского двора. В «Истории Флоренции» он пишет, что «Козимо один управлял всем, и не было произнесено или сделано ничего ни малого, ни великого, на что он не сказал бы “да” или “нет”»³.

С первых лет своего правления Козимо осмысляет искусство как один из важнейших инструментов государственной политики, который используется им для создания образа единоличного правителя⁴. Масштабные художественные проекты, прославляющие флорентийского герцога и род Медичи, вторгаются в пространство публичного осуществления власти, меняя городской ландшафт. Характерным примером здесь является перестройка старого коммунального центра Флоренции. Палаццо Синьории, один из символов Флорентийской республики, в 1540 г. становится официальной гер-

¹ Челлини Б. Жизнь Бенвенуто Челлини, написанная им самим. Кн. 1. LXXXIX. М., 1958. С. 211–212.

² Vasari G. Ragionamenti. Vol. 8. Pisa, 1882. P. 66.

³ Varchi B. Storia fiorentina. XV. 44 // Opere di Benedetto Varchi, Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco. Vol. 1. Trieste, 1858. P. 431.

⁴ Подробнее о репрезентации герцога Козимо во флорентийском искусстве см., в частности: Forster K. W. Metaphors of Rule. Political Ideology and History in the Portraits of Cosimo I de' Medici // Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz. 1971. Bd. 15. H. 1. P. 65–104; Richelson P. W. Studies in the Personal Imagery of Cosimo I de' Medici, Duke of Florence. New York; London, 1978; Langedijk K. The Portraits of the Medici, 15th–18th Centuries. Florence, 1981. Vol 1; Дажина В. Д. Портретная иконография Медичи: от республики к монархии // Культура Возрождения и власть / Под ред. Л. М. Брагиной. М., 1999. С. 130–144.

цогской резиденцией и подвергается полной реконструкции. Дворец украсил монументальный скульптурно-живописный ансамбль, включивший многочисленные изображения Козимо и его великих деяний⁵. Со стороны виа делла Нинна к новой герцогской резиденции вплотную подступили протяженные галереи Уффици, предназначенные для 13 торговых и производственных флорентийских магистратур.

Перестройка старого центра Флорентийской республики и превращение его в административный и идеологический центр нового тосканского герцогства уже становились объектом пристальных штудий. В.Д. Дажина анализирует реконструкцию Палаццо Синьории и прилегающего к нему пространства в контексте широкой градостроительной программы, отвечавшей идеям построения флорентийского *stato nuovo* и в аллегорической форме прославлявшей важнейшие вехи правления герцога Козимо⁶. Как убедительно продемонстрировал на этом же материале Т. Хенк ван Веен, заметное место в зрелой художественной политике флорентийского герцога занимала апелляция к республиканской традиции, которая использовалась им для легитимации собственной власти⁷. Вазари пишет, что для Козимо решение о реконструкции Палаццо Синьории являлось данью уважения основам, с которых началось его правление: как герцог сохранил старые законы и установил новые, так он привел в порядок и поновил стены своей новой резиденции⁸. Ярким отражением этой двойственности становится официальный титул, который носили флорентийские герцоги вплоть до 1569 г., — *Duca della Repubblica Fiorentina*.

Развивая идею включения республиканской риторики в художественную репрезентацию Козимо, Т. Хенк ван Веен не затрагивает собственно проблему интеграции градостроительных проектов герцога в художественную ткань старой Флоренции. Республиканский центр, складывавшийся на берегу Арно с конца XIII в., был на-

⁵ Палаццо Синьории, первоначально носившее имя Дворца Приоров, стало именоваться герцогским дворцом (*Palazzo del Duca*) после переноса туда резиденции Козимо I. В дальнейшем, после переезда герцога в Палаццо Питти, его уже бывшая резиденция получила имя Палаццо Веккьо.

⁶ Дажина В.Д. Художественная политика Козимо I Медичи и искусство Флоренции второй половины XVI в. М., 1998.

⁷ Проблема впервые освещена в работе: *Henk van Veen Th. Republicanism in the Visual Propaganda of Cosimo I de' Medici // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1992. Vol. 55. P. 200–209.* Подробнее см.: *Henk van Veen Th. Cosimo I de' Medici and His Self-Representation in Florentine Art and Culture. Cambridge, 2006.* Также см.: *McHam S.B. Public Sculpture in Renaissance Florence // Looking at Italian Renaissance Sculpture / Ed. by S.B. McHam. Cambridge, 1998. P. 149–188.*

⁸ *Vasari G. Op. cit. P. 5.*

полнен знаками и символами, славящими свободу и независимость флорентийской коммуны. Борьба Медичи за власть во Флоренции, развернувшаяся в первой трети XVI в., придавала этим образам выраженный антимицелийский характер⁹. Каким образом старореспубликанская риторика встраивается в дискурс придворной культуры, направленной на прославление герцога и династии Медичи? Как антимицелийские образы превращаются в инструмент герцогской политики? Какую роль в этом процессе играют художественные проекты мастеров на службе флорентийского двора? Мы предлагаем рассмотреть круг этих вопросов на примере Площади Синьории, одной из главных точек соприкосновения республиканской и монархической традиций. С ее оформлением были связаны важнейшие скульптурные заказы флорентийского герцога, а именно — бронзовая статуя «Персея с головой Медузы» работы Бенвенуто Челлини (1545–1554 гг.), украсившая Лоджию деи Ланци, и мраморный фонтан с гигантской статуей Нептуна, созданный по проекту Бартоломео Амманати (1558–1575 гг.). Скульптуры Челлини и Амманати не разрушают, но встраиваются в художественный ансамбль, сложившийся на площади к середине XVI в. Его доминантами являлись «Давид» и «Геркулес и Какус» работы Микеланджело и Баччо Бандинелли, фланкировавшие вход в Палаццо Веккьо, и бронзовая группа «Юдифь и Олоферн» работы Донателло под сводами Лоджии деи Ланци. «Юдифь» и «Давид» появились на площади в годы последнего расцвета Флорентийской республики (1494–1512 гг.), в то время как окончание работы над «Гераклом» относилось к первым годам правления герцога Алессандро Медичи (1534 г.). После завершения работы над фонтаном главной осью этого ансамбля становятся исполинские статуи Давида, Геракла и Нептуна, получившие у современников прозвище гигантов¹⁰.

⁹ После установления во Флоренции власти герцогов Медичи флорентийцы оставались чуткими к публичной власти и ее проявлениям в художественных формах. Так, Винченцо Боргини, рассуждая о флорентийском вкусе, напишет, что у флорентинцев «добрый глаз, но злой язык». См.: *Borghini V. Lettere a Bernardo Buontalenti // Raccolta di lettere sulla pittura, scultura ed architettura / Ed. da G. Bottari, S. Ticozzi. Vol. 1. Milano, 1822. P. 243.*

¹⁰ Вазари называет статую Давида *il Gigante di Fiorenza*. См.: *Vasari G., Milanesi G. Le opere di Giorgio Vasari. Vol. 7. Firenze, 1881. P. 162.* Он также характеризует ее как «самого прекрасного из когда-либо [существовавших] гигантов». См.: *Vasari G., Milanesi G. Op. cit. Vol. 6. Firenze, 1878. P. 160.* Создание своего «гиганта» становится общим местом в творчестве флорентийских скульпторов XVI в., подражавших примеру Микеланджело. Челлини пишет о работе над статуей «великого гиганта» (*gran gigante*) Марса для Франциска I. См.: *Челлини Б. Указ. соч. Кн. 1. XXXIX. С. 365.* Вазари иронично характеризует Баччо Бандинелли как скульптора, «обожавшего делать гигантов». См.: *Vasari G., Milanesi G. Op. cit. Vol. 6. P. 160.*

История площади Синьории восходит к рубежу XIII–XIV вв., когда к власти во Флоренции приходят гвельфы — сторонники папы, объединявшие флорентийских банкиров, купечество, ремесленников и низшие городские слои. Их победа над давними противниками — гибеллинами из числа флорентийской аристократии — была увековечена строительством дворца для заседаний правительства приоров и примыкающей к нему площади. Пьяцца делла Синьория с момента своего появления мыслилась флорентинцами как важнейший центр общественной жизни республики, с которым было связано как приобщение к деятельности республиканских институтов, так и прямое осуществление власти коммуной. На площади собиралась толпа, чтобы наблюдать за приведением к присяге новых приоров, которые избирались каждые два месяца. В ходе церемонии приоры возлагали корону на скульптуру льва Мардзокко, располагавшегося на примыкающей к палаццо Синьории трибуне (*ringhiera*). Лев олицетворял собой Флоренцию, на службе которой находилось правительство республики¹¹. Площадь являлась местом созыва народного собрания и сбора городского ополчения для защиты от внешней угрозы. Здесь же происходили публичные казни врагов флорентийской коммуны¹².

На протяжении всего XV в. площадь Синьории находилась вне поля художественных заказов семьи Медичи, сосредоточивших в своих руках полноту власти во Флоренции в 1434 г., и оставалась полностью свободной от любой демонстрации личной власти и богатства¹³. Появление на ней знаменитых *palle*, или памятников, созданных на средства Медичи, могло легко обратить против них население коммуны. Справедливость этих опасений подтвердится уже после изгнания семьи из Флоренции в 1494 г. Две работы Донателло — бронзовая статуя Давида и скульптурная группа «Юдифь и Олоферн», созданные по заказу Козимо Старого, — были вынесены из внутреннего двора палаццо Медичи и размещены во внутреннем дворе Палаццо Синьории (Давид) и на трибуне перед ним (Юдифь и Олоферн). Скульптура, перемещенная в пространство публичной власти, становится олицетворением триумфа республики и победы над тиранией Медичи. Обновленная надпись, украсившая постамент

¹¹ Sexton K.S. A History of Renaissance Civic Loggias in Italy from the Loggia dei Lanzi to Sansovino's Loggetta. PhD. Thesis. New Haven, 1997. P. 197.

¹² Подробнее см.: Milner S.J. The Florentine Piazza della Signoria as Practiced Place // Renaissance Florence: A Social History / Ed. by R.J. Crum, J.T. Paoletti. Cambridge, 2006. P. 83–103.

¹³ Wisely J. Contested Civic Space: The Piazza della Signoria in Medicean Florence. Senior Thesis. Ypsilanti, 2021. P. 12.

Юдифи, гласила: «Пример общественного благодеяния. Установлен здесь флорентинцами в 1495 году»¹⁴. Перенос статуи Давида, в свою очередь, также мыслился как акт возвращения Флоренции ее традиционных символов, поскольку фигура этого героя связывался флорентинцами с идеями гражданской гармонии и защиты свободной коммуны. Работе всё того же Донателло принадлежала мраморная статуя Давида, установленная еще в 1416 г. в Палаццо Синьории¹⁵.

Образ Давида как символа Флорентийской республики получает законченное выражение в 1504 г., когда совет флорентийских граждан, собранный правительством гонфалоньера Пьетро Содерини, принял решение поместить на площади Синьории мраморного гиганта работы Микеланджело. Согласно первоначальному замыслу, статуя должна была украсить основание купола флорентийского Дуомо, однако нагота Давида и исключительные художественные качества скульптуры, скрадывающиеся при рассмотрении со слишком большого расстояния, обусловили поиски нового места для ее установки. Показательно, что из девяти вариантов размещения статуи шесть относились к коммунальному центру Флоренции — внутреннему двору Палаццо Синьории и площади перед ним, а также Лоджии деи Ланци¹⁶. Окончательное решение поместить Давида перед входом во дворец Синьории, на месте группы «Юдифь и Олоферн», создавало прямую связь между Синьорией и библейским героем, предстающим в качестве защитника республики. Кроме того, оно придавало мраморной статуе явный антимагический тон. Грозный взгляд Давида, стоящего спиной к дворцу, обращен на юг, в сторону Рима — туда, где нашли пристанище изгнанные из Флоренции Медичи¹⁷.

Таким образом, к началу XVI в. скульптурный ансамбль площади Синьории существенно расширился и включал в себя льва Мардзокко, «Давида» Микеланджело и группу «Давид и Олоферн», перемещенную в Лоджию деи Ланци. Эти образы, укорененные во флорентийской культуре, символизировали республику и ее победу над родом Медичи, что отражает бурные общественные и политические процессы, развернувшиеся во Флоренции в 1490-х гг. Вско-

¹⁴ *McHam S.B.* Donatello's Judith as the Emblem of God's Chosen People // *The Sword of Judith: Judith Studies Across the Disciplines* / Ed. by K.R. Brine, E. Ciletti, H. Lähnemann. Cambridge, 2010. P. 310.

¹⁵ *McHam S.B.* Donatello's Bronze "David" and "Judith" as Metaphors of Medici Rule in Florence // *The Art Bulletin*. 2001. Vol. 83. N 1. P. 34.

¹⁶ *Levine S.* The Location of Michelangelo's David: The Meeting of January 25, 1504 // *The Art Bulletin*. 1974. Vol. 56. N 1. P. 31–32.

¹⁷ *Ibid.* P. 34.

ре после установки скульптуры Микеланджело у флорентийского правительства возникла мысль о создании парного Давиду гиганта. Заказ был дан всё тому же Микеланджело, который приступил к работе над проектом статуи Геракла. Воплощение силы, храбрости и добродетели, Геракл также являлся одним из традиционных символов Флорентийской республики. Еще в конце XIII в. образ греческого героя появляется на печати флорентийского подеста. Грегорио Дати в «Истории Флоренции» упоминает Геракла — истребителя тиранов, «как это делали и флорентинцы»¹⁸. Ипостась Геракла-тираноборца приобретает особую актуальность в ходе борьбы республики с Медичи. Эскиз Микеланджело изображает борьбу Геракла с Антеем, которого герой отрывает от земли, лишая сил, — возможный намек на изгнание Медичи из Флоренции¹⁹.

В процессе работы Микеланджело над проектом статуи Геракла политическая ситуация во Флоренции существенно изменилась. В 1512 г. республиканское правительство Пьетро Содерини было свергнуто. К власти во Флоренции вновь пришли Медичи, которые не отказались от идеи создания еще одного мраморного гиганта, взяв исполнение заказа под свой контроль. Джулио Медичи, взошедший на папский престол под именем Климента VII (1523 г.), принял решение передать работу над статуей флорентийскому скульптору Баччо Бандинелли, долгие годы пользовавшемуся покровительством Медичи. Еще в 1515 г. он исполнил по заказу папы Льва X гигантскую стуктовую статую Геракла, установленную в Лоджии деи Ланци (не сохранилась)²⁰. Передача заказа Бандинелли, встретившая протест со стороны республиканца Микеланджело, очевидно, была связана с политическими соображениями Климента VII. В отличие от базилики Сан-Лоренцо, семейной церкви Медичи, для которой Микеланджело спроектировал фасад и возвел Новую Сакристию, публичное пространство площади Синьории являлось традиционным символом свободной коммуны. Работа в нем была поручена скульптору, чья лояльность роду не вызывала сомнений.

Образ Геракла, укорененный во флорентийской республиканской культуре, одновременно был связан с иконографией представи-

¹⁸ *Ettlinger L.D. Hercules Florentinus // Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz. 1972. Bd. 16. N. 2. P. 120–121.*

¹⁹ Схожий сюжет воспроизведет Якопо Понтормо в портрете «Юноши с алебардой» (Лос-Анджелес, музей Гетти), который изображает Франческо Гварди, юного защитника республиканской Флоренции от войск Медичи во время осады города 1527–1528 гг. См.: *Cropper E. Portrait of a Halberdier. Los Angeles, 1997. P. 70–72.*

²⁰ *Bush V.L. Bandinelli's "Hercules and Cacus" and Florentine Traditions // Memoirs of the American Academy in Rome. 1980. Vol. 35. P. 171.*

телей рода Медичи. Марсилио Фичино в одном из писем к Лоренцо Великолепному указывал, что существует три образа жизни — созерцательная, активная и наполненная наслаждениями, которые олицетворяют собой Сократ, Геракл и Парис. Лоренцо, согласно Фичино, гармоничным образом объединил в себе все три начала²¹. В 1470-е гг. братья Поллайоло создают для Лоренцо картины «Геркулес и Гидра», «Геркулес, удушающий Антея» и «Геркулес и Немейский лев», которые хранились в его кабинете в палаццо Медичи²². Бандинелли, в свою очередь, разрабатывает сюжет победы греческого героя над Какусом. В отличие от античного мифа, мраморный Геракл на площади Синьории оставляет в живых поверженного противника. Триумф греческого героя соединяется у Бандинелли с идеей милосердия (*clementia*) и завуалированно отсылает к Клименту VII (*Clemens*), заказчику скульптуры и покровителю Бандинелли²³. Стоящий на коленях Какус явно ассоциируется с покоренными флорентинцами. Мраморная группа встраивается в ансамбль площади, апеллируя к художественным решениям входящей в его состав скульптуры. Фигура Геракла, чей фасный разворот сочетается с выразительным поворотом головы влево, составляет пластическую пару «Давиду» Микеланджело, в то время как общая композиция скульптуры восходит к бронзовой группе «Юдифь и Олоферн».

Работа над «Геркулесом и Какусом» была прервана во время республиканского восстания во Флоренции, когда Медичи в очередной раз были изгнаны из города (1527–1530 гг.). Микеланджело, поддержавший республику, возвращается к идее мраморного гиганта на площади Синьории, но предлагает поместить рядом с Давидом статую другого ветхозаветного героя, Самсона, борющегося с филистимлянами²⁴. Эта идея, так и не нашедшая своего воплощения в мраморе, демонстрирует изменившееся отношение к образу Геракла, который приобретает для флорентинцев выраженные промедицинские коннотации. После окончательного разгрома республики и избрания Алессандро Медичи первым флорентийским герцогом Бандинелли завершает работу над скульптурой. Появление «Геркулеса и Какуса» на площади Синьории (1534 г.) встретило яростную критику со стороны флорентинцев, выразившуюся в форме сатирических

²¹ Фичино М. Паллада, Юнона и Венера обозначают созерцательную жизнь, активную жизнь и жизнь, проводимую в наслаждениях // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1965. С. 220.

²² Ettliger L.D. Op. cit. P. 120.

²³ Bush V.L. Op. cit. P. 179–180.

²⁴ Vasari G., Milanesi G. Op. cit. Vol. 6. P. 155.

эпиграмм. Как пишет Вазари, авторы самых едких четверостиший были отправлены герцогом Алессандро в заточение, в то время как Бандинелли получил в подарок от герцога виллу, конфискованную у одного из сторонников республики²⁵. Этот факт — наглядное свидетельство политической значимости образа Геракла, отныне напрямую связывавшегося с родом Медичи.

Образ Геракла становится важной частью репрезентации герцога Козимо, пришедшего к власти во Флоренции после гибели своего предшественника. В первый год его правления Доменико ди Поло выполняет медаль с портретом Козимо, обратная сторона которой украшена композицией «Геракл, удушающий Антея» (1537 г., Лондон, Британский музей). Работе Баччо Бандинелли принадлежал рисунок герцога в образе Геракла (известен по гравюре Никколо делла Каза, 1544 г., Нью-Йорк, музей Метрополитен). Фантазийные доспехи Козимо украшены сценами подвигов греческого героя — победы над немейским львом и эриманфским вепрем, борьбы с лернейской гидрой и кентавромахией, — а за спиной у него находится штандарт в виде львиной шкуры, увенчанный двумя головами льва Мардзокко. Образ Геракла занял особое место в декорации герцогской резиденции, бывшего дворца Синьории, где герою был посвящен отдельный зал. Скульптурные группы работы Винченцо Росси на тему подвигов Геракла, в том числе его победы над Какусом, украсили торжественный зал приемов. Вазари пишет о греческом герое как о «зеркале, которое учит жить, особенно правителей»²⁶. Пьетро Паоло Галеотти выполняет серию из 12 медалей, изображающих великие деяния флорентийского герцога²⁷. Таким образом, Козимо напрямую отождествляет себя с греческим героем, выступающим как олицетворение силы, мужества и добродетели. В этот дискурс естественным образом встраивается скульптурная группа работы Бандинелли.

Взгляд мраморного Геракла обращен в сторону Лоджии деи Ланци, под сводами которой находились «Юдифь и Олоферн» Донателло. Козимо оставляет «Юдифь» на месте, выбранном для нее республиканским правительством. Извлеченная из палаццо Медичи на виа Ларга в конце XV в., она вновь оказывается под символическим контролем семьи после превращения Палаццо Синьории в официальную резиденцию флорентийского герцога. Триумф Юдифи, занесшей меч над безвольным телом Олоферна, не только

²⁵ *Bush V.L.* Op. cit. P. 176.

²⁶ *Forster K.W.* Op. cit. P. 81.

²⁷ *Vasari G., Milanese G.* Op. cit. Vol. 7. P. 542–543.

выражал идею божественного правосудия, но и находил зримые параллели с первыми победами молодого герцога Козимо, в частности — с разгромом войска «изгнанников», сторонников республики под предводительством Филиппо Строрци, в битве при Монтемурло (1537 г.). Руководители «изгнанников» были пленены и приговорены к смертной казни. Идея победы герцога над внутренними и внешними врагами получает законченное выражение в статуе «Персей с головой Медузы» работы Бенвенуто Челлини, также установленной в Лоджии деи Ланци (1545–1554 гг.). Бронза, выбранная скульптором в качестве материала для работы, и общий мотив жестокой казни роднят «Персея» с «Юдифью» Донателло, в то время как поза героя опирается на пластическую формулу Аполлона Бельведерского, которую Челлини перерабатывает в более экспрессивном ключе. Персей, держащий в руке отрубленную голову Медузы, предстает перед флорентинцами в традиционной ипостаси победителя чудовищ. Скульптор явно отождествляет его с флорентийским герцогом, украшая мраморный постамент статуи мордами Козерогов — одним из узнаваемых атрибутов герцога. Грозный образ Персея соответствовал подчеркнuto героизированной репрезентации Козимо I в 1540-е гг. Так, мраморные бюсты работы Бандинелли и Челлини, создававшиеся в это время, представляли герцога в парадных доспехах *all'antica*, с решительным взглядом и активным поворотом головы²⁸. Челлини украшает постамент статуи бронзовым рельефом «Персей и Андромеда», где закованная в цепи длинноволосая красавица, изображенная на фоне городских стен и с небольшим цветком (*fiore*), является олицетворением Флоренции²⁹. Освобождение Персеем Андромеды становится, таким образом, освобождением герцогом Козимо Флоренции от хаоса и ужасов времен республики.

Символический контроль над площадью, который Козимо устанавливает путем наполнения ее промедичийскими образами, был неразрывно связан с формированием новых публичных ритуалов, отвечавших идее прославления флорентийского герцога. Начиная с 1540-х гг. герцогский дворец и площадь перед ним становятся местом проведения ежегодных праздничных мероприятий, организо-

²⁸ Подробнее о сложении типологии антикизированных портретов Козимо см.: Холев Р.Р. В образе *all'antica*: о ранних скульптурных бюстах герцога Козимо I Медичи // Клио. 2023. № 1 (193). С. 55–64.

²⁹ Assimakopoulou I. A Political Interpretation of the Relief Perseus and Andromeda at the Base of Cellini's Statue Perseus and Medusa // Studi umanistici Piceni. 2011. Vol. 31. P. 233.

ванных по указанию Козимо³⁰. Во время флорентийского карнавала на площади устраивали шуточные сражения и бои между животными, а в Палаццо Дукале организовывали театральные представления. В дни традиционного для Флоренции праздника рождества Иоанна Крестителя, покровителя города, торжественные процессии проходили перед герцогским дворцом, из окон которого Козимо показывался флорентинцам³¹. Коронация льва Мардзокко, прежде символизировавшая свободу и торжество республики, начинает использоваться герцогом для прославления строящегося им *stato nuovo*³². Образ льва включается в портретную репрезентацию Козимо. Львиные морды украшают фантазийные доспехи герцога в скульптурных бюстах *all'antica*. Джорджо Вазари в зале Льва X в Палаццо Веккьо изображает герцога в антикизированном доспехе со львом у ног. Лев, изображенный на одном из картушей, также появляется в тондо «Апофеоз Козимо I», украсившем потолок Зала Пятисот. В 1576 г. герцог Франческо, старший сын Козимо I, закажет для Мардзокко корону, воспроизводившую форму короны Великих герцогов Тосканских³³.

В 1564 г. лев Мардзокко, располагавшийся в северном углу *ringhiera*, был передвинут в центр примыкавшей к дворцу трибуны. Перенос скульптуры был связан с работой над мраморным фонтаном Нептуна, разместившимся у северно-западного угла Палаццо Веккьо. Герцог еще с начала 1550-х гг. вынашивал идею общедоступного *fontana di piazza*³⁴. Его появление на главной площади города должно было наглядно демонстрировать строительство флорентийского водопровода: решение проблемы городского водоснабжения, запечатленное в серии медалей Пьетро Галеотти, прославлялось как одно из 12 великих деяний Козимо. Тема воды также соотносилась с амбициозным проектом герцога по превращению континентальной Флоренции в морскую державу. В 1548 г. он приобрел остров Эльба

³⁰ Najemy J.M. Florentine Politics and Urban Spaces // Renaissance Florence: A Social History / Ed. by R.J. Crum, J.T. Paoletti. Cambridge, 2006. P. 19–54.

³¹ Подробнее см.: Plaisance M. Florence in the Time of the Medici: Public Celebrations, Politics, and Literature in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Toronto, 2008. P. 101–140.

³² См.: Henk van Veen Th. The Crown of the Marzocco and the Medici Dukes and Grand Dukes // Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz. 1999. Bd. 43. H. 2/3. P. 653–664.

³³ Ibid. P. 653.

³⁴ О работе Бандинелли над фонтаном см.: Henk van Veen Th. Problems with Cosimo I's Artistic Patronage: Baccio Bandinelli and the Neptune Fountain in the Piazza della Signoria // A Companion to Cosimo I de' Medici / Ed. by A. Assonitis, Th. Henk van Veen. London, 2021. P. 469–519.

и основал на нем крепость Космополи. Строительство на острове крепости и города, еще один из подвигов герцога на медалях Галлотти, позволило Козимо приступить к созданию флорентийского морского флота.

Работа над фонтаном, начатая в 1558 г., была поручена Баччо Бандинелли, имевшему богатый опыт в работе над скульптурами гигантов для Площади Синьории. Разрабатывая проект фонтана, скульптор обращается к мотиву свободностоящей фигуры Нептуна, на что указывает сохранившаяся подготовительная модель (ок. 1556 г., Монпелье, музей Фабра). Контрапост модели воспроизводит пластическое решение «Давида» Микеланджело, в то время как подчеркнута мощный торс сближает ее со статуей Геракла. Этот подход, шедший вразрез с устоявшейся в первой половине XVI в. репрезентацией Нептуна в активной позе, вынырывающим из воды и яростно замахающим трезубцем³⁵, был продолжен Бартоломео Амманати, который получил заказ на создание фонтана после смерти Бандинелли в 1560 г. Следуя замыслу своего предшественника, скульптор делает акцент на спокойно стоящей фигуре морского владыки. Амманати помещает Нептуна на колесницу, запряженную квадригой вынырывающих из воды гиппокампов, чьи небольшие размеры подчеркивают исполинский размер мраморного гиганта. Взгляд Нептуна обращен строго на юг, в сторону реки Арно, вид на которую открывается через арки Уффици. Скульптор представляет морского бога как верховного правителя, увенчанного короной и держащего в правой руке плеть. «Свиту» Нептуна составили бронзовые фигуры фавнов, сатиров и речных божеств работы Джамболоньи и Винченцо де Росси, украсившие края круглого мраморного бассейна³⁶.

Статуя Нептуна, установленная на углу палаццо Веккьо, выстроила единую ось со статуями Давида и Геракла, украшающими вход в Палаццо Веккьо. Гиганты работы Бандинелли и Амманати, воспроизводящие пластические решения «Давида», встроили скульптуру Микеланджело в новый художественный контекст, направленный на прославление флорентийского герцога. Как и ранее фигура Геракла, образ Давида становится частью репрезентации Козимо. Жизни Давида были посвящены три серии гобеленов, выполненные по эскизам Яна ван дер Страта и украсившие Палаццо Веккьо

³⁵ *Freedman L.* Neptune in Classical and Renaissance Visual Art // *International Journal of the Classical Tradition*. 1995. Vol. 2. N 2. P. 224.

³⁶ Проблема атрибуции бронзовых скульптур подробно рассмотрена в работе: *Utz H.* A Note on Ammannati's Apennine and on the Chronology of the Figures for His Fountain of Neptune // *The Burlington Magazine*. 1973. Vol. 115. No. 842. P. 295–300.

(1559–1562, 1567–1568 гг.)³⁷. Образ Козимо-Давида также появляется в декорации свадебных торжеств его старшего сына Франческо и Иоанны Австрийской (1565 г.)³⁸. Венецианский посол Винченцо Федели сравнивал приход Козимо к власти с историей Давида, который по воле Господа был призван от пастьбы овец к управлению царством³⁹. Образ библейского царя приобрел особую актуальность в 1570 г., когда папа Пий V в Риме возложил на голову Козимо корону Великого герцога Тосканского. Это событие, подтверждавшее божественный характер власти герцогов Медичи, возвышало их над светскими правителями итальянских земель и приближало к императорской орбите рода Габсбургов. К этому времени Козимо передал управление государством старшему сыну Франческо, сохранив за собой герцогское достоинство и «верховный авторитет» (*Suprema Autorità*)⁴⁰.

Фонтан Нептуна — последний художественный проект на площади перед Палаццо Веккьо, выполненный по заказу Козимо. Статуя Нептуна стала частью обширного скульптурного ансамбля, составленного из аллегорических образов библейских (Юдифь, Давид) и мифологических (Геракл, Персей, Нептун) героев. Старореспубликанские образы Геракла и Давида, в начале XVI в. приобретающие очевидные антимицелийские коннотации, становятся частью нового монархического дискурса путем их включения в галерею аллегорических портретов герцога и художественной полемики флорентийских придворных мастеров с творчеством Донателло и Микеланджело. Заимствование пластических формул «Юдифи» и «Давида» в работах Баччо Бандинелли, Бенвенуто Челлини и Бартоломео Амманати, соотносившееся с маньеристической идеей подражания *gran maniera*, заочно встраивало республиканские образы в новый семантический контекст на службе флорентийского герцога. Таким образом, в его полемике с республиканской традицией мы наблюдаем двунаправленный процесс, состоящий из внешнего следования республиканским традициям, о котором подробно пишет Т. Хенк ван Веен, и втягивания символов эпохи коммун в систему репрезентации Козимо как верховного правителя Великого герцогства Тосканского.

³⁷ Campbell T.P. *Tapestry in the Renaissance: Art and Magnificence*. New York, 2001. P. 503.

³⁸ Richelson P.W. *Op. cit.* P. 112.

³⁹ Forster K.W. *Op. cit.* P. 85.

⁴⁰ Pom M. Герцог Козимо I Медичи: церемониал отречения (1564) // *Proslogion: проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2016. Вып. 2 (14). С. 130.

Аллегорические образы, предваряющие вход в герцогскую резиденцию, вместе утверждают важнейшие топосы политической риторики Козимо — божественного происхождения его власти (библейский царь Давид и морской бог Нептун), победы над хаосом времени Республики и принесения мира Флоренции (победители чудовищ Юдифь, Геракл и Персей). Эти идеи встраиваются в дискурс более общей программы, связанной с репрезентацией Козимо как нового Августа. Герцог проводил многочисленные параллели между собой и Октавианом Августом, осмысляя свою биографию через деяния древнеримского императора, победителя в гражданской войне, дарителя мира и устроителя «золотого века Римской империи». Биографический параллелизм соединялся с заимствованием императорских символов — использованием образа Козерога как зодиакального знака Августа и репрезентацией флорентийского герцога в парадных доспехах *all'antica*⁴¹.

На закате жизни Козимо его мраморную статую в образе Августа создает Винченцо Данти (1572–1573 гг., Флоренция, музей Барджелло). Скульптура украсила внутренний двор галерей Уффици, увенчав их южную арку, выходящую в сторону Арно. Данти изображает Козимо-Августа в образе прекрасного юноши, облаченного в доспех *all'antica*. Пластический мотив и общие пропорции фигуры воспроизводят «Давида» Микеланджело. Шлем герцога выполнен в виде львиной морды, отсылающей к иконографии Геракла, освободителя Греции от чудовищ. Как и «Нептун», держащий в руке плеть, Козимо-Август держит в одной руке фасции как символ верховной власти и опирается другой рукой на картуш с изображением Козерога. Статуя, обращенная в сторону Палаццо Веккьо и трех мраморных гигантов перед ним, становится продолжением художественного ансамбля площади и подытоживает его аллегорическую программу, представляющую герцога как наделенного божественной властью абсолютного правителя и устроителя флорентийского *stato nuovo*.

Скульптурный ансамбль площади Синьории, сложившийся к 1570-м гг., прославлял Козимо исключительно в аллегорическом ключе. Образы Августа, Нептуна и Персея наделены его узнаваемыми атрибутами, но принципиально лишены портретных черт флорентийского герцога. Как можно предположить, этот подчеркнутый аллегоризм являлся частью сложной полемики с республиканской традицией и был связан с еще живой памятью о Площади Синьории как о пространстве, долго время остававшемся свободным от любых

⁴¹ Подробнее см.: Richelson P.W. Op. cit. P. 25–78.

проявлений личной власти. В 1585 г., спустя десятилетие после смерти Козимо, его мраморная скульптура во внутреннем дворе Уффици была заменена на статую работы Джамболоньи, созданную по заказу герцога Франческо Медичи⁴². В отличие от Винченцо Данти, Джамболонья изображает Козимо I в современном латном доспехе и наделяет его выраженными портретными чертами. Появление этой статуи знаменует новый этап публичной репрезентации Козимо, чьи исторические портреты освобождаются от сложной аллегорической образности. Своей кульминации эта традиция достигнет в конце XVI в., когда на площади перед палаццо Веккьо будет установлена бронзовая конная статуя Козимо I, также принадлежащая авторству Джамболоньи.

References

Assimakopoulou I. A Political Interpretation of the Relief Perseus and Andromeda at the Base of Cellini's Statue Perseus and Medusa // *Studi umanistici Piceni*. 2011. Vol. 31. P. 221–244.

Borghini V. Lettere a Bernardo Buontalenti // *Raccolta di lettere sulla pittura, scultura ed architettura* / Ed. da G. Bottari, S. Ticozzi. Milano: G. Silvestri, 1822. Vol. 1. P. 241–245.

Bush V.L. Bandinelli's "Hercules and Cacus" and Florentine Traditions // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1980. Vol. 35. P. 163–206.

Campbell T.P. *Tapestry in the Renaissance: Art and Magnificence*. New York: Metropolitan Museum of Art, 2001. 594 p.

Cropper E. *Portrait of a Halberdier*. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 1997. 138 p.

Crum R.J. "Cosmos, The World of Cosimo": The Iconography of the Uffizi Façade // *The Art Bulletin*. 1989. Vol. 71. N 2. P. 237–253.

Dazhina V.D. *Khudozhestvennaya politika Cosimo I Medici i iskusstvo Florentsii vtoroy poloviny XVI v.* [The Artistic Policy of Cosimo I de' Medici and the Art of Florence in the Second Half of the 16th Century]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1998. 71 p.

Dazhina V.D. *Portretnaya ikonografiya Medici: ot respubliki k monarkhii* [Portrait Iconography of the Medici: From Republic to Monarchy] // *Kul'tura Vozrozhdeniya i vlast'* [Renaissance Culture and Power] / Ed. by L.M. Bragina. Moscow: Nauka, 1999. P. 130–144.

Ettlinger L.D. *Hercules Florentinus* // *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz*. 1972. Bd. 16. H. 2. P. 120–121.

Forster K.W. *Metaphors of Rule. Political Ideology and History in the Portraits of Cosimo I de' Medici* // *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz*. 1971. Bd. 15. H. 1. P. 65–104.

⁴² Crum R.J. "Cosmos, The World of Cosimo": The Iconography of the Uffizi Façade // *The Art Bulletin*. 1989. Vol. 71. N 2. P. 241.

- Freedman L. Neptune in Classical and Renaissance Visual Art // *International Journal of the Classical Tradition*. 1995. Vol. 2. N 2. P. 219–237.
- Henk van Veen Th. Cosimo I de' Medici and His Self-Representation in Florentine Art and Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 280 p.
- Henk van Veen Th. The Crown of the Marzocco and the Medici Dukes and Grand Dukes // *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz*. 1999. Bd. 43. H. 2/3. P. 653–664.
- Henk van Veen Th. Problems with Cosimo I's Artistic Patronage: Baccio Bandinelli and the Neptune Fountain in the Piazza della Signoria // *A Companion to Cosimo I de' Medici* / Ed. by A. Assonitis, Th. Henk van Veen. London: Brill, 2021. P. 469–519.
- Henk van Veen Th. Republicanism in the Visual Propaganda of Cosimo I de' Medici // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1992. Vol. 55. P. 200–209.
- Kholev R.R. *V obraze all'antica: o rannikh skul'pturnykh byustakh gertsoga Cosimo I Medici* [In the all'antica Mode: On the Early Sculpted Busts of Duke Cosimo I de' Medici] // *Klio*. 2023. N 1 (193). P. 55–64.
- Langedijk K. The Portraits of the Medici, 15th–18th Centuries. Florence: Studio per edizioni scelte. 3 vols. Vol I. 1981. 1078 p.; Vol II. 1983. 433 p.; Vol. III. 1987. 220 p.
- Levine S. The Location of Michelangelo's David: The Meeting of January 25, 1504 // *The Art Bulletin*. 1974. Vol. 56. N 1. P. 31–49.
- McHam S.B. Donatello's Bronze "David" and "Judith" as Metaphors of Medici Rule in Florence // *The Art Bulletin*. 2001. Vol. 83. N 1. P. 32–47.
- McHam S.B. Donatello's Judith as the Emblem of God's Chosen People // *The Sword of Judith: Judith Studies Across the Disciplines* / Ed. by K.R. Brine, E. Ciletti, H. Lähnemann. Cambridge: Open Book Publishers, 2010. P. 307–324.
- McHam S.B. Public Sculpture in Renaissance Florence // *Looking at Italian Renaissance Sculpture* / Ed. by S.B. McHam. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 149–188.
- Milanesi G. *Le opere di Giorgio Vasari*. Firenze: G.S. Sansoni, 1881. Vol. 6. 662 p.; Vol. 7. 729 p.
- Milner S.J. The Florentine Piazza della Signoria as Practiced Place // *Renaissance Florence: A Social History* / Ed. by R.J. Crum, J.T. Paoletti. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 83–103.
- Najemy J.M. Florentine Politics and Urban Spaces // *Renaissance Florence: A Social History* / Ed. by R.J. Crum, J.T. Paoletti. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 19–54.
- Plaisance M. *Florence in the Time of the Medici: Public Celebrations, Politics, and Literature in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2008. 220 p.
- Richelson P.W. *Studies in the Personal Imagery of Cosimo I de' Medici, Duke of Florence*. New York; London: Garland Publishing, 1978. 183 p.
- Rot M. *Gertsog Cosimo I Medici: tseremonial otrencheniya (1564)* [Duke Cosimo I de' Medici: The Abdication Ceremony (1564)] // *Proslogion: problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Proslogion: Issues of the Social History and Culture of the Middle Ages and the Early Modern Period]. 2016. N 2 (14). P. 124–172.

Sexton K.S. A History of Renaissance Civic Loggias in Italy from the Loggia dei Lanzi to Sansovino's Loggetta. PhD Thesis. New Haven: Yale University, 1997. 687 p.

Utz H. A Note on Ammannati's Apennine and on the Chronology of the Figures for His Fountain of Neptune // *The Burlington Magazine*. 1973. Vol. 115. N 842. P. 295–300.

Wisely J. Contested Civic Space: The Piazza della Signoria in Medicean Florence. Senior Thesis. Ypsilanti: Eastern Michigan University, 2021. 66 p.

Поступила в редакцию
5 марта 2025 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАЗЬМИНА Ольга Евгеньевна** — доктор исторических наук; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОЗЛОВА Наталия Вадимовна** — доктор исторических наук, профессор; **КОШЕЛОВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 24.12.2025. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,75. Уч.-изд. л. 10,58. Тираж 100 экз. Изд. № 13035. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru